

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Confined to Library

NEVILL FORBES BEQUEST

Vcl. Slav. PG3314.A1.1803(2)

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

Confined to Library

NEVILL FORBES BEQUEST

Vcl.Slav.PG3314.A1.1803(2)

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

МОСКВА,
ВЪ Типографіи С. Селивановскаго,
1803.

Съ дозволенія
Московскаго Гражданскаго Губернатора.

П И С Ь М А
РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Ч А С Т Ь I.

Я хотѣлъ при новомъ изданіи моего переписать въ сихъ Письмахъ, и... не переписалъ почти ничего. Какъ они были писаны, какъ удостоились лестнаго благоволенія Публики, пусть такъ и остаются. Пестрота, неровность въ слогахъ есть слѣдствіе различныхъ предметовъ, которые дѣйствовали на душу молодого, неопытнаго Русскаго Путешественника: онъ сказывалъ друзьямъ своимъ, что ему приключалось, что онъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ — и описывалъ свои впечатлѣнія не на досугѣ, не въ тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ случалось, дорогою, на лоскуткахъ, карандашомъ. Много неважнаго; мѣлочи — соглашаюсь; но естьли въ Ритардсоновыхъ, Фильдинговыхъ романахъ безъ скуки читаемъ мы—

на примѣрѣ, что Грандисонъ всякой день пилъ два раза чай съ любезною Миссѣ Биронъ; что Томъ Джонсѣ спалъ ровно семь часовъ въ такомъ-то сельскомъ трактирѣ: то для того же и Путешественнику не простить нѣкоторыхъ бездѣльных подробностей? Словѣкъ въ дорожномъ платьѣ, съ посохомъ въ рукѣ, съ котомкою за плечами, не обязанъ говорить съ осторожною разборчивостію какого нибудь Придворнаго, окруженнаго такими же Придворными, или Профессора въ Шпанскомъ парикѣ, сидящаго на большихъ, утѣныхъ креслахъ. — А кто въ описаніи путешествій ищетъ однихъ статистическихъ и географическихъ свѣдѣній, тому, вмѣсто сихъ Писемъ, совѣтую читать Бишингову Географію.

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ II.

ПИСЬМА

РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ЧАСТЬ I.

Тверь, 18 Маія 1789.

Разспался я съ вами, милые, разспался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувспвами, а я безпреспанно опѣ васъ удаляюсь и буду удаляпсья!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? — Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечпою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты побѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты побѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но—когда пришелъ желаемой день, я спалъ грустнѣе, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, шакъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ — на сполъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои — на окно, подъ копорымъ еживалъ я подгору-

нившись въ припадкахъ своей меланхолии, и гдѣ такъ часпо заспавало меня восходящее солнце — на гописческой домѣ, любезной предметѣ глазѣ моихъ въ часы ночные — однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоценнымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за помыслими и чувстввами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое по время, какъ былъ размягченъ, распроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ, и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало распаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говориль забывалъ. Но что вамъ сказывать! — Минуса,

въ которую мы прощались, была
такова, что тысячи приятныхъ
минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ
за нее заплашутъ.

Милой Пшрв. провожалъ меня
до заспавы. Тамъ обнялись мы съ
нимъ, и еще въ первой разъ видѣлъ
я слезы его; — шамъ сѣлъ я въ
кибишку, взглянулъ на Москву,
гдѣ оспавалось для меня споль-
ко любезнаго, и сказалъ: *прости!*
Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади
помчались... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мѣрѣ, осиротѣлъ въ
душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и
тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ кото-
рые такъ хорошо бывало сердцу
моему посреди васъ, милые? —
Естьли бы человекъ, самому бла-
гополучному, вдругъ открылось бу-
дущее, то замерло бы сердце его
отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ
бы въ самую ту мину, въ кото-

рую онъ думалъ назвасть себя щасливѣйшимъ изъ смертныхъ! . .

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ пракширѣ, стоя передъ каррикатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, *выплакать сердце свое*. Тамъ - то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ прогашельномъ видѣ — — Но полно, полно! Мнѣ опять спановишься чрезмѣрно грустно. — Проспите! Дай Богъ вамъ множество утѣшеній! — Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства! —

С. Петербургъ, 26 Маія 1789.

Проживъ здѣсь пять дней, друзья мои, черезъ часъ побѣду въ Ригу.

Въ Петербургѣ я не веселился. Приѣхавъ къ своему Д**, нашелъ его въ крайнемъ уныніи. Сей достойной, любезной человекъ (*) открылъ мнѣ свое сердце; онъ чувствительно — онъ несчастливъ!.. „Состояніе мое совсѣмъ пвоему противоположно, сказалъ онъ со вздохомъ: главное пвое желаніе исполняется: ты ѣдешь наслаждаться, веселиться; а я побѣду искаю смерти, копорая одна можетъ окончить мое спраданіе.“ Я не смѣлъ утѣшать его, и довольствовался однимъ сердечнымъ участіемъ въ его горести. Но не думай, мой другъ — сказалъ я ему — чпобы ты видѣлъ передъ собою человека, довольнаго своею судьбою; приобрѣ-

(*) Его уже нѣтъ въ здѣшнемъ свѣтѣ.

шая одно, лишаясь другога, и жалю. — Оба мы вмѣспѣ опѣ всего сердца жаловались на нещасной жребій челоѡвѣчества, или молчали. По вечерамѣ прохаживались въ лѣпнемѣ саду, и всегда больше думали, нежели говорили; каждой о своемѣ думалѣ. До обѣда бывалѣ я на биржѣ, чѣобы видѣться съ знакомымѣ своимѣ Англичаниномѣ, черезѣ копорого надлежало мнѣ получить вексили. Тамѣ, смотря на корабля, я вздумалѣ-было ѣхать водою, въ Данцигѣ, въ Штепинѣ или въ Любекѣ, чѣобы скорѣе быти въ Германіи. Англичанинѣ мнѣ по же совѣтовалѣ, и сыскалѣ Капитана, копорой черезѣ нѣсколько дней хотѣлѣ плыти въ Штепинѣ. Дѣло, казалось, было съ концомѣ; однако жѣ вышло не такѣ. Надлежало объявити мой паспортѣ въ Адмиралтействѣ; но тамѣ не хотѣли надписати его, попому, чѣо онѣ данѣ изѣ Московскаго, а не изѣ Пепер-

бургскаго Губернскаго Правленія, и что въ немъ не сказано, какъ я поѣду; но ещѣ, не сказано, что поѣду моремъ. Возраженія мои не имѣли успѣха—я не зналъ порядка, и мнѣ оспавалось ѣхать сухимъ путемъ, или взять другой паспортъ въ Пестербургъ. Я рѣшился на первое; взялъ подорожную — и лошади гоповы. И пакъ проспише, любезные друзья! Когда-то будетъ мнѣ веселѣе! А до сей минушы все грустно. Проспише!

—●—

Рига, 31 Мая 1789.

Вчера, любезнѣйшіе друзья мои, пріѣхалъ я въ Ригу, и оспановилъся въ Hôtel de Petersbourg. Дорога меня измучила. Не довольно было сердечной грусти, копорой причина вамъ извѣсна: надлежало еще иппи сильнымъ дождямъ; надлежало, чтобы я вздумалъ,

кѣ нещастью , ѣхавъ изъ Пепер-
 бурга *на перекладныхъ* , и нигдѣ
 не находилъ хорошихъ кибипокѣ.
 Все меня сердило. Вездѣ , каза-
 лось , брали съ меня лишнее ; на
 каждой перемѣнѣ держали слиш-
 комъ долго. Но нигдѣ не было мнѣ
 пакѣ горько , какѣ въ Нарвѣ. Я
 прѣѣхавъ шуда весь мокрой , весь
 въ грязи ; на силу могѣ найши ку-
 пипъ двѣ рогожи , чптобы сколько
 нибудъ закрышься опѣ дождя , и
 заплапилъ за нихъ по крайней мѣ-
 рѣ какѣ за двѣ кожи. Кибипку да-
 ли мнѣ негодную , лошадей сквер-
 ныхъ. Лишь только опѣѣхали съ
 полверсты , переломилась ось ; ки-
 бипка упала въ грязь , и я съ нею.
 Илья мой побѣхавъ съ ямцикомѣ на-
 задѣ за осью , а бѣдной вашѣ другѣ
 оспался на сильномѣ дождѣ. Эпо-
 ва еще мало : пришелъ какой-по
 Полицейской , и началъ шумѣть ,
 чпо кибипка моя спояла среди
 дороги. Спрячь ее въ карманѣ! ска-
 II.

залъ я съ припворнымъ равнодушіемъ, и завернулъ въ плащъ. Богъ знаетъ, каково мнѣ было въ эту минушу! Всѣ пріятныя мысли о пупешествіи запылились въ душѣ моей. О еспьли бы мнѣ можно было тогда перенеспись къ вамъ, друзья мои! Внупренно проклиналъ я по безпокойсво сердца челоѳческаго, копорое влечетъ насъ отъ предмета къ предмету, отъ вѣрныхъ удовольствій къ невѣрнымъ, какъ скоро первыя уже не новы — копорое наспроиваетъ къ мечпамъ наше воображеніе, и заспавляетъ насъ искапъ радостей въ неизвѣспности будущаго!

Еспь всему предѣлъ; волна, ударившись о берегъ, назадъ возвращаетъ, или, поднявшись высоко, опяпъ внизъ упадетъ — и въ самой попѣ мигъ, какъ сердце мое спало полно, явился хорошо-одѣпой мальчикъ, лѣтъ принадапши, и съ милою, сердечною улыбкою сказалъ

миѣ по-Нѣмецки: „У васѣ излома-
лась кибипка? Жаль, очень жаль!
Пожалуйте къ намѣ — вопѣ нашѣ
домѣ—бапюшка и мапушка прика-
зали васѣ просипѣ къ себѣ.“—Бла-
годарю васѣ, государь мой! Только
миѣ не лѣзя опѣйни опѣ своей ки-
бипки; къ шому же я одѣпѣ слиш-
комѣ по-дорожному, и весь мокрѣ.—
„Кѣ кибипкѣ приспавимѣ мы чело-
вѣка; а на плапье дорожныхѣ кпо
смопритѣ? Пожалуйте, сударь, по-
жалуйте!“ — — Тушѣ улыбулся
онѣ пакѣ убѣдипельно, чпо я дол-
женѣ былѣ спряхнупѣ воду сѣ шля-
пы своей,—разумѣтѣся, для шого,
чпобы сѣ нимѣ иппи. Мы взялись
за руки, и побѣжали бѣгомѣ вѣболь-
шой каменной домѣ, гдѣ вѣ залѣ
перваго эшажа нашелѣ я многочи-
сленную семью, сидящую вокругѣ
спола; хозяйка разливала чай и кофе.
Меня приняли пакѣ ласково, поп-
чивали пакѣ сердечно, чпо я за-
былѣ все свсе горе. Хозяинѣ, по-

жилой человекъ, у котораго добродушіе на лицѣ написано, съ видомъ искренняго участія разспрашивалъ меня о моемъ путешествіи. Молодой человекъ, племянникъ его, не давно возвратившійся изъ Германіи, сказывалъ мнѣ, какъ удобнѣе ѣхать изъ Риги въ Кенигсбергъ. Я пробылъ у нихъ около часа. Между пѣмъ привезли ось, и все было готово. „Нѣтъ, еще поспойте!“ сказали мнѣ—и хозяйка принесла на блюдѣ три хлѣба. „Нашъ хлѣбъ, говорятъ, хорошъ: возьмите его.“ *Богъ съ вами!* примолвилъ хозяинъ, показавъ мою руку: *Богъ съ вами!*—Я сквозь слезы благодарилъ его, и желалъ, чтобы онъ и впредь своимъ гостеприимствомъ утѣшалъ печальныхъ странниковъ, распавшихся съ милыми друзьями.—Гостеприимство, священная добродѣтель, обыкновенная во дни юности рода человеческого, и споль рѣдкая во дни наши! есъли я когда нибудь себя

забуду, по пусь забудуѣ меня друзья мои! Пусь вѣчно буду бездомнымъ на землѣ спранникомъ и нигдѣ не найду впораго Крамера! (*) Просился со всюю любезною семьею, сѣлѣ въ кибипку и поскакалѣ, обрадованный находкою добрыхъ людей! —

Почпа опѣ Нарвы до Риги называется Нѣмецкою, для того, что Коммиссары на спанціяхъ Нѣмцы. Почповые дома вездѣ одинакіе — низенькіе, деревянные, раздѣленные на двѣ половины: одна для пробѣжихъ, а въ другой живетѣ самѣ Коммиссарѣ, у котораго можно найсти все нужное для уполенія голода и жажды. Спанціи маленькія; естѣ по двѣнадцати и десяти верстѣ. Вмѣсто ямщиковъ вѣзятѣ

(*) Одинѣ изѣ моихъ пріятелей, будучи въ Нарвѣ, чиналѣ Крамеру сіе письмо — онѣ былѣ доволенѣ — я еще больше!

опсшавные солдаты, изъ которыхъ иные помнятъ Миниха; рассказывая сказки, забываютъ они погонять лошадей, и для того прѣхалъ я сюда изъ Пепербурга не прежде, какъ въ пятой день. На одной станціи за Дерппомъ надлежало мнѣ ночевать: Г.З.***, вѣдущій изъ Италіи, забралъ всѣхъ лошадей. Я съ полчаса говорилъ съ нимъ, и нашелъ въ немъ любезнаго человѣка. Онъ наспрацалъ меня песчаными Прусскими дорогами, и совѣщавалъ лучше ѣхать черезъ Польшу и Вѣну; однако жъ мнѣ не хотелось перемѣнить своего плана. Пожелавъ ему щасливаго пути, бросился я на постелю; но не могъ заснуть до самаго того времени, какъ Чухонецъ пришелъ мнѣ сказать, что кибитка для меня впряжена.

Я не примѣтилъ никакой разницы между Эспляндцами и Лифляндцами, кромѣ языка и кафшановъ: одни носятъ черные, а дру-

гіе сѣрые. Языки ихъ сходны; имѣ-
юшѣ въ себѣ мало собспвеннаго,
много Нѣмецкихъ, и даже нѣсколь-
ко Славянскихъ словъ. Я замѣшилъ,
что они всѣ Нѣмецкія слова смяг-
чаютъ въ произношеніи: изъ чего
можно заключить, что слухъ ихъ
нѣженъ; но видя ихъ непрворсшво,
неловкость и недогадливость, вся-
кой долженъ думать, что они,
просто сказаць, глуповаты. Го-
спода, съ копорыми удалось мнѣ
говорить, жалуясь на ихъ лѣ-
ность, и называющѣ ихъ сонливыми
людьми, копорые по волѣ ничего
не сдѣлаютъ; и пакъ надобно,
чтобы ихъ очень неболили, попому
что они очень много работають,
и мужикъ въ Лифляндіи, или въ
Эспляндіи, приносятъ господину
вчешверо болѣе нашего Казанскаго
или Симбирскаго.

Сии бѣдные люди, *работающіе*
господамъ со страха и трепетомъ
во всѣ будничные дни, за то уже

безъ памяти веселяшся въ праздни- ки, копорыхъ, правда, весьма не много по ихъ Календарю. Дорога усѣяна корчмами, и всѣ онѣ въ проѣздѣ мой были наполнены гуляющимъ народомъ — праздновали Троицу.

Мужики и господа Люперанскаго исповѣданія. Церкви ихъ похожи на наши, кромѣ того, что на верьху спойшѣ не крестѣ, а пѣшухѣ, копорой долженъ напоминать о паденіи Апостола Петра. Проповѣди говоряшся на ихъ языкѣ; однако жъ Паспоры всѣ знаютъ по-Нѣмецки.

Что принадлежитъ до мѣстоположеній, то въ этой сторонѣ смотрѣшь не на что. Лѣса, песокъ, болоша; нѣтъ ни большихъ горъ, ни проспранныхъ долинъ. — Напрасно будешь искать и шакихъ деревень, какъ у насъ. Въ одномъ мѣстѣ видишь два двора, въ другомъ при, чепыре, и церковь. Избы больше нашихъ, и раздѣлены

обыкновенно на двѣ половины: въ одной живутъ люди, а другая служить хлѣвомъ. — Тѣ, которые бдуть не на почтовыхъ, должны оспанавливаться въ корчмахъ. Впрочемъ я почти совсѣмъ не видалъ пробѣжикъ: такъ пуста эта дорога въ нынѣшнее время.

О городахъ говорить много нечего, потому что я въ нихъ не оспанавливался. Въ Ямбургѣ, маленькомъ городкѣ, извѣстномъ по своимъ суконнымъ фабрикамъ, есть изрядное каменное строение. Нѣмецкая часть Нарвы, или собственно такъ называемая Нарва, состоитъ по большей части изъ каменныхъ домовъ; другая, отдѣляемая рѣкою, называется Иванъ-городъ. Въ первой все на Нѣмецкую сторону, а въ другой все на Рускую. Тутъ была прежде наша граница — о Пётрѣ, Пётрѣ!

Когда открылся мнѣ Дерптъ, я сказалъ: прекрасной городокъ! Тамъ все праздновало и веселилось.

II.

3

Муцины и женцины ходили по городу обнявшись, и въ окресныхъ рощахъ мелькали гуляющія пары. *Сто городѣ, то коровѣ; сто деревня, то обытай.* — Здѣсь-то живешъ брашъ нещаснаго Л** (*). Онъ главной Паспоръ, всѣми любимъ, и доходъ имѣешъ очень хорошій. Помнишъ ли онъ брапа? Я говорилъ объ немъ съ однимъ Лифляндскимъ дворяниномъ, любезнымъ, пылкимъ челоуѣкомъ. „Ахъ, государь мой! сказалъ онъ мнѣ: самое по, что одного прославляешъ и щаспливишъ, дѣлаешъ другава злополучнымъ. Кпо, чипая Поэму шеснад-

(*) Ленца, Нѣмецкаго Автора, который нѣсколько времени жилъ со мною въ одномъ домѣ. Глубокая меланхолия, слѣдствіе многихъ нещасій, свела его съ ума; но въ самомъ сумасшествіи онъ удивлялъ насъ иногда своими нипическими идеями, а всего чаще прогалъ добродушіемъ и шерпніемъ.

цапилѣшняго Л**, и все то, что онѣ писалъ до двадцати пяти лѣтъ, не увидишь *утренней зари великаго духа*? Кто не подумаеиъ: вопѣ юной Клопшпокъ, юной Шекспирѣ? Но черныя тучи помрачили эту прекрасную зарю, и солнце никогда не возсіяло. *Глубокая* чувствительность, безъ которой Клопшпокъ не былъ бы Клопшпокомѣ и Шекспирѣ Шекспиромѣ, погубила его. Другія обстоятельство, и Л* безсмертенъ!“ —

Лишь только вѣдешь въ Ригу, увидишь, что это торговой городъ — много лавокъ, много народа — рѣка покрыта кораблями и судами разныхъ націй — биржа полна. Вездѣ слышишь Нѣмецкой языкъ — гдѣ-гдѣ Руской — и вездѣ пребуюиъ не рублей, а шалеровѣ. Городъ не очень красивъ; улицы узки — но много каменнаго строенія, и есть хорошия дома.

Въ пракширѣ, гдѣ я оспановил-
ся, хозяинѣ очень услужливѣ: самѣ
носилѣ паспортѣ мой въ Правленіе
и въ Благочиніе, и сыекалѣ мнѣ
извощика, копорой за шринадцать
червонцевѣ нанялся довести меня
до Кенигсберга, вмѣстѣ съ однимѣ
Французскимѣ купцомѣ, копорой
нанялѣ у него въ свою коляску че-
тыре лошади; а я поѣду въ кибит-
кѣ.—Илью опправляю опсюда пря-
мо въ Москву.

Милые друзья! всегда, всегда о
васѣ думаю, когда могу думать. Я
еще не выѣхалѣ изѣ Россіи, но
давно уже въ чужихѣ краяхѣ, по-
тому что давно съ вами распался.

Курляндская корема, 1 Юня 1789.

Еще не успѣлѣ я окончать письма
кѣ вамѣ, любезнѣйшіе друзья, какѣ
лошади были впряжены, и пракшир-
щикѣ пришелѣ сказать мнѣ, что

черезъ полчаса запрутъ городскія воропы. Надобно было дописать письмо, расплашиться, укласть чемоданъ и приказать кое-что Ильѣ. Хозяинъ воспользовался моимъ недосугомъ, и подалъ мнѣ самой аптекарской счесть; по естъ, за однѣ супки онъ взялъ съ меня около девяти рублей!

Удивляюсь еще, какъ я въ такихъ поропяхъ ничего не забылъ въ прапирѣ. Наконецъ все было гоново, и мы выѣхали изъ воропъ. Тутъ проспился я съ добродушнымъ Ильею — онъ къ вамъ побѣхалъ, милые! — Начинало смеркаться. Вечеръ былъ шихъ и прохладенъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ молодого путешественника, и не чувствовалъ, какъ прошла ночь. Восходящее солнце разбудило меня лучами своими; мы приближались къ заспавѣ, маленькому домику съ рогашкою. Парижской купецъ пошелъ со мною къ Маіору, копорой

принялъ меня учтиво, и послѣ осмотра велѣлъ насъ пропустить. Мы вѣхали въ Курляндію — и мысль, что я уже вѣ опечесства, производила въ душѣ моей удивительное дѣйствіе. На все, что попадалось мнѣ въ глаза, смотрѣлъ я съ опмѣннымъ вниманіемъ, хотя предметы сами по себѣ были весьма обыкновенны. Я чувствовалъ такую радость, какой со времени нашей разлуки, милые! еще не чувствовалъ. Скоро открылась Минава. Видъ сего города некрасивъ, но для меня былъ привлекателенъ. Вопѣ первой иноспранной городѣ! думалъ я — и глаза мои искали чего нибудь опмѣннаго, новаго. На берегу рѣки Аа, черезъ которую мы переѣхали на плоту, стоить дворецъ Герцога Курляндскаго, не малой домѣ, впрочемъ по своей наружности весьма не великолѣпной. Стекла почти вездѣ выбиты или вынуты; и видно, что внутри

комнатѣ передѣлываютъ. Герцога живётъ въ лѣпномъ замкѣ, не далеко отъ Мипавы. Берега рѣки покрыты лѣсомъ, копорымъ самъ Герцога исключительно поругуетъ, и копорой сосавляетъ для него немалой доходъ. Споявшіе на караулѣ солдаты казались инвалидами. Что принадлежитъ до города, то онъ великъ, но не хорошъ. Дома почти всѣ маленькіе, и довольно неопряжны; улицы узки и худо вымощены; садовъ и пусырей много.

Мы остановились въ пракпирѣ, копорой считаеся лучшимъ въ городѣ. Тотчасъ окружили насъ Жиды съ разными бездѣлками. Одинъ предлагалъ прубку, другой спарой Люшеранской молишвенникъ и Гопшедову Граммапику, прешій зришельное спекло, и каждой хотѣлъ продать шоварѣ свой такимъ добрымъ господамъ за самую сходную цѣну. Французенка,

ѣдущая съ Парижскимъ купцомъ, женщина лѣтъ въ сорокъ пять, спала' управляя свои еѣдые волосы передъ зеркаломъ, а мы съ купцомъ, заказавъ обѣдъ, пошли' ходить по городу—видѣли, какъ молодой Офицеръ училъ старыхъ солдатъ, и слышали, какъ пожилая курносая Нѣмка въ чепчикѣ бранилась съ пьянымъ мужемъ своимъ, сапожникомъ!

Возвращаясь, обѣдали мы съ добрымъ аппешипомъ, и послѣ обѣды имѣли время напишья кофе, чаю, и поговорить довольно. Я узналъ отъ сопутника своего, что онъ родомъ Италіянецъ, но въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ оставилъ свое опечесство и вошелъ въ коммерцію въ Парижѣ; много путешествовалъ, и въ Россію пріѣзжалъ опчаспи по своимъ дѣламъ, опчаспи для того, чтобы узнать всю жестокость зимы; и теперь возвращаешся опянь въ Парижѣ, гдѣ на-

мѣренѣ навсегда оспашься. — За все вмѣстѣ заплапили мы въ пракирѣ по рублю съ человекѣ.

Выѣхавѣ изѣ Мишавы, увидѣлѣ я пріятнѣйшія мѣста. Сія земля гораздо лучше Лифляндіи, копіую не жаль пробѣхати зажмурясь. Намѣ попались фурманы изѣ Либавы и Пруссіи. Спранные экипажи! Длинныя фуры цугомѣ; лошади пребольшія, и висяція на нихѣ гремяшки производяшѣ неспносною для ушей шумѣ.

Опѣѣхавѣ пять миль, оспановились мы ночевати въ корчмѣ. Дворѣ хорошо покрытѣ; комнапы довольно чиспы, и въ каждой гопова постеля для путешеспвенниковѣ.

Вечерѣ пріятенѣ. Въ нѣсколькихѣ шагахѣ опѣ корчмы печепѣ чиспая рѣка. Берегѣ покрытѣ мягкою зеленою правою, и оспненѣ въ иныхѣ мѣстахѣ гуспыми деревьями. Я опказался опѣ ужина, вышелѣ на берегѣ, и вспомнилѣ

одинъ Московской вечеръ, въ копорой, гуляя съ Пш. подъ Андроньевымъ монастыремъ, съ опмѣннымъ удовольствіемъ смопрѣли мы на заходящее солнце. Думалъ ли я тогда, что ровно черезъ годъ буду наслаждаться пріятностями вечера въ Курляндской корчмѣ! Еще другая мысль пришла мнѣ въ голову. Нѣкогда началъ-было я писать романъ, и копѣлъ въ воображеніи обрѣздишь почно нѣ земли, въ копорыя теперь ѣду. Въ мысленномъ путешествіи, выѣхавъ изъ Россіи, оспановился я ночевать въ корчмѣ: и въ дѣйствительномъ то же случилось. Но въ романъ писалъ я, что вечеръ былъ самой ненастной; что дождь не ссавилъ на мнѣ сухой нипки, и что въ корчмѣ надлежало мнѣ сушишься передъ каминомъ; а на дѣлѣ вечеръ выдался самой тихой и ясной. Сей первой ночлеги былъ нещасливъ

для романа: боясь, чпобы ненаспное время не продолжилось и не обезпокоило меня въ моемъ путешесвіи, сжегъ я его въ печи, въ благословенномъ своемъ жилищѣ на Чиспыхъ Прудахъ.—Я легъ на правѣ подѣ деревомъ, вынулъ изъ кармана записную книжку, чернилицу и перо, и написалъ по, чпо вы шеперь чипали.

Между шѣмъ вышли на берегъ два Нѣмца, копорые въ особливой кибишкѣ ѳдупъ сѣ нами до Кенигсберга; легли подлѣ меня на правѣ, закурили шрубки, и опѣ скуки начали бранишь Руской народѣ. Я, переспавъ писать, жладнокровно спросилъ у нихъ, были ли они въ Россіи далѣ Риги? Нѣпѣ, опвѣчали они. А когда шакъ, государи мои, сказалъ я, по вы не можете судить о Руской націи, побывавъ шолько въ пограничномъ городѣ. Они не разсудили за благо спорить, но долго не хотѣли признашь ме-

ня Рускимъ, воображая, что мы не умѣемъ говорить иностранными языками. Разговоръ продолжался. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что онъ имѣлъ щастіе быть въ Голландіи, и скопилъ тамъ много полезныхъ знаній. „Кто хочеть узнатьъ свѣтъ, говорилъ онъ, тому надобно ѣхать въ Роттердамъ. Тамъ-то живушь славно, и всѣ гуляють на шляпкахъ! Нигдѣ не увидишь того, что тамъ увидишь. Повѣрьте мнѣ, государь мой, что въ Роттердамъ я сдѣлался чело-вѣкомъ!“ — Хорошъ гусь! думалъ я — и пожелалъ имъ добраго вечера.

Поланга, $\frac{3}{14}$ Юня 1789.

Наконецъ, пробѣжавъ Курляндію болѣе двухъ сотъ верстъ, вѣхали мы въ Польскія границы, и остановились ночевать въ богатой кор-

чмѣ. Въ день переѣзжаемъ обыкновенно десять миль, или верстѣ семьдесятѣ. Въ корчмахъ находили мы по сіе время чшо пипѣ и ѣспѣ: супѣ, жареное съ салатомѣ, яицы; и за это плашили мы не болѣе, какѣ копѣекѣ по двадцати съ человекѣ. Еспѣ вездѣ кофе и чай; правда, чшо все не очень хорошо. — Дорога довольно пуща. Кромѣ фурмановѣ, которые намѣ раза при попадались, и спаромодныхѣ берлиновѣ, въ копорыхѣ Курляндскіе дворяне ѣздяшѣ другѣ къ другу въ госпи, не вспрѣчались намѣ никакіе пробѣжіе. Впрочемѣ дорога не скучна; вездѣ видишь плодосную землю, луга, роци; памѣ и сямѣ маленькія деревеньки, или врозѣ разсѣянныя креспьянскіе домики.

Сѣ Французскимѣ Испаліанцомѣ мы ладимѣ. Кѣ Французенкѣ у меня не лежишѣ сердце, для шото чшо ея фізіогномія и ухапки

мнѣ не нравяпся. Впрочемъ можно ее похвалишь за опряпнсссть. Лишь полько оспановимся, извоцикѣ нашѣ Гаврила, котораго она зовешѣ Габріелемѣ, долженѣ неспи за нею вѣ горницу уборной ларчикѣ ея, и по крайней мѣрѣ часѣ она помадипся, пудрипся, припираешся, такѣ чпо всегда надобно ее дожидашся кѣ обѣду. Долго совѣповались мы, сажашъ ли сѣ собою за споль Нѣмцовѣ. Мнѣ поручено было узнать ихѣ соспояніе. Опкрылось, чпо они купцы. Всѣ сомнѣнія исчезли, и сѣ шого времени они сѣ нами обѣдають; а какѣ Ипаліянецѣ сѣ Француженкою не разумѣють по Нѣмецки, а оңи по Французски, шо я долженѣ служишь имѣ переводчикомѣ. Нѣмецѣ, которой вѣ Ропшердамѣ спашѣ человекѣмѣ, увѣрялѣ меня, чпо онѣ прежде совершенно зналѣ Французской языкѣ, и забылѣ его весьма недавно; а чпобы еще бо-

лѣ увѣришь въ этомъ меня и поварища своего, по при всякомъ поклонѣ Француженкѣ говоритъ онъ: *оплише, Матамъ! obligé, Madame!*

На Польской границѣ осмопрѣ былъ не строгой. Я далъ приспавамъ копѣекъ сорокъ; послѣ чего они только заглянули въ мой чемоданъ, вѣря, что у меня нѣтъ ничего новаго.

Море опѣ корчмы не далѣ двухъ сотъ сажень. Я около часа сидѣлъ на берегу, и смопрѣлъ на проспранство волнующихся водъ. Видъ величественной и унылой! Напрасно глаза мои искали корабля или лодки! Рыбакъ не смѣлъ показаться на морѣ; порывистой вѣспрѣ опрокинулъ бы челнъ его.— Завпра будемъ обѣдать въ Мемелѣ, опкуда опправляю къ вамъ эпо письмо, друзья мои!

Мемель, 15 Июня, 1789.

Я ожидалъ, что при вѣбздѣ въ Пруссію на самой границѣ насъ остановятъ; однакожъ эпова не случилось. Мы пріѣхали въ Мемель въ одиннадцатомъ часу, остановились въ пракширѣ — и дали нѣскольکو грошей осмопрцикамъ, чптобы они не перерывали нашихъ вещей.

Городъ не великъ; еспь каменные спроенія, но мало порядочныхъ. Ципадель очень крѣпка; однакожъ наши Рускіе умбли взяпъ ее въ 57 году.

Мемель можно назватъ хорошимъ порговымъ городомъ. Курляндской Гафѣ, на копоромъ онъ лежипъ, очень глубокъ. Приспанъ наполнена разными судами, копорья грузятъ по большой части пенькою и лѣсомъ для опсправленія въ Англію и Голландію.

Изъ Мемеля въ Кенигсбергъ припути; по берегу Гафа считається

до Кенигсберга 18 миль, а черезъ Тильзитъ 30 : большая розница ! Но извозчики всегда почти избирають сей послѣдній путь, жалѣя своихъ лошадей, копорыхъ весьма упоминають ужасные пески набережной дороги. Всѣ они берутъ здѣсь билеты, плапя за каждую лошадь и за каждую милю до Кенигсберга. Нашъ Габріель заплашилъ при шалера, сказавъ, что онъ побѣдетъ берегомъ. Мы же въ самомъ дѣлѣ ѣдемъ черезъ Тильзитъ ; но Руской человекъ смѣкнулъ, что за 30 миль взяли бы съ сего болѣе, нежели за 18 ! Третій путь водою черезъ Гафъ, самой крапчайшій въ хорошую погоду, такъ что въ семь часовъ можно быть въ Кенигсбергѣ. Нѣмцы наши, копорые наняли извозчика только до Мемеля, ѣдутъ водою: что имъ обоимъ будетъ стоить только два червонца. Габріель уговаривалъ и насъ съ Ипаліянцомъ—

II.

4

съ копорымъ обыкновенно говоришь онѣ или знаками, или черезъ меня — ѣхашь съ ними же : что было бы для него весьма выгодно; но мы предпочли покойное и вѣрное безпокойному и невѣрному, а въ случаѣ бури и опасному.

За обѣдомъ ѣли мы живую, вкусную рыбу, копорюю Мемель изобилуешь; а какъ намъ сказали, что Прусскія корчмы очень бѣдны, то мы запаслись здѣсь хорошимъ хлѣбомъ и виномъ.

Теперь, милые друзья, время опнеспи письмо на почпу; у насъ лошадей впрягаюшь.

Что принадлежишь до моего сердца. . . . благодарю судьбѣ! оно спало повеселѣе. То думаю о васъ, моихъ милыхъ — но не съ шакою уже горестію, какъ прежде — то даю волю глазамъ своимъ бродить по лугамъ и полямъ, ничего не думая; то воображаю себѣ будущее, и почпи всегда въ пріятныхъ

видахъ. — Простите! Будьте здоровы, спокойны, и воображайте себѣ странствующаго друга вашего рыцаремъ веселаго образа! —

*Кортма, въ милѣ за Гильзитомъ,
17 Юня 1789, 11 часовъ ночи.*

Все вокругъ меня спитъ. Я и самъ было-легъ на постелю; но около часа напрасно ожидавъ сна, рѣшился встать, засвѣпить свѣчу и написать нѣсколько строкъ къ вамъ, друзья мои.

Я радъ, что изъ Мемеля не согласился ѣхать водою. Мѣста, черезъ копорья мы пробѣжали, очень пріятны. То обширныя поля съ прекраснымъ хлѣбомъ, то зеленые луга, то маленькія рожицы и кусты, какъ будто бы въ искусственной симметріи расположенные, представлялись глазамъ нашимъ. Маленькія деревеньки вдали

соспавляли паже пріятной видѣ, Qu'il est beau, se pays-ci! пвердили мы съ Ипаліянцомѣ.

Вообще, кажется, земля въ Пруссіи еще лучше обрабопана, нежели въ Курляндіи, и въ хорошіе годы во всей здѣшней споронѣ хлѣбѣ бываетъ очень дешево; но въ прошедшій годѣ урожай былъ пажѣ худѣ, что Правительству надлежало довольствоваться народѣ хлѣбомѣ изѣ заведенныхъ магазиновѣ. Пяшь, шесть лѣтъ хлѣбѣ родится хорошо; въ седьмой годѣ худо, и поселянину бѣтъ не чего — онѣ шого, что онѣ всегда излишно надѣется на будущее лѣшо, не представляя себѣ ни засухи, ни града, и продаетъ все сверхѣ необходимаго.— Тильзитѣ есть весьма изрядно выпроенной городокѣ и лежитѣ среди самыхъ плодосноснѣйшихъ долинѣ на рѣкѣ Мемелѣ. Онѣ производитѣ знаш-

ной поргѣ хлѣбомъ и лѣсомъ, отправляя все водою въ Кенигсбергъ.

Насъ остановили у городскихъ воротъ, гдѣ стояли на караулѣ не солдаты, а граждане: для того, что полки, составляющіе здѣшній гарнизонъ, не возвратились еще со смолы. Толстой часовой, у копораго подъ брюхомъ висѣла маленькая шпаженка, поднявъ на плечо изломанное и веревками связанное ружье, съ гордымъ видомъ сбѣжалъ при шага впередъ и преспаннымъ голосомъ закричалъ мнѣ: *Wer sind Sie? Кто вы?* Будучи занятъ разсмаприваніемъ его необыкновенной фізіогноміи и фігуры, не могъ я поспѣть отвѣчать ему. Онъ надулся, искривилъ глаза и закричалъ еще спрашнѣйшимъ голосомъ: *Wer seyd ihr?* гораздо уже неучивше! Нѣсколько разъ надлежало мнѣ сказывать свою фамилію, и при вся-

комъ разѣ шапалъ онѣ головою , дивясь чудному Рускому имени. Сѣ Ипаліянцомъ испорія была еще длиннѣе. Напрасно опзывался онѣ незнаніемъ Нѣмецкаго языка: полспобрюхой часовой непремѣнно хотѣлъ, чпобѣ онѣ опвѣчалѣ на всѣ его вопросы, вѣрояпно сѣ великимъ прудомъ наизуспъ вышверженные. Наконецъ я былѣ призванѣ на помощь, и насилу добились мы до шого, чпобы насѣ пропуспили. — Вѣ городѣ показывали мнѣ башню, вѣ разныхъ мѣспахъ проспрѣленную Рускими ядрами.

Вѣ Прусскихъ корчмахъ не находимъ мы ни мяса , ни хорошаго хлѣба. Француженка дѣлаешѣ намѣ *des oeufs au lait*, или Рускую яшницу , копорая сѣ молошнымъ супомъ и салапомъ соспавляешѣ нашѣ обѣдѣ и ужинѣ. За шо мы сѣ Ипаліянцомъ пьемѣ вѣ день чашекѣ по десяпи кофе , копорое вездѣ находили.

Лишь только расположились мы вълкорчмѣ, гдѣ шеперь ночуемѣ, усъщали лошадиной попопѣ, и черезъ полминуты вошелъ человекъ въ шемномѣ фракѣ, въ пре-большой шляпѣ и съ длиннымѣ хлыспомѣ; подошелъ къ сполу, взглянулъ на насъ—на Француженку, заняшую вечернимѣ шуалепомѣ; на Ипаліянца, разсмапривавшаго мою дорожную ландкарпу, и на меня, пившаго чай—скинулъ шляпу, пожелалъ намѣ добраго вечера, и оборотясь къ хозяйкѣ, которая лишь только показала лобѣ изъ другой горницы, сказалъ: „Здравствуй, Лиза! Какъ поживаешь?“

Лиза (сухая женщина лѣлѣ въ придцашѣ). А, Господинѣ Порупчикѣ! Добро пожаловать! Откуда? откуда?

Порупчикѣ. Изъ города, Лиза. Баронѣ Фонѣ М** писалъ ко мнѣ, что у нихъ Комедіаншы. „Привз-

жай, братъ, прїѣзжай! Шалуны повеселятъ насъ за наши гроши!“
 Чорпъ меня возьми! Еспъли бы я зналъ, чпо за швари эпи. Комедіанпы, не изъ чего бы не побжалъ.

Лиза. И, ваше благородіе! Развѣ вы не жалуеша Комедіи?

Поруттикъ. О! я люблю все, чпо забавно, и переплашилъ вѣ жизнь свою довольно полновѣсныхъ палеровъ за Докшора Фауста съ Гансѣ Вуршпомъ (*).

(*) Докшоръ Фаустъ, по суевѣрному народному преданію, естъ великой колдунъ, и по сіе время бывающъ обыкновенно героемъ глупыхъ піесъ, играемыхъ вѣ деревняхъ или вѣ городахъ на площадныхъ Театрахъ странствующими Акшерами. Вѣ самомъ же дѣлѣ Іоаннъ Фаустъ жилъ, какъ честной гражданинъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ, около середины нѣшаго-надесять вѣка; и когда Гупшенбергъ, Майнцской уроженецъ, изобрѣлъ печатаніе книгъ, Фаустъ

Лиза. Гансѣ Вурстѣ очень смѣшенѣ, сказывающѣ.— А что играли Комедіаншы, Господинѣ Порупчикѣ?

Порупчикѣ. Комедію, въ которой не было ничего смѣшнаго. Иной кричалѣ, другой кривлялся,

вмѣстѣ съ нимѣ пользовался выгодами сего изобрѣшенія. По смерти Гуштенберговой Фаустѣ взялъ себѣ въ помощники своего писаря, Пешра Шойффера, которой искусство книгопечатанія довелѣ до такого совершенства, что первыя вышедшія книги привели людей въ изумленіе; и какѣ просполудины того вѣка приписывали дѣйствию сверхъестественныхъ силъ все то, чего они изъяснить не умѣли, то Фаустѣ провозглашенѣ былѣ общникомѣ дьявольскимѣ, которымѣ онѣ слышетѣ и понынѣ между чернію и въ сказкахѣ.—А Гансѣ Вурстѣ значитѣ на площадныхъ Нѣмецкихъ Театрахѣ то же, что у Испаліанцовѣ Арлекинѣ.

II.

5

препій парацилѣ глаза, а пупнаго ничего не вышло.

Лиза. Много было въ Комедіи, Господинѣ Порупчикѣ?

Поруптикѣ. Развѣ мало дураковѣ въ Тильзитѣ?

Лиза. Господинѣ Бургомистрѣ съ сожигельницею изволилѣ ли бытъ шамѣ?

Поруптикѣ. Развѣ онѣ изѣ послѣднихѣ? Толспобрюхой дуракѣ зѣвалѣ, а чванная супруга его безпрестанно перла себѣ глаза плапкомѣ, какѣ будшо бы попалѣ въ нихѣ шабакѣ, и шолкала его подѣ бокѣ, чпобы онѣ не заснулѣ и переспалѣ пялишь рошѣ.

Лиза. То-то насмѣшникѣ!

Поруптикѣ. (садясь и кладя свою шляпу на столѣ подѣ моего чайника). Um Vergebung, mein Herr! Прощипе, государь мѣй!—Я успалѣ, Лиза. Дай мнѣ кружку пива. Слышишь ли?

Лиза. Тотчасъ , Господинъ Порупчикъ.

Поруттикъ (вошедшему слугѣ своему). Каспаръ! набей мнѣ трубку.— (оборопившись къ Француженкѣ). Осмѣлюсь спросить съ моимъ почпениемъ, жалуете ли вы пабакъ?

Француженка. Monsieur!—Qu'est ce qu'il demande, Mr. Nicolas? (Такъ она меня называетъ).

Я. S'il peut fumer?— Курите, курите, Г. Порупчикъ. Я вамъ за нее опвѣчаю.

Француженка. Dites qu'oui.

Поруттикъ. А! Мадамъ не говоришь по-Нѣмецки. Жалѣю, весьма жалѣю, Мадамъ.— Откуда ѣдете, естли смѣю спросить, государь мой?

Я. Изъ Пепербурга , Господинъ Порупчикъ.

Поруттикъ. Радуюсь, радуюсь, государь мой. Чпо слышно о Шведахъ, о Туркахъ?

Я. Старая пѣсня, Г. Порупчикъ: и тѣ и другіе бѣгають опѣ Рускихъ.

Порупчикъ. Чорпѣ меня возьми! Рускіе споятъ крѣпко. — Скажу вамъ по пріязни, государь мой, что естли бы Король мой не опговориѣ мнѣ, то давно бы я былѣ не послѣднимъ Шпабѣ-Офицеромъ въ Руской службѣ. У меня вездѣ не безѣ друзей. На примѣрѣ, племянникъ мой служитѣ старшимъ Адьюпаншомъ у Князя Попемкина. Онѣ ко мнѣ обо всемъ пишеть. Поспойше—я покажу вамъ письмо его. Чорпѣ меня возьми! я забыѣ его дома. Онѣ описываетѣ мнѣ взяще Очакова. Пятнадцать пысячь легло на мѣстѣ, государь мой, пятнадцать пысячь!

Я. Не правда, Г. Порупчикъ.

Порупчикъ. Не правда? (съ насмѣшкою) Вы конечно сами шамъ были?

Я. Хоть и не былъ, однако жъ знаю, что Турковъ убито около 8000, а Рускихъ 1500.

Поруттикъ. О! я не люблю спорить, государь мой; а что знаю, то знаю. (Принимаясь за кружку, которую между пѣмъ принесла ему хозяйка) Разумѣете ли, государь мой?

Я. Какъ вамъ угодно, Г. Порупчикъ.

Поруттикъ. Ваше здоровье, государь мой!—Ваше здоровье, Мадамъ!— (Итальянцу) Ваше здоровье!—Пиво изрядно, Лиза.—Послушайте, государь мой!—Теперь вы называете меня Господиномъ Порупчикомъ: для чего?

Я. Для того, что хозяйка васъ такъ называетъ.

Поруттикъ. Скажите, отъ того, что я (надѣвъ шляпу) поклонился моему Королю — и безвременно пошелъ въ опспавку. А по теперь говорили бы вы мнѣ (приподнявъ

шляпу): „Господинъ Маіоръ, здравствуйте!“ (допивая кружку) Разу-мѣете ли? Чортѣ меня возьми, еспѣли я не по уши влюбился въ свою Анюшу! Правда, что она была какъ розовая пышка. И шеперь еще не худа; государь мой, даромъ что уже чепверыхъ принесла мнѣ. — Лиза! скажи, какова моя Анюша?

Лиза. И, Г. Порупчикъ! какъ будшо вы сами эпова не знаете! — Чего говорите, что пригожа! — Скажу вамъ смѣхъ, Г. Порупчикъ. Какъ вы на свяшой недѣлѣ вечеромъ пробхали въ городъ, ночевалъ у меня молодой господинъ изъ Кенигсберга — правду сказашъ, баринъ доброй, и заплапилъ мнѣ чешно за всякую бездѣлку. Кушашъ онъ много не спрашивалъ — —

Порупчикъ. Ну гдѣ же смѣхъ, Лиза?

Лиза. Такъ эпомѣ доброй господинъ споялъ на крыльцѣ, и уви-

дѣла Госпожу Порупчицу, копорая сидѣла въ коляскѣ на правой споронѣ—шакъ ли, Господинѣ Порупчикѣ?

Поруптикѣ. Ну чпо же онѣ сказалѣ?

Лиза. То-шо баба! сказалѣ онѣ — ха! ха! ха!

Поруптикѣ. Видно, онѣ не глупѣ былѣ — ха! ха! ха!

Л. И шакѣ любовь заспавила васѣ иппи въ опсшавку, Г. Порупчикѣ?

Поруптикѣ. Прокляпая любовь, государѣ мой. — Каспарѣ, шрубку! — Правда, я надѣялся на хорошее приданое. Мнѣ сказали, чпо у спарика фонѣ Т* золошья горы. Дѣвка добра, думалѣ я: дай женимся! Спарикѣ радѣ былѣ выдать за меня дочь свою; шолько она никакѣ не хотѣла иппи за служиваго. „Мамзель Анюша! сказалѣ я: люблю шебя какѣ душу; шолько люблю и службу Королев-

скую.“ На миленькихъ ея глазенкахъ навернулись слезы. Я попнулъ ногою, и — пошелъ въ опспавку. Чпо же вышло? На другой день послѣ свадьбы любезной мой шеспюшка, вмѣсто золопыхъ горъ, наградилъ меня премя сопнями палеровъ. Вопѣ шебѣ приданое! — Дѣлашь было не чего, государь мой. Я поговорилъсѣ нимъ крупно, а послѣ за бупылкою спараго Реинскаго вина заключилъ вѣчной миръ. Правду сказашь, спарикъ былъ добросердеченъ — помяни Богъ его душу! Мы жили дружно. Онъ умеръ на рукахъ моихъ, и оспавилъ намъ въ наслѣдство дворянской домъ. —

Но перервемъ разговоръ, копорой занялъ уже слишкомъ двѣ спраницы, и начинаешъ упомляшь серебряное перо мое (*). Словоохопной Порупчикъ до десяти ча-

(*) Всѣ свои замѣчанія писалъ я въ дорогѣ серебрянымъ перомъ.

совѣ наговорилъ сѣ при короба , копорыхъ я , жалѣя Габріелевыхъ лошадей , не возьму сѣ собою . Между прочимъ , услышавъ , что я изъ Кенигсберга побѣду въ публичной коляскѣ , совѣщавалъ мнѣ 1) занять мѣсто въ срединѣ , и 2) естли будущѣ со мной дамы , попивапы ихъ во всю дорогу чаемъ и кофе . Въ заключеніе желалъ , чтобы я путешествовалъ сѣ пользою , какъ какъ извѣстной Баронъ Тренкъ , сѣ копорымъ онъ будпо бы очень друженъ . — Господинъ Порупчикъ , всунувъ свою прубку въ сапогъ , сѣлъ на коня и пуспился во всю прыпъ , закричавъ мнѣ : *щастливой путь , государь мой !*

Чего не напишешь въ минушы безсонницы ! — Проспите до Кенигсберга ! —

Кенигсбергъ, Юня 19, 1789.

Вчера, въ семь часовъ упра, приѣхалъ я сюда, любезные друзья мои, и спалъ, вмѣстѣ съ своимъ сопушникомъ, въ пракпирѣ у Шенка.

Кенигсбергъ, столица Пруссіи, есть одинъ изъ большихъ городовъ въ Европѣ, будучи въ окружности около пятнадцати верстѣ. Нѣкогда былъ онъ въ числѣ славныхъ *Ганзейскихъ* городовъ. И нынѣ коммерція его довольно важна. Рѣка Прегель, на которой онъ лежитъ, хопя не ширѣ 150 или 160 фуговъ, однакожъ пакъ глубока, что большія купеческія суда могутъ ходитъ по ней. Домовъ считається около 4000, а жипелей 40000 — какъ мало по величинѣ города! Но шеперь онъ кажется многолюднымъ, попому что множество людей собралось сюда на ярмонку, которая начнешя съ завтрашняго дня. Я видѣлъ довольно хорошихъ домовъ, но не видалъ такихъ

огромныхъ, какъ въ Москвѣ или въ Пепербургѣ, хотя вообще Кенигсбергъ выспроенъ едва ли не лучше Москвы.

Здѣшній гарнизонъ такъ многочисленъ, что вездѣ попадающся въ глаза мундиры. Не скажу, чшобы Прусскіе солдапы были одѣшпы лучше нашихъ; а особливо не нравяся мнѣ ихъ двуугольныя шляпы. Чшо принадлежитъ до Офицеровъ, шо они очень опряшны, а жалованья получающъ, выключая Капишановъ, малымъ чѣмъ болѣе нашихъ. Я слыхалъ, будшо въ Прусской службѣ нѣшъ такихъ молодыхъ Офицеровъ, какъ у насъ; однакожъ видѣлъ здѣсь по крайней мѣрѣ десять пятнадцатилѣшнихъ. Мундиры синіе, голубые и зеленые съ красными, бѣлыми и оранжевыми опворошами.

Вчера обѣдалъ я за обцимъ спомъ, гдѣ было спарыхъ Маіоровъ, полспыхъ Капишановъ, осани-

спыхъ Порупчиковъ , безбородыхъ Подпорупчиковъ и Прапоріциковъ чловѣкѣ съ придцапъ. Содержаніемъ громкихъ разговоровъ былъ прошедшій смотрѣ. Офицерскія шушки пажке со всѣхъ споронѣ сыпались. На примѣрѣ: „Что за причина , Г. Рипмейсперѣ , что у васъ нынѣ и днемъ окна закрыпы? Конечно вы не письмомъ занимаетесь? ха! ха! ха!“ — „То-по фонѣ Кребсѣ! Все знаепѣ что у меня дѣлаепся!“ — и проч. и проч. Однакожѣ они учпивы. Лишь полько наша Француженка показалаь, всѣ вспали , и за обѣдомъ служили ей съ великимъ усердіемъ.— Какъ бы по ни было, полько въ другой разѣ разсудилъ я за благо обѣдапъ одинѣ въ своей комнапѣ, распворивѣ окна въ садѣ, опкуда лились въ мой Нѣмецкой супѣ ароматическія испаренія сочной зелени.

Вчераь же послѣ обѣда былъ я у славнаго Канпа, глубокомыслен-

наго, понкаго Мешафизика, коптой опровергаешъ и Малебранша и Лейбница, и Юма и Боннепа — Канпа, кошораго Иудейской Со-кратъ, покойной Мендельзонъ, и-наче не называлъ, какъ *der alles zermalende Kant*, т. е. *все со-крушающій Кантъ*. Я не имѣлъ къ нему писемъ; но смѣлость города берешъ—и мнѣ опворились двери въ кабинетъ его. Меня вспрѣшилъ маленькой, худенькой спаричекъ, опмѣнно бѣлой и нѣжной. Первыя слова мои были: „Я Руской дворянинъ, люблю великихъ мужей, и желаю извѣвить мое почтеніе Канпу.“ Онъ попчасъ попросилъ меня сѣсть, говоря: „Я писалъ пакое, чпо не можешъ нравиться всѣмъ; не многіе любящъ мешафизическія понкоспи.“ Съ полчаса говорили мы о разныхъ вещахъ: о пупешествіяхъ, о Кипаѣ, объ опкрытіи новыхъ земель. Надобно было удивляться его испорическимъ и гео-

графическимъ знаніямъ, которыя, казалось, могли бы однѣ загромождать магазинъ человѣческой памяти; но это у него, какъ Нѣмцы говорятъ, *дѣло постороннее*. Помомъ я, не безъ скачка, обратился разговоръ на моральную напуру человека; и вопъ что могъ удержатъ въ памяти изъ его разсужденій:

„Дѣятельность есть наше опредѣленіе. Человѣкъ не можетъ быть никогда совершенно доволенъ обладаемымъ, и спремится всегда къ приобрѣтеніямъ. Смерть заставитъ насъ на пуши къ чему нибудь, что мы еще имѣть хотимъ. Дай человеку все, чего желаетъ; но онъ въ шу же минушу почувствуетъ, что это *все* не есть *все*. Не видя цѣли или конца спремленія нашего въ здѣшней жизни, полагаемъ мы будущую, гдѣ узлу надобно развязаться. Сія мысль пѣмъ пріятнѣе для человека, что здѣсь нѣтъ никакой соразмѣрности меж-

ду радостями и горестями, между наслаждением и спраданием. Я утѣшаюсь тѣмъ, что мнѣ уже шестидесятъ лѣтъ, и что скоро придетъ конецъ жизни моей: ибо надѣюсь вспунить въ другую, лучшую. Помышляя о тѣхъ услажденіяхъ, которыя имѣлъ я въ жизни, не чувствую теперь удовольствія; но представляя себѣ тѣ случаи, гдѣ дѣйствовалъ сообразно съ *моральнымъ закономъ*, начерпаннымъ у меня въ сердцѣ, радуюсь. Говорю о *моральному законѣ*: назовемъ его совѣстію, чувствомъ добра и зла — но онъ *есть*. Я солгалъ; никто не знаетъ лжи моей, но мнѣ спыдно. — Вѣроятность не есть очевидность, когда мы говоримъ о будущей жизни; но, сообразивъ все, разсудокъ великъ намъ въришь ей. Да и что бы съ нами было, когда бы мы, такъ сказать, *глазами увидѣли ее*? Если бы она намъ очень полюбилась, мы бы

не могли уже заниматься нынѣш-
нею жизнію и были въ непре-
спанномъ помленіи; а въ прошив-
номъ случаѣ не имѣли бы утѣше-
нія сказаць себѣ въ гореспяхъ
здѣшней жизни: *авось тамъ бу-
детъ лучше!* — Но говоря о на-
шемъ опредѣленіи, о жизни буду-
щей и пр., предполагаемъ уже мы
быпіе ВСЕВѢЧНАГО ТВОРЧЕ-
СКАГО РАЗУМА, все для чего
нибудь, и все благопворящаго.
Чпо? Какъ? ... Но здѣсь первой
мудрецъ признается въ своемъ не-
вѣжествѣ. Здѣсь разумъ погаша-
етъ свѣпильникъ свой, и мы во
тьмѣ оспаемся; одна фанпазія
можетъ носиться во тьмѣ сей и
пворить несобышное.“ — Почпен-
ной мужъ! проспи, еспли въ
сихъ спрокахъ обезобразилъ я мы-
сли твои!

Онъ знаетъ Лафатера, и пере-
писывался съ нимъ. „Лафатеръ
весьма любезенъ по добротѣ сво-

его сердца, говоришь онъ: но имѣя чрезмѣрно живое воображеніе, часто ослабляется мечтами, вѣришь магнетизму,“ и пр.—Коснулись до его непріятелей. „Вы ихъ узнаете, сказалъ онъ, и увидите, что они всѣ добрыя люди.“

Онъ записалъ мнѣ шпигулы двухъ своихъ сочиненій, копорыхъ я не читалъ: Kritik der practischen Vernunft и Metaphysik der Sitten— и сію записку буду хранишь какъ священной памятникъ.

Вписавъ въ свою карманную книжку мое имя, пожелалъ онъ, чтобы рѣшились всѣ мои сомнѣнія; попомъ мы съ нимъ разспались.

Вопъ вамъ, друзья мои, краткое описаніе весьма импересной для меня бесѣды, копорая продолжалась около прехъ часовъ.— Кантъ говоришь скоро, весьма тихо и не вразумительно; и попому надлежало мнѣ слушать его съ напряженіемъ всѣхъ нервъ слуха.

II.

6

Домикъ у него маленькой, и внутри приборовъ не много. Все просто, кромѣ... его Мешафизики.

Здѣшняя каедральная церковь огромна. Съ великимъ примѣчаніемъ разсмаприваль я шамъ древнее оружіе, лапы и шишакъ благочеспивѣйшаго изъ Маргграфовъ Бранденбургскихъ и храбрѣйшаго изъ рыцарей своего времени. Гдѣ вы—думаль я—гдѣ вы, мрачные вѣки, вѣки варварства и героизма? Блѣдныя пѣни ваши ужасають робкое просвѣщеніе нашихъ дней. Одни сыны вдохновенія дерзають вызываць ихъ изъ бездны минувшаго—подобно Улиссу, зовущему пѣни друзей своихъ изъ мрачныхъ жилищъ смерпи—чпобы въ унылыхъ пѣсняхъ своихъ сохраняць память чудеснаго измѣненія народовъ. — Я мечпаль около часа, прислонясь къ столбу.— На стѣнѣ изображена Маргграфова бере-

менная супруга, которая, забывая свое сосояніе, бросаея на колѣни и съ сердечнымъ усердіемъ молишь Небо о сохраненіи жизни Героя, идущаго побѣждать враговъ. Жаль, что здѣсь искусство не соотвѣтствуетъ прогашельности предмета!—Тамъ же видно множество разноцвѣтныхъ знаменъ, профеевъ Маргграфовыхъ.

Французъ, наемной лакей, проважавшій меня, увѣрялъ, что опшуда естъ подземной ходъ за городъ въ старую церковь, до копшой будешъ около двухъ миль, и показывалъ мнѣ маленькую дверь съ лѣспницею, которая ведешъ подъ землю. Правда ли это или нѣтъ, не знаю; но знаю то, что въ средніе вѣки на всякой случай прокапывали такіе ходы, чтобы сохраняшь богатство и жизнь опъ руки сильнаго.

Вчера ввечеру проспился я съ

своимъ поварищемъ, Господиномъ Ф***, котораго пріязни не забуду никогда. Не знаю, какъ ему, а мнѣ грустно было съ нимъ разспаваться. Онъ съ Француженкою побѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ можетъ быть еще увижу его.

Нынѣ былъ я у нашего Консула, Господина И, *** которой прінялъ меня ласково. Онъ разсказывалъ мнѣ много кое-чего, что я съ удовольствіемъ слушалъ; и хотпя уже давно живеть въ Нѣмецкомъ городѣ, и весьма хорошо говоритъ по Нѣмецки, однако же ни мало не *обгерманился*, и сохранилъ въ цѣлости Руской характеръ. Онъ далъ мнѣ письмо къ Почтмейстеру, въ которомъ просилъ его опвесити мнѣ лучшее мѣсто въ почтовой коляскѣ.

Вчера судьба познакомила меня съ однимъ молодымъ Французомъ, которой называетъ себя искуснымъ зубнымъ лекаремъ. Узнавъ,

что въ пракпирѣ къ Шенку при-
 бѣхали иноспранцы—ему сказали,
 Французы—явился онѣ къ Госпо-
 дину Ф*** съ ношею комплимен-
 товѣ. Я шупѣ былѣ—и шакѣ мы
 познакомились. „Вѣ Парижѣ еспѣ
 миѣ равные вѣ искусствѣ, ска-
 залѣ онѣ: для шого не хопѣлѣ я
 шамѣ оспашься, побѣхалѣ вѣ Бер-
 линѣ, перелечилѣ, перечислилѣ
 Нѣмецкіе зубы; но я имѣлѣ дѣло
 съ великими скрягами, и для шо-
 го—уѣхалѣ изѣ Берлина. Теперь
 бѣду вѣ Варшаву. Польскіе госпо-
 да, слышно, умѣюшѣ цѣнишѣ до-
 споинспва и шаланшы: попробу-
 емѣ, полечимѣ, почиспимѣ! А шамѣ
 опправлюсь вѣ Москву — вѣ ваше
 опечеспво, государь мой, гдѣ ко-
 нечно найду умныхѣ людей болѣ,
 нежели гдѣ нибудѣ.“—Нынѣ, ко-
 гда я шолько - что управилѣ съ
 своимѣ обѣдомѣ, пришелѣ онѣ ко
 миѣ съ бумагами, и сказавѣ, что
 узнаешѣ людей съ перваго взгля-

да, и что имѣетъ уже ко мнѣ полную довѣренность, началъ чистить мнѣ... пракшапъ о зубной болѣзни.

Между тѣмъ, какъ онъ чистилъ, наемной лакей пришелъ сказать мнѣ, что въ другомъ пракширѣ, обо дворѣ, остановился Руской курьеръ, Капитанъ Гвардіи. Allons le voir! сказалъ Французъ, спрятавъ въ карманъ свой пракшапъ. Мы пошли вмѣстѣ — и вмѣсто Капитана нашелъ я Вахмиспраконной Гвардіи, Господина ***, молодаго любезнаго человѣка, которой ѣдетъ въ Копенгагенъ. Онъ еще въ первой разъ посланъ курьеромъ, и не знаетъ по-Нѣмецки, чему Прусскіе Офицеры, окружившіе насъ на крыльцѣ, весьма дивились. Въ самомъ дѣлѣ не удобно ѣздить по чужимъ землямъ, зная только одинъ Французской языкъ, которыми не всѣ говорятъ. — Въ то время, какъ мы

разговаривали, одинъ изъ споявшихъ на крыльцѣ получилъ письмо изъ Берлина, въ которомъ пишущъ къ нему, что близь сей столицы разбили почпу, зарѣзали поспилліона и опняли нѣсколько пысячь палеровъ: непріятная вѣсть для пѣхъ, которые шуда ѣдутъ!—Я пожелалъ земляку своему щаспливаго пуши.

Въ старинномъ замкѣ, или во дворцѣ, построеномъ на возвышеніи, осматриваютъ путешественники цейггаузъ и библиотечку, въ которой вы найдете нѣсколько фоліантовъ и кваршантовъ, окованныхъ серебромъ. Тамъ же есть такъ называемая *Московитская зала*, длиною въ 166 шаговъ, а шириною въ 30, которой сводъ сведенъ безъ столбовъ, и гдѣ показываютъ старинной осьмиугольной столъ, цѣною въ 40000 палеровъ. Для чего сія зала назы-

ваепся Московшскою, не могъ узнашь. Одинъ сказалъ, будто для того, что шупъ нѣкогда сидѣли Рускіе пѣвники; но это не очень вѣроятно.

Здѣсь есть изрядные сады, гдѣ можно съ удовольствіемъ прогуливаться. Въ большихъ городахъ весьма нужны народныя гульбища. Ремесленникъ, художникъ, ученый опдыхаетъ на чистомъ воздухѣ по окончаніи своей работы, не имѣя нужды итти за городъ. Къ тому же испаренія садовъ освѣжаютъ и чистятъ воздухъ, которой въ большихъ городахъ всегда бываетъ наполненъ гнилыми частицами.

Ярманка начинается. Всѣ наряжаются въ лучшее свое платье, и толпа за толпою вспрѣчается на улицахъ. Гостей принимаютъ на крыльцѣ, гдѣ подають чай и кофе.

Я уже отправилъ свой чемоданъ на почшу. Бѣдущіе въ публичной коляскѣ могутъ имѣть 60 фунтовъ безъ плапы; у меня менѣе шестидесяти.

Adieu! Землякъ мой Габріель, которой, говоря его словами, не нашелъ еще работы, пришелъ сказать мнѣ, что почтовая коляска скоро будетъ готова.

Я васъ люблю также, друзья мои, какъ и прежде; но разлука не такъ уже для меня горестна. Начинаю наслаждаться путешествіемъ. Иногда, думая о васъ, вздохну; но легкой вѣтерокъ спруишь воду, не возмущая свѣтлости ея. Таково сердце человѣческое; въ сію минушу благодарю Судьбу за то, что оно таково. — Будьте только благополучны, друзья мои, и никогда обо мнѣ не беспокойтесь! Въ Берлинѣ надѣюсь получить отъ васъ письмо.

Маріенбургъ, 21 Іюня, ночью.

Прусская, такъ называемая почтовая коляска совсѣмъ не похожа на коляску. Она естъ ничшо иное, какъ длинная покрытая фура съ двумя лавками, безъ ремней и безъ рессоръ. Я выбралъ себѣ мѣсто на передней лавкѣ. У меня было двое поварищей, Каппанъ и Подпорупчикъ, копорые сѣли назади на чемоданахъ. Я думалъ, что мое мѣсто выгоднѣе; но послѣдствіе доказало, что выборъ ихъ былъ лучше моего. Слуга Каппанской и такъ называемой Ширмейсперъ, или проводникъ, сѣли къ намъ же въ коляску на другой лавкѣ. Печальныя мысли, копорыми голова моя наполнилась при гошическомъ видѣ нашего экипажа, скоро разсѣялись. Въ городѣ видѣлъ я вездѣ пріятную карпину праздника — вездѣ веселящихся людей. Офицеры мои были весьма учпивы, и разговоръ, начавшійся между нами,

довольно занималъ меня. Мы говорили о Турецкой и Шведской войнѣ, и Капитанъ опѣ добраго сердца хвалилъ храбрость нашихъ солдатъ, копорые, по его мнѣнію, *едва ли* хуже Прусскихъ. Онъ рассказывалъ анекдоты послѣдней войны, копорые всѣ опносились къ чести Прусскихъ воиновъ. Ему крайне хопѣлось, чшобы Королю миръ наскучилъ. „Пора снова драпьяся, говорилъ онъ: солдапы наши пролежали бока; намъ нужна экзерциція, экзерциція!“ Миролубивое мое сердце оскорбилось. Я вооружился пропивъ войны всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, описывая ужасность ея: спонъ, вопль несчастныхъ жерпвъ, кровавою рѣкою на топъ свѣпъ уносимыхъ; опуспошеніе земель, поску опцевъ и маперей, женъ и дѣпей, друзей и сродниковъ; сиропшпво Музъ, копорыя скрываются во мракъ, подобно какъ въ бурное вре-

мя бѣдныя малиновки и синички по кустамъ прячуся, и пр. Немилоспивой мой Капишанъ смѣялся и кричалъ: „Намъ нужна экзерциція, экзерциція!“ Наконецъ я примѣшилъ, что взялся за работу Данаидъ; замолчалъ и обрапилъ все свое вниманіе на пріяпныя окреспности дороги. Поспильонъ нашъ не жадѣлъ лошадей, и пакимъ образомъ не примѣпно доѣхали мы до перемѣны, гдѣ шолько-что имѣли время опужинашь на скорую руку.

Ночь была пріяпна. Я нѣсколько разъ засыпалъ, но не надолго, и почувспвовалъ выгоду, копорую имѣли мои поварищи. Они могли лежать на чемоданахъ, а мнѣ надлежало дремать сидя. На разсвѣтѣ пріѣхали мы на другую спанцію. Чшобы сколько нибудь ободришься послѣ безпокойной ночи, выпили мы съ Капишаномъ ча-

шекъ по пяпи кофе — что въ самомъ дѣлѣ меня оживило.

Мѣспа пошли совсѣмъ не при-
ятныя, а дорога худая. Гейлиген-
бейль, маленькой городокъ въ семи
миляхъ отъ Кенигсберга, приво-
диль на мысль времена языче-
ства. Тутъ возвышался нѣкогда ве-
личественной дубъ, безмолвной сви-
дѣтель рожденія и смерти мно-
гихъ вѣковъ — дубъ, священной
для древнихъ обитателей сей зе-
мли. Подъ мрачною его тѣнью о-
божали они идола Курхо, приноси-
ли ему жершвы, и славили его въ
дикихъ своихъ гимнахъ. Вѣчное
мерцаніе сего естественнаго хра-
ма и шумъ листьевъ наполнялъ
сердца ужасомъ, въ копорой жре-
цы язычества облакали Богопочи-
паніе. Такъ Друиды въ густомъ
лѣсовѣ скрывали свою Религію;
такъ гласъ Греческихъ Оракуловъ
исходилъ изъ глубины мрака! —
Нѣмецкіе Рыцари въ прешемъ-

надесять вѣкѣ, покоривъ мечемъ Пруссию, разрушили олтари языческаго, и на ихъ развалинахъ воздвигнули храмъ Христіанства. Гордой дубъ, почтенной спарецѣ въ царствѣ расшѣній, претрясаніе бурь и вихрей, палъ подъ сокрушительною рукою побѣдителей, уничтожавшихъ всѣ памятники идолопоклонства: жертва невинная! — Суевѣрное преданіе говоритъ, что долгое время не могли срубить дуба; что всѣ попышки опскакивали опѣ толстой коры его, какъ опѣ жесткаго алмаза; но что наконецъ сыскался одинъ попоръ, копорой разрушилъ очарованіе, и опдѣлилъ дерево опѣ корня; и что въ память побѣдительной сѣкиры назвали сіе мѣсто Heiligenbeil, т. е. *сѣкира Святыхъ*. Нынѣ эша *сѣкира святыхъ* славится какимъ-то опмѣннымъ пивомъ и бѣлымъ хлѣбомъ.

Браунсбергъ, гдѣ мы обѣдали и

въ третій разъ перемѣняли лошадей, естъ довольно многолюдной городокъ.

Здѣсь жилъ и умеръ Коперникъ, сказалъ мнѣ Капишанъ, когда мы пробѣжали черезъ одно маленькое мѣстечко. — „И пакъ эпо Фрауенбергъ?“ — Точно.

Какъ же досадно было мнѣ, что я не могъ видѣть пѣхъ комнапъ, въ копорыхъ жилъ сей славной Математикъ и Аспрономъ, и гдѣ онъ, по своимъ наблюдениямъ и вычешамъ, опредѣлилъ движеніе земли вокругъ ея оси и солнца — земли, копорая, по мнѣнію его предшественниковъ, стояла неподвижно въ центрѣ Планетъ, и копорую послѣ Тихо-де-Браге хотѣлъ-было опяшь сспановишь, но щичешно! — И пакимъ образомъ Пиеагоровы идеи, надъ копорыми смѣялись Греки, вѣрившіе своимъ чувспвамъ болѣе, нежели Филоссофу, воскресли въ сисшемъ Нико-

лая Коперника!— Сей Аспрономъ былъ щаспливѣе Галилея: суевѣріе — хотя онъ жилъ еще подъ его скипепромъ — не заставило его кляпвенно оприцапьяся отъ ученія испины. Коперникъ умеръ спокойно въ своемъ мирномъ жилищѣ, но Тихо-де-Браге долженъ былъ оставить свой философской замокъ и опечеспво. Науки, подобно Религи, имѣли своихъ спримальцовъ. —

Передъ вечеромъ пріѣхали мы въ Эльбингъ, не большой, но торговой городъ, и весьма изрядно выспроенной, гдѣ спояпѣ два или при полка. Почпѣ надлежало шупѣ побыпѣ болѣе часа. Мы пошли въ пракширѣ, гдѣ, кромѣ хозяина и гостей, все было довольно чисто. Выѣхавъ изъ Кенигсберга, еще не видалъ я порядочно одѣпаго человека. Двое играли въ билліардъ: одинъ въ зеленомъ кафшанѣ, дикомъ камзолѣ, и въ сальномъ па-

рикѣ, человекѣ лѣтъ за сорокъ; а другой молодой человекѣ въ песпромѣ кургузомѣ фракѣ; первый игралѣ очень худо, и сердился; а другой хопѣлъ надѣ нимѣ шушпшь, смѣялся во все горло при каждомѣ его промахѣ, поглядывалѣ на насѣ и въ зеркало, и управлялѣ безпрестанно свой полспой, запачканной галспухѣ. Каррикапура за каррикапурою приходила въ пракпирѣ, и всякая каррикапура прѣбовала пива и прубку. Мнѣ было очень скучно. Кѣ тому же я чувспвовалѣ сильное волненіе въ крови отѣ кофе и отѣ пряскаго движенія почпвой коляски.

Вышедши садпшься, нашли мы у коляски молодаго Офицера и спарую женщину, которые рекомендовались въ нашу благосклонность, и объявили, что они бдутѣ съ нами. Такимѣ образомѣ спало намѣ гораздо пѣснѣе. Офицеры мои рады были новому шоварищу,

съ которыми могли они говорить о прошедшемъ смотрѣ. Женщина, родомъ изъ Шведской Провинціи, услышавъ, что я Руской, подняла руки къ небу и закричала: *Ахъ злодѣи! вы губите нашего бѣднаго Короля!* Офицеры смѣялись; и я смѣялся, хотя не совсѣмъ отъ добраго сердца.

Между шѣмъ прекрасной вечеръ наспроилъ душу мою къ пріятнымъ впечатлѣніямъ. На обѣихъ сторонахъ дороги расплалась богатые луга; воздухъ былъ свѣжъ и чистъ; многочисленныя спада блеяніемъ и ревомъ своимъ праздновали захожденіе солнца. Крестьянки доили коровъ, вдыхая въ себя цѣлебной паръ молока, которое составляетъ богатство всѣхъ тамошнихъ деревень. Жилили принадлежатъ, естли не ошибаюсь, къ сектѣ Перекрестипелелей, *Wiedertäufer*. Хвалятъ ихъ нравы, миролюбіе и честность. Рука ихъ

не подымается на ближняго. Кровь
человѣческая, говорящѣ они, во-
пиетѣ на небо. — Тишина насту-
пившей ночи сомкнула глаза мои.

Теперь мы въ Мариенбургѣ, гдѣ
я имѣлъ время написать къ вамъ
сполько спраницѣ. Сей городѣ до-
споинѣ примѣчанія сполько пѣмѣ,
чпо древній его замокъ былѣ нѣ-
когда сполицею Великихѣ Маспе-
ровѣ Нѣмецкихѣ Рыцарей. — Отѣ
спарой женщины, моей непріа-
пельницы, мы здѣсь освободились;
но мѣспо ея займетѣ высокой
Офицерѣ, копорой теперѣ сидитѣ
подлѣ меня, дожидаясь опправление-
нія почшы. — Разсвѣшало. Проспи-
те! Изѣ Данцига надѣюсь еще что
нибудѣ приписатьъ.

Данцигѣ, 22 Юня, 1789.

Пробхавѣ черезѣ предмѣстіе
Данцига, оспановились мы въ Прус-

скомъ мѣстечкѣ Шпоценбергѣ, лежащемъ на высокой горѣ сего имени. Данцигъ у насъ подъ ногами какъ на блюдечкѣ, такъ что можно счипать кровли. Сей прекрасно-выспроенной городъ, море, гавань, корабли въ пристани и другіе, разбѣянные по волнующемуся, необозримому пространству водъ—все сіе вмѣстѣ образуетъ такую картину, любезнѣйшіе друзья мои, какой я еще не видавалъ въ жизни своей, и на копорую ссмотрѣлъ два часа въ безмолвіи, въ глубокой тишинѣ, въ сладосномъ забвеніи самого себя.

Но блескъ сего города померкъ съ нѣкопорого времени. Торговля, любящая свободу, болѣе и болѣе сжимается и упадаетъ опѣ пѣснящей руки сильнаго. Подобно какъ монахи спрожайшаго Ордена, вспрѣпшясь другъ съ другомъ въ унылой мрачности своихъ жилищъ, вмѣсто всякаго привѣпствія уми-

рающимъ голосомъ произносяпъ :
помни смерть! пакъ жители сего
 города въ глубокомъ уныніи вызы-
 ваютъ другъ ко другу : *Данцигъ!*
Данцигъ! гдѣ твоя слава? — Ко-
 роль Прусской наложилъ чрезмѣр-
 ную пошлину на всѣ повары, оп-
 правляемые опсюда въ море, опъ
 копораго Данцигъ лежипъ вер-
 спахъ въ пяпи или шеспи.

Шопландцы, копорые присыла-
 ютъ сюда сельди свои, пользова-
 лись въ Данцигѣ всѣми правами
 гражданства, для того, чпо нѣ-
 когда Шопланецъ Догласъ ока-
 залъ городу важную услугу. Тѣ изъ
 жипелей, съ копорыми я говорилъ,
 не могли мнѣ сказашъ навѣрно, не
 ограничены ли нынѣ сіи права, и
 въ чемъ именно состояла услуга
 Догласова. Такой знакъ благодар-
 носпи дѣлаепъ честь сему городу.

Я не зналъ, чпо почта пробу-
 денъ здѣсь пакъ долго; а по бы
 успѣлъ осмопрѣшь въ Данцигѣ

нѣкоторыя примѣчанія достойныя вещи. Теперь уже поздно: хотѣлъ въпрягать лошадей. Болѣе всего хотѣлось бы мнѣ видѣть славную Эйхелеву картину, въ главной Люшеранской церкви, представляющую спрашную судѣ. Король Французской — не знаю, копорой — давалъ за нее 100000 гульденовъ. — Хотѣлось бы мнѣ видѣть и Профессора Тренделенбурга, чшобы поблагодарить его за Греческую Грамматику, имѣ сочиненную, копорую я пользовался и впредь надѣюсь пользоваться (*). — Огромнѣйшее зданіе въ городѣ естѣ Рапуша. Вообще всѣ дома въ пять этажей. Опмѣнная чиспопа спеколѣ украшаетъ видѣ ихѣ.

Данцигѣ имѣетъ собсшвенныя деньги, копорыя однакожъ въ го-

(*) Авторѣ начиналъ тогда учитьсѣ Греческому языку: но послѣ не имѣлъ уже времени думать объ немѣ.

рода не ходящѣ ; и въ самомъ городѣ Прусскія предпочипающся.

На западѣ ошѣ Данцига возвышающся при песчанья горы , копорыхъ верхи гораздо выше городскихъ башенъ ; одна изъ сихъ горъ есть Шпоценбергъ. Въ случаѣ осады непріятельскія батареи могущѣ ошпуда разрушишѣ городъ. На горѣ Гагелсбергъ былъ нѣкогда разбойничій замокъ ; эхо ужаса его далеко опзывалось въ окрестностяхъ. Тамъ показывающѣ могилу Русскихъ, убитыхъ въ 1734 году, когда Графъ Минихъ штурмовалъ городъ. Осажденные знали , съ копорой спороны будещѣ приспущѣ ; по чему гарнизонъ и жипели обрапили шуда всѣ силы свои , и дрались какъ опчаянные. Извѣстно , что городъ держалъ спорону Спанислава Лещинскаго пропивъ Августа III, за котораго вступилась Россія. Наконецъ Данцигъ покорился.

Товарищи мои, Офицеры, хотѣли осмопрѣчь городскія укрѣпленія; но часовые не пустили ихъ, и грозили выстрѣломъ. Они посмѣялись надъ излишнею спрогосянію, и возвратились назадъ. Солдаты по большой части спарые, и одѣты неопрятно. Магистратъ поручаетъ Коммендантское мѣсто обыкновенно какому нибудь иностранному Генералу съ большимъ жалованьемъ.

Первая станція отъ Данцига.

Въ Данцигѣ присоединились къ намъ Офицеръ, молодой Французской купецъ и Магистеръ. Для нихъ и для Капишанскаго слуги Ширмейстеръ взялъ шамъ открытую фуру. Офицеръ сѣлъ къ намъ въ коляску, гдѣ оставалось еще одно мѣсто, которое хотѣлъ занять Магистеръ; но Французъ

поднялъ крикъ, доказывая свое старшинство, и Ширмейсперъ рѣшилъ дѣло въ его пользу, узнавъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ записался на почтѣ ранѣ. Магисперъ крайне упрашивалъ насъ, чтобы мы какъ нибудь поинтересались и дали ему мѣсто въ коляскѣ, представляя ученымъ образомъ, что ему съ Ширмейсперомъ и слугою будетъ скучно; но онъ *проповѣдывалъ глухимъ ушамъ*, какъ говорятъ Нѣмцы. Французъ, по дорожному очень хорошо одѣшой, въ поржеспвѣ сѣлъ на лавкѣ между двухъ Офицеровъ, съ насмѣшкою жалѣя, что бѣднаго Магиспера вымочилъ дождь, копорой накропывалъ. Новой нашъ поваричъ, Офицеръ, желая сидѣшь проспорнѣе, взглядывалъ на него очень косо, и началъ его жать. Французъ весьма учпиво объявилъ, что ему спановипся *тѣсно*. Тѣмъ хуже для васъ, ошвѣчалъ ему Офи-

II. 8

церѣ съ сердцемъ, закурилъ птрубку и началъ пускашь ему въ носъ и въ ротъ дымныя облака. Французъ чихалъ, кашлялъ, и наконецъ спросилъ, *чтобы это знаило?* — „То, чпобы вы убрались въ фуру къ Магистеру.“ — „Государь мой!“ сказалъ Французъ съ гордымъ видомъ. — „Государь мой!“ опевчалъ Офицеръ съ досадою: „вамъ говоряшь, чпобы вы убрались опъ насъ.“ — Французъ съ важностію увѣрялъ, чпо имѣетъ равное съ нимъ право сидѣшь въ коляскѣ; но Офицеръ, жудой Юристъ, началъ сыпашъ на него пепелъ съ огнемъ, говоря, чпо Везувій за дымомъ выбрасываетъ пламя. Еще мало: онъ ушкнулъ ему въ бокъ ефесъ своей сабли. Бѣдной Французъ, видя, чпо перпвнѣемъ не опдѣлапьяся, сквозь слезы просилъ Офицера оспавишь его въ покоѣ до первой перемѣны, оббщаясь пересѣспъ памъ въ фуру. Старые мои шо-

варищи, насмѣявшись досыта, сжалились надъ мученикомъ, и уговорили своего собрата, чпобы онъ удовольствовался его обѣщаніемъ. И я смѣялся; однакожь искренно жалѣлъ о Французѣ, хопя онъ шопчасъ забылъ все, и спалъ весель.

Теперь перемѣняющъ лошадей и гоповяющъ намъ легкой ужинъ.

Выѣхавъ изъ Данцига, смонрѣлъ я на море, копорое синѣлось на правой споронѣ. Болѣе не подалось въ глаза ничего занимапельнаго, кромѣ проспраннаго Данцигскаго гульбища, гдѣ было очень мало людей, для шого, чпо небо покрывалось со всѣхъ споронѣ шучами. Въ серединѣ идетъ большая дорога, а по споронамъ въ аляяхъ прогуливаются.

Офицеры стоворились-было апаковать Магистера; но онъ довольно искусно опбилъ первые пришпы, шакъ чпо они наконецъ

оставили его. Онъ вѣдѣтъ въ Испа-
лію разсмапривають древности.
Многіе воспочные языки, по его
словамъ, ему извѣстны. Онъ пока-
зывалъ мнѣ письмо Графа ***, ко-
порою прислалъ ему экземпляръ
Аль - Корана, напечатаннаго въ
Пепербургѣ. Мы другъ съ дру-
гомъ гораздо согласнѣе, нежели
съ Офицерами (*).

—●—

Штолпе, 24 Юня.

Путешественники говоряють все-
гда съ великимъ неудовольствіемъ
о грубости Прусскихъ поспиллі-
оновъ. Нынѣшній Король издалъ
указъ, по которому всѣ Почтмей-

(*) Послѣ читалъ я о Магистерѣ Рин-
гѣ въ прибавленіи къ Енскимъ Лиш-
пературнымъ Вѣдомостямъ. Онъ
извѣстенъ въ Германіи по своей у-
чености.

сперы обязаны имѣть болѣе уваженія къ пробѣжимъ, и не держать никого долѣе часа на перекрѣнкахъ, а поспилліонамъ запрещающа всѣ самовольныя остановки на дорогѣ. Нахальство ихъ послѣднихъ было несносно. У всякой корчмы они останавливались пить пиво, и несчастные путешественники должны были терпѣть, или выманивать ихъ деньгами. Указъ имѣлъ хорошія слѣдствія; однакожь не во всей почности исполняется. На примѣръ, не добѣгая за милю до Шполпе, мы принуждены были съ часъ дожидаться поспилліоновъ, которые спокойно пили и ѣли въ корчмѣ, не смотря на позывы съ нашей стороны. Пріѣхавъ въ городъ, всѣ мои поварищи грудью присупили къ Почпмейстеру, и претовали, чобы онъ наказалъ ихъ—*Выговорилъ?* спросилъ Почпмейстеръ—*Налкою*, отвѣчали Офицеры.—,,Я не имѣю права

бишь ихъ.“ — „Вздоръ! вздоръ! сказалъ Капишанъ: или я самъ со всѣми управлюсь!“ — Тупъ онъ спрашнымъ образомъ спукнулъ въ полъ своею просью. „Насиліе! насиліе!“ закричалъ Почпмейшеръ: „хотяпъ драпья, бишь меня!“ — Капишанъ вдругъ перемѣнилъ понъ, и сказалъ тихо: „Я не хочу драпья, а въ Берлинъ поговорю объ васъ съ Миниспромъ.“ Сказалъ и вышелъ вонъ, а за нимъ и всѣ. Поспиліоны, какъ будто бы ничего не зная, пришли къ намъ просить на вино. Ихъ выгнали — дверь зашворилась и опять попихоньку спала опворяпья — всѣ шуда оборопили глаза, и увидѣли Почпмейшерову голову. Что вамъ угодно? спросилъ Капишанъ суровымъ голосомъ. Тупъ Почпмейшеръ всунулъ къ намъ въ горницу все свое шуловище, началъ шаркать и кланяпья Капишану, и называпья его Господиномъ Капишаномъ, и опяпья Господиномъ

Капитаномъ, и увѣрялъ его, что онъ имѣетъ къ нему почтеніе, и знаетъ Маіора его полку, и знаетъ его фамилію, и знаетъ, что онъ правъ, и отдаетъ ему въ полную власъ пѣхъ постилліоновъ, которые повезутъ насъ изъ Шполпе, и проч. и проч. — Капитанъ смягчился, улыбался и отвѣчалъ на все: „хорошо, хорошо, Господинъ Почтимейстеръ!“ — Мы съ Магистеромъ также улыбались; а Офицеры говорили шихонько: „дуракъ! прусъ!“ —

Теперь не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, кромѣ того, что въ мѣспечкѣ Луповѣ, гдѣ мы обѣдали, есть прекрасныя форели и прекрасной бишофъ. И шакъ ешьте вы, друзья мои, будете когда въ Луповѣ, то вспомните, что другъ вашъ шамъ обѣдалъ, — вспомните, и велите подать себѣ форелей и бишофу.

Здѣсь оснаеѣтся полкъ Офицеръ,
которой мучилъ Француза; и вѣкъ
сей послѣдній сядетъ съ нами.—
Adieu!

Штаргардъ, 26 Юня.

О Штаргардъ, куда мы прѣѣхали
ужинаѣть, могу вамъ сказаѣть един-
ственнo по, что онъ еѣтъ мѣрд-
ной городъ, и что здѣшняя цер-
ковь Маріи считаеѣтся высочайшею
въ Германіи.

Мы прѣѣхали черезъ Кеслинъ и
Керлинъ, два маленькіе городка.
Въ первомъ бросаеѣтся въ глаза
большое чепвероугольное мѣсто со
спашуею Фридриха Вильгельма.
Ты достоинъ сей почести! думалъ
я, читаѣя надпись. Не знаю, кого
справедливѣе можно назваѣть *вели-*
ки.иъ, опца или сына, хопя послѣд-
няго всѣ безъ разбора *величаютъ*.
Здѣсь должно смотреѣть только

на дѣла ихъ , полезныя для государства — не на ученость , не на осприя слова , не на авторство . Кто привлекъ въ свое государство множество чужестранцевъ ? Кто обогатилъ его мануфактурами , фабриками , искусствами ? Кто населилъ Пруссію ? Кто всегда опходилъ опъ войны ? Кто отказывался опъ всѣхъ излишностей , для того , чтобы его подданные не перпбли недоспапка въ нужномъ ? Фридрихъ Вильгельмъ ! — Но Кеслинъ будешъ для меня памятенъ не только по его монументу : шамъ миловидная пракпирщица угостила насъ хорошимъ обѣдомъ ! Неблагодаренъ путешественникъ , забывающій шакіе обѣды , шакіхъ добрыхъ , ласковыхъ пракпирщицъ ! По крайней мѣрѣ я не забуду шебя , миловидная Нѣмка ! Вспомнивъ спашую Фридриха Вильгельма , вспомню и любезное швое угоще-

II.

2

ніе, пріятныя взоры, пріятныя слова твои!...

„Что, будетъ ли у насъ война, Господа Офицеры?“ спросилъ у моихъ поварищей спарикъ, пракширцикъ въ Керлинѣ. Не думаю, отвѣчалъ Капищанъ. „Дай Богъ, чтобы и не было!“ сказалъ пракширцикъ: „я боюсь не Австрийскихъ гусаровъ, а Рускихъ козакъ. О! что это за люди!“ — А по чему ты ихъ знаешь? спросилъ Капищанъ. — „По чему? Развѣ они не были въ Керлинѣ? Ничто не уйдетъ отъ ихъ пика. Къ тому же у нихъ шакія спрашныя лица, что меня по кожѣ подираетъ, когда вообразу ихъ!“ Да вотъ Русской козакъ! сказалъ Капищанъ, указавъ на меня. Русской козакъ! закричалъ пракширцикъ, и ударился запылкомъ въ спѣну. Мы всѣ засмѣялись, а пракширцикъ захохоталъ. „За эту шушку вы заплашите мнѣ дороже, господа!“

сказалъ онѣ, взявъ кофейникъ изъ рукъ служанки.

Я видѣлъ одинъ изъ древнихъ разбойничьихъ замковъ. Онъ лежалъ на возвышеніи, и обведенъ со всѣхъ сторонъ широкими рвами, которые прежде были наполнены водою. Тутъ, въ высокомъ шереми, сидѣли мать и дочь за пальцами, и поглядывали въ окно, когда мужъ и опецъ какъ голодной левъ рыскалъ по лѣсамъ и полямъ, ища добычи. „Ѣдѣтъ! Ѣдѣтъ!“ кричали онѣ, и мотыльки гремяли и опускались—гремяли и опять подымались — и грабитель былъ безопасенъ въ объятіяхъ своей жены и дочери. Тутъ раскладывались похищенные богатства, и женщины отъ радости ахали. Тутъ несчастные путешественники, которые въ тотъ день попались въ руки злодѣю, заключались въ подземную пещицу, въ двадцать семь саженъ глубиною, гдѣ густой воз-

духъ спирался и шягошилъ дыха-
 ніе, и гдѣ громъ цѣпей былъ имъ
 первымъ привѣщствіемъ. Иногда
 бѣдной отецъ прибѣгалъ къ симъ
 широкимъ рвамъ, и смопря на сіи
 оспрыя башни, восклицалъ: „Оп-
 дайше мнѣ сына, и возьмите все,
 что имѣю! Нещасная машь день
 и ночь крушится; печальная не-
 вѣста всякой часъ слезами обли-
 ваешся. Опдайше мапери сына и
 невѣстѣ жениха!“

Спой, воображеніе! сказалъ я
 самъ себѣ, и—заплашилъ два гро-
 ша сухой спарухѣ и уродливому
 мальчику, которые показывали мнѣ
 замокъ. Онѣ издавна спойшѣ пу-
 стой, и начинаешѣ уже развали-
 ваться.

Теперь накрываюшѣ намъ споль,
 Ужинъ будетѣ прощальной. Всѣ
 мои шоварищи, кромѣ Капипана,
 ѣдушѣ отсюда въ Шпетинѣ, куда
 мнѣ не дорога. Вѣроятно, что
 намъ уже никогда не выдашѣ другѣ

друга. Правда, что эта мысль для меня не очень горестна. Я не благодарилъ бы судъ бы, еспьли бы она велѣла мнѣ всегда жить съ такими людьми. Съ ними можно говорить только о смопрахѣ, маршахѣ и тому подобномъ. Самой языкъ ихъ спраненъ. Не зная по Французски, употребляюшъ они въ разговорѣ множество Французскихъ словъ, произнося ихъ по своему. На прим. *Da ist eine Precipice—ich habe eine Türe gemacht—ich chanchire es*, и проч.

Къ намъ приспалъ еще молодой человекъ, Почтмейстерской сынъ, копорой ъдепъ учиться въ Университетъ. Слыша, что Офицеры въ шушку называли меня Докпоромъ, вздумалъ онъ показать мнѣ свою ученость, и спросилъ, какъ, *по моему мнѣнію*, можно перевести на Нѣмецкой Лапшинское слово *ratio*? Помощъ началъ говорить о *духѣ языковъ*, и

проч. Надобно знаць, что Магистеръ уже опъ насъ опспалъ; а по бы онъ не далъ ему много говорипь. Офицеры не полюбили сего ученаго Почтмейсперскаго сына, и спарались его дурачипь. Прѣхавъ сюда, вынулъ онъ изъ кармана превеликія шпоры, и положилъ на сполъ. Офицеры, находя спраннымъ, что человекъ, бдуцій учипься въ Университетъ, вмѣсто книгъ везетъ въ карманъ пакую вещь, спали смѣяпьяся. Французъ подскочилъ съ лорнепомъ, и началъ разсмапривапъ шпоры съ великимъ вниманіемъ. Смѣхъ умножился. Что вы находипе въ нихъ? спросилъ Капипанъ. „Знакомыя черпы,“ съ важностію опвѣчалъ Французъ: „кажешся, какъ будшо бы я видалъ ихъ прежде; однакожъ нѣтъ — я видѣлъ полько ихъ изображеніе на эспампахъ въ Донъ-Кишотъ.“ Тутъ Офицеры во все горло захохошали,

а Студентъ осердился. Насмѣявшись досыпа, Капитанъ сказалъ мнѣ: „Естьли когда нибудь издадите вы журналъ своего путешествія, то прошу васъ не забыть шпоръ.“ Не забудьте шпоръ! закричали всѣ Офицеры. Ваше желаніе исполню, спѣвчалъ я.—

Надобно сказать нѣчто о Прусскихъ допросахъ. Во всякомъ городкѣ и мѣстечкѣ оспанавливаютъ пробѣзжихъ при вѣздѣ и выѣздѣ, и спрашиваютъ, кто, откуда и куда ѣдетъ? Иные въ шулку сказываются смѣшными и разными именами, т. е. при вѣздѣ однимъ, а при выѣздѣ другимъ, изъ чего выходятъ чудныя донесенія начальникамъ. Иной называется Луциферомъ, другой Мамономъ; претій въ городъ вѣдетъ Авраамомъ, а выѣдетъ Исаакомъ. Я не хотѣлъ шушить, и для того Офицеры просили меня въ такихъ случаяхъ припворяться спящимъ, чобы

имѣ за мѣня опвѣчашь. Иногда былъ я какой нибудь Баракоменеврусъ, и ѣхалъ опѣ горы Арарашской; иногда Ариспидъ, выгнанной изъ Аѳинъ; иногда Альцибиадъ, ѣдущій въ Персію; иногда Докпоръ Панглось, и проч. и проч.

Кушанье поспавили. Простпите!

Берлинъ, 30 Июня, 1789.

Вчера пріѣхалъ я въ Берлинъ, друзья мои; а нынѣ, къ великому своему удовольствію, получилъ опѣ васъ письмо, котораго ждалъ съ такимъ неперѣніемъ. Извѣстіе, что вы оспались здоровы, меня утѣшило, успокоило. Но начпо вы иногда груспите? Эшова не было въ уговорѣ. А еспьли вы и впредь будете такъ немилоспивы къ себѣ и къ другу своему, которой за нѣсколько пысячь верспѣ беретъ участіе даже въ минушной

вашей непріянности : по онъ , въ опмищеніе вамъ , самъ будетъ груспить съ ушра до вечера.

Послѣднее письмо опправилъ я къ вамъ изъ Шпаргарда. Мы выѣхали опшуда въ полночь. Кромѣ Капишана , было у меня двое новыхъ поварищей : Офицеръ , ѣдущій въ Имперію для набора рекрутъ , и купецъ Шпаргардской. Я сѣлъ въ коляскѣ назади , на своемъ чемоданѣ ; могъ пропянуть ноги , могъ прилечь на подушку ; спина моя распрямилась , и движеніе крови спало ровнѣе ; пряская коляска казалась мнѣ усыпипельною колыбелью—и я , почиая себя блаженнѣйшимъ человекѣмъ въ свѣтѣ , заснулъ крѣпкимъ сномъ , и спалъ до первой перемѣны , гдѣ разбудили меня пить кофе.

Не добзжая за десяць миль до Берлина , Капишанъ насъ оставилъ. Мы прощались другъ съ другомъ какъ пріятели , и я далъ ему сло-

во сыскапъ его въ Кенигсбергѣ ,
 когда побѣду обрапно черезъ сей
 городъ. „Вѣдь намъ еще надобно
 хопъ одинъ разъ въ жизни видѣпъ-
 ся,“ сказыль онъ, пожимая руку
 мою: „забъжайте ко мнѣ , и раз-
 скажите, что увидите въ свѣтѣ.“
 —Хорошо, хорошо, Г. Капишанъ!
 Будьте между пѣмъ здоровы! —
 И такъ мы распались.

Въ послѣднюю ночь нашего пу-
 шешествія , приближаясь къ Бер-
 лину , начиналъ я думать , что
 памъ дѣлапъ буду, и кого увижу.
 Ночью всякія мечты воображенія
 бываюпъ живѣе , и я такъ ясно
 представилъ себѣ любезнаго А*(*) ,
 идущаго ко мнѣ на встрѣчу съ

(*) Алексѣя Михайловича Кушужева ,
 добродушнаго и любезнаго челоуѣка,
 кошорой черезъ нѣсколько лѣтъ по-
 слѣ того умеръ въ Берлинѣ , бывъ
 жертвою несчастныхъ обстоя-
 тельствъ.

прубкою и кричащаго: *кого вижу? братъ Рамзей въ Берлинъ?* чпо руки мои пропянулись обняшь его; но вмѣсто моего дражайшаго пріятеля, копорой въ сію минушу былъ опъ меня шакъ далеко, чупь не обнялъ я мокрой женщины, сидѣвшей съ нами въ коляскѣ. „Но какъ зашла къ намъ мокрая женщина?“ Вопъ какъ. Солнце сѣло, пошелъ дождь, и вечеръ преврапился въ глубокую ночь. Вдругъ коляска наша оспановилась; Ширмейсперъ, сидѣвшій съ нами, выглянулъ и началъ съ кѣмъ-то бормотать; попомъ, оборотившись къ намъ, сказалъ: „Господа! позволите ли сѣсть въ коляску одной честной женщины и добхать съ нами до перваго мѣспечка, куда она идетъ съ своимъ мужемъ? Дождь промочилъ ее насквозь, и она боится занемочь.“ А хороша ли она? спросилъ Офицеръ, бдуцій въ Имперію. Теперь темно, отвѣчалъ Шир-

мейстеръ. Пускай ее садится, сказалъ Офицеръ. Я то же сказалъ, и купецъ то же. Женщина взлѣзла къ намъ въ коляску, и была подлинно очень мокра, пакъ чпо мы пяпились опъ нее какъ можно далѣе, боясь воды, копорая шекла сь нее ручьями. Офицеръ вспупилъ сь нею въ разговоръ, и узналъ опъ нее, чпо она жена порпинаго маспера, очень любилъ своего мужа, и сь нимъ никогда не разспаешся; чпо они ужинали въ гощяхъ у своего дяди, заживочнаго купца, копорой шоргуешъ заморскими поварами, и пошли домой пѣшкомъ для шого, чпобы наслаждашься прѣшностями вечера, никакъ не ожидавъ дожда; чпо она взяла у дяди книжку, *жизнь Барона Тренка*, въ копорой описываются самыя чудныя приключенія, и все справедливыя; чпо дочь дяди ихъ, копорой минуло уже девятнадцать лѣтъ, однажды не спала

цѣлую ночь, чипая эту книгу, а на другую ночь увидѣла во снѣ Тренка въ цѣпяхъ, и такъ закричала, что опецъ пришелъ къ ней со свѣчею посмопрѣшь, что съ нею сдѣлалось, — и проч. и проч. Вопъ все дѣло!

Но еспьли я не найду его въ Берлинѣ! пришло мнѣ вдругъ на мысль — и въ самую шу минушу вспрѣпилась намъ коляска. Насилу могъ я удержаться, чшобы не закричашь: *стой!* Это вѣрно онъ, думалъ я, это вѣрно онъ! Прости! Пріѣзжай благополучно въ наше опечество, къ своимъ друзьямъ! Ты увидишь моихъ любезныхъ; увидишь, и не скажешь имъ ничего обо мнѣ! — Между пѣмъ мы пріѣхали на станцію. Я топчасъ пошелъ къ Почшмейсперу спросишь, кшо проѣхалъ въ коляскѣ. „Руской — купецъ изъ Риги,“ опвѣчалъ онъ. Тушь я готовъ былъ вспрыгнушь опъ радости, что это былъ не нашъ А*.

Въ вѣкопородѣ распояннн опѣ Берлина начинается прекрасная алея изъ каштановыхъ деревьевъ, и дорога спановилса лучше и веселѣе. О видѣ Берлина не лзя было мнѣ судить попому, что безпреспанной дождь мѣшалъ видѣть далеко впередъ. У воротъ мы оспановились. Сержантъ вышелъ изъ караулни насъ допрашивапъ: *Кто вы? Откуда ѣдете? За чѣмъ прѣхали въ Берлинъ? Гдѣ будете жить? Долго ли здѣсь пробудете? Куда поѣдете изъ Берлина?* Судите о любопытствѣ здѣшняго Правительсва!—Наконецъ мы вѣхали въ улицу прекраснаго Берлина, гдѣ я надѣялся опдохнуть въ объятнхъ сердечной прнязни, рассказывапъ Рускому о Россн и другу о друзьяхъ, говорипъ о нашихъ веселыхъ Московскихъ вечерахъ и философскихъ спорахъ!... Но судьба смѣялась надо мною!

Коляска наша остановилась у почтового дома. Тамъ прежде всего спросилъ я у Секретаря, гдѣ живешъ А*? И что же? Съ хладнокровіемъ, совсѣмъ пропивнымъ моему неперпѣнію, отвѣчалъ онъ: „Его уже здѣсь нѣтъ?“ — Его здѣсь нѣтъ? — Нѣтъ, сударь, повпорилъ онъ, и началъ перебирать письма.— Гдѣ же онъ? — „Во Франкфуртѣ на Майнѣ. Подише къ своему Священнику; тамъ лучше все узнаете.“ — Я бросился на спулъ и гошовъ былъ заплакашь. Секретарь взглянулъ на меня съ улыбкою. Вы думали его навѣрно здѣсь найти? спросилъ онъ. „Думалъ, государь мой, думалъ!“ и съ сими словами я хотѣлъ иппи вонъ. „Поспойше, сказалъ Секретарь: надобно осмопрѣшь вашъ чемоданъ.“ То естъ, надобно было взипъ съ меня нѣсколько грошей.— Вообразите друга вашего, идущаго въ самыхъ го-

рестныхъ размышленіяхъ по Берлинскимъ улицамъ, въ слѣдъ за инвалидомъ, копорой несъ чемоданъ мой! Ни огромные дома, ни многолюдство, ни спукъ каретъ не могли вывеспи меня изъ меланхолической задумчивости. Я самъ себѣ казался жалкимъ сироткою, бѣднымъ, несчастнымъ, и единственнo опъ шого, что А* не хотѣлъ меня дождапья въ Берлинѣ!

„Жаль, жаль, государь мой — сказалъ мнѣ Г. Блумъ, пракпирщикъ *Ангійскаго Короля* въ *братской улицѣ* — жаль, что у меня нѣтъ пеперь для васъ мѣста. Въ домѣ моемъ заняты всѣ комнапы. Вы, думаю, знаете, что къ нашему Королю пожаловала гопья, его сесприца. Въ Берлинѣ будущіе праздники, и многіе госнода пріѣхали сюда на это время. Повѣрите ли, что я нынѣ опказалъ уже десятии человекамъ?“ — И шакъ,

Г. Блумъ — — „Вы изъ Россіи пріѣхали?“ — Изъ Россіи. И такъ — „У васъ все войною занимающа?“ — Да, Г. Блумъ, у насъ война. И такъ мнѣ оспается — — „Послушайте: шеперь шолько о-проспалась у меня одна комнаша, и вы можете занять ее. Чшо же у васъ съ Турками дѣлаешся?“ — Прикажише мнѣ указашь комнашу; а послѣ, еспьли угодно — — „Очень хорошо! очень хорошо! Пойдемше, пойдемше!“ Онѣ привелѣ меня въ маленькую горенку съ однимѣ окномѣ. „Не правда ли, чшо она очень хороша и очень уютна?“ — Я доволенѣ, Г. Блумъ. — Тупѣ пришелѣ ко мнѣ фельдшерѣ, парикмахерѣ. Г. Блумъ опѣ меня не выходилѣ, безпреспанно говорилѣ, и наконецѣ мнѣ же вздумалѣ рассказывашь, чшо у насъ въ Россіи дѣлаешся. Послушайте, Г. Блумъ, сказалѣ я: эшо все писано къ вамѣ опѣ перваго чшсла Апрѣля по

11. 10

спарому или по новому спилю. — „Какъ, государь мой!“ — Какъ вамъ угодно, опвѣчалъ я, — взялъ просьбу и пошелъ со двора.

Человѣкъ рожденъ къ общежитію и дружбѣ — сію истину живо чувствовало мое сердце, когда я шелъ къ Д*, желая найти въ немъ хопя часть любезныхъ свойствъ нашего А*; желая полюбить его, и говорить съ нимъ со всею дружескою искренностію, свойственною моему сердцу! — Благодарю Судьбу! Я нашелъ, чего желалъ — нашелъ въ Д* любезнаго, добродушнаго, искренняго человѣка. Онъ любитъ свое опечисство, и я люблю его; онъ любитъ А*, и я люблю его; онъ сроденъ къ опкровенности, и я тоже: и шакъ долго ли было намъ познаться? Мы проговорили съ нимъ до вечера, и онъ захопѣлъ еще проводить меня.

Лишь только вышли мы на ули-

цу, я долженъ былъ зажать себѣ носъ отъ дурнаго запаха, копорой происходишъ отъ всякой нечиспоты въ каналахъ. Для чего бы ихъ не чиспипть? Не уже ли нѣшъ у Берлинцевъ обонянiя?—Д* повелъ меня черезъ славную *липовую* улицу, копорая въ самомъ дѣлѣ прекрасна. Въ срединѣ посажены алеи для пѣшихъ, а по споронамъ мостовая. Чище ли здѣсь живущъ, или испаренiя липъ испребляющъ нечиспоту въ воздухѣ—шолько въ сей улицѣ не чувствовалъ я никакого непрiятнаго запаха. Дома не такъ высоки, какъ нѣкопорые въ Петербургѣ, но очень красивы. Въ алеяхъ, копорыя проспирающся въ длину шаговъ на пысячу или болѣе, прогуливалось много людей.

Лишь шолько я въ своей комнашѣ расположился пипть чай, пожаловалъ ко мнѣ Г. Блумъ съ бумажкою въ рукахъ. Вамъ надобно на эшо опвѣчать, сказалъ онъ. Я

увидѣлъ на бумагѣ нѣ вопросы, копорые дѣлали мнѣ при вѣздѣ въ городѣ, съ прибавленіемъ одного: *въ какія ворота вы вѣхали?* Они напечатаны, и мнѣ надлежало подѣ каждымъ писать отвѣтъ. Боже мой! какая оспорожностъ! Развѣ Берлинѣ въ осадѣ? — Г. Блумъ объявилъ мнѣ съ важнымъ видомъ, что завтра Берлинская публика узнаетъ черезъ газеты о моемъ прѣздѣ!

Нынѣ поущру ходилъ я съ Д* осмапривать городѣ. Его посправедливости можно называть прекраснымъ; улицы и дома очень хороши. Къ украшенію города служатъ также большія площади: *Вильгельмова, Жандармская, Денгофская* и пр. На первой споянѣ чепыре большія мраморныя спашуи славныхъ Прусскихъ Генераловъ: Шверина, Кейпа, Винперфельда и Зейдлица. Шверинѣ держитъ въ рукѣ знамя, съ копорымъ онѣ, въ жаркомъ сра-

женіи подѣ Прагою, бросился на непріятеля, закричавъ своему полку: *дѣти! за мной!* Тупѣ умеръ онѣ смертію Героя, и Король сожалѣлъ о семѣ искусномѣ и храбромѣ Генералѣ болѣе, нежели о пошерѣ двадцати тысячъ воиновѣ. — Фридрихъ, принявъ Кейпа въ свою службу, сказалъ: *я много выигралъ.* Фридрихъ зналъ людей, и Кейпѣ оказалъ ему важныя услуги. — Говорящѣ, что Графѣ Петрѣ Александровичѣ Румянцовѣ похожѣ на Винперфельда. Я не имѣлъ счастья видѣть нашего Задунайскаго Героя, и пошому не могѣ искапъ сего сходства въ хладномѣ мраморѣ, изображающемѣ Винперфельда. — Зейдлицъ былѣ любимецѣ Королевской, пылкой, опважной воинѣ. Опдавая справедливостѣ его достоинствамѣ, осуждающѣ въ немѣ нѣкопорыя слабости, и говорящѣ, что онѣ были причиною безвременной смерти его. Онѣ умеръ не

на полъ чести, а на одрѣ мучительной болѣзни. Король шужилъ о немъ, какъ о своемъ любимцѣ.— Такимъ образомъ Фридрихъ хотѣлъ во мраморѣ предать вѣкамъ память своихъ полководцевъ. Юной воинъ, смотря на ихъ изображенія, чувствуетъ желаніе подражать Героямъ, и жить въ памяти пошомства. Я самъ люблю разсматривать памятники славныхъ людей, и предспавляю себѣ дѣла ихъ.—На такъ называсомъ *длиноколь мосту*, черезъ рѣку Шпре, стоить изъ мѣди вылипой монументъ Фридриха Вильгельма Великаго. Когда Рускія войска пришли сюда, то нѣкоторые изъ солдатъ въ забаву рубили его песаками. Мы показывали сіи знаки, копорые возбуждаютъ въ Берлинцахъ непріятное воспоминаніе.

Мы прошли въ Королевскую Библіотеку. Она огромна—и вопъ все, что могу сказаъ о ней! Бо-

лѣе всего занимало меня богатое анапомическое сочиненіе съ изображеніями всѣхъ частей челоѳческаго шѳла. Покойной Король заплашилъ за него 700 палеровѳ. Есшъ довольно воспочныхѳ рукописей, на копорыя я полько взглянулъ. Показывали мнѳ еще Люперовѳ Нѳмецкой манускрипшѳ; но я почти совсѳмѳ не могѳ разобратъ его, не чипавѳ никогда рукописей шого вѳка. — Книги даващъ на домѳ запрещено; однакѳ извѳспной челоѳкѳ, задобривѳ деньгами помощника Библиошекарскаго, можетѳ имѳть нѳкопорыя. Такимѳ образомѳ Д* взялѳ для меня Николаево описаніе Берлина, которое хотѳлось мнѳ просмотрѳть. Библиошекою управляетѳ нынѳ Г. Докторѳ Бисперѳ, копорой и живетѳ вѳ семѳ большомѳ домѳ.

За споломѳ у Господина Блума сидѳло челоѳкѳ шридцать: Офицеровѳ, купцовѳ и важныхѳ Сак-

сонскихъ Бароновъ , прїѣхавшихъ въ Берлинъ на праздники. Теперь все готовится ко встрѣчѣ Шпапгальперши, которая послѣ завтра будетъ сюда изъ Попсдама вмѣстѣ съ Королемъ. Объ этомъ только и говорятъ; да о разбойникахъ, которые близъ Ораніенбурга разбили почту.— Вечеру Д* водилъ меня въ звѣринецъ. Онъ проспиреается отъ Берлина до Шарлопенбурга, и состоитъ изъ разныхъ алей: однѣ идутъ во всю длину его, другія поперекъ, иныя вкось и перепутываются: славное гульбище! Долго искалъ я шого мѣста, о которомъ нѣкогда нашъ А* писалъ ко мнѣ слѣдующее: „Я нашелъ въ звѣринцѣ длинную алею, состоящую изъ древнихъ соснъ; мрачность и непремѣняющаяся зелень деревъ производятъ въ душѣ нѣкоторое священное благоговѣніе. Не забуду я одного утра, когда, гуляя въ звѣринцѣ одинъ, и пре-

давшись спремленію своего воображенія, которое, какъ извѣстно тебѣ, склонно къ пасмурнымъ предспавленіямъ, вступилъ я нечаянно въ сію алею. До того мѣста освѣщало меня лучезарное солнце; но вдругъ исчезъ весь свѣтъ. Я поднялъ глаза, и увидѣлъ передъ собою сей пущь мрачности. Только вдали при выходѣ видѣнъ былъ свѣтъ. Я остановился и долго глядѣлъ. Наконецъ одна мысль пробудила меня. . . . Не есть ли — думалъ я — не есть ли пьма сія изображеніе швоего соспоянія, когда пьы, разлучившись съ тѣломъ, вступишь въ неизвѣстной тебѣ пущь? Мысль сія такъ во мнѣ усилилась, что я уже предспавилъ себя облегченнаго отъ земнаго бремени, идущаго къ оному вдали свѣтлющемуся свѣту, и — — Съ того времени всякой разъ; когда бываю въ звѣринцѣ, захожу туда, и часпо поминаю тебя.“ Любезной

II.

11

меланхоликъ! я самъ думалъ о тебѣ, вступая въ сію алею, и споялъ, можетъ быть, почто на томъ мѣстѣ, гдѣ ты обо мнѣ думалъ. Можетъ быть ты опять здѣсь спояшь будешь, но я буду далеко, далеко отъ тебя! —

Въ звѣринцѣ много кофейныхъ домовъ. Мы заходили въ одинъ изъ нихъ, чпобы утолить жажду бѣлымъ пивомъ, которое мнѣ очень не понравилось. — Сады Принца Фердинанда, въ которой мы прошли изъ звѣринца, опворенъ для всѣхъ порядочно-одѣжныхъ людей. Я не взялъ бы тысячи такихъ садовъ за звѣринецъ. Тутъ прогуливался самъ Принцъ, и съ угрюмымъ видомъ опплапиль намъ поклонъ. — Бьетъ часъ.

Юля 1.

Нынѣ поупру, побывавъ у Господина М***, къ которому было у меня письмо отъ Князя Д*, я видѣлся съ извѣстнымъ Николаемъ, Авторомъ и книгопродавцемъ, живущимъ въ той же улицѣ, гдѣ я живу, ш. е. въ Brüderstrasse. Онъ встрѣпилъ меня съ такою ловкостію, съ такою учтивостію, какой бы не лзя было ожидать отъ Нѣмецкаго Ученаго и книгопродавца. „Васъ знаютъ и въ Россіи, сказалъ я ему: знаютъ, что Нѣмецкая Литпература обязана вамъ частію своихъ успѣховъ. Приѣхавъ въ Берлинъ, спѣшилъ я видѣть друга Лессингова и Мендельсона.“ — Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкою, и посадилъ меня на софѣ. Съ путешеспвенникомъ всего ближе говоритъ о путешествіяхъ: и шакъ, услышавъ, что я ѣду въ Швейцарію, началъ онъ говоритъ со мною о нѣхъ удовольствіяхъ, копорыя можно

имѣшь въ этой примѣчанія достойной землѣ, гдѣ онѣ самѣ были за нѣсколько лѣтъ передѣ симѣ. Но скоро обратился я разговоръ на Берлинской Иезуитизмѣ. Надобно знать, что съ нѣкошораго времени начали писать въ Германіи — или, лучше сказать, въ Берлинѣ, и Николай первой подалъ къ нему мысль — будто есть шайные Иезуиты, которые всѣми силами стараются снова овладѣть Европою; будто Калліостро и подобные сущіе ихъ Миссіонеры, которые, обольщая легковѣрныхъ людей пышными обѣщаніями, порабощаютъ ихъ власни шайныхъ Иезуитскихъ начальниковъ и проч. и проч. Съ сего времени спали вездѣ искать скрытыхъ Иезуитовъ: между Учеными и неучеными, между Паспортами и солдатами. Въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ Писателей нашли что-то Иезуитское. Началась ужасная война, и Берлин-

ской Журналъ, издаваемой Бисперомъ и Гедике, избранъ былъ въ шеапръ сей войны. Съ Иезуизмомъ слили въ одно Каполицизмъ; доказывали, что *тотъ и тотъ* изъ извѣстныхъ Пропеспанскихъ Ученыхъ тайно приняли Каполическую Религію; что они опасныя люди, и проч. Тѣ, копорыхъ наименовали, разсердились и начали браниться или опбраниваться, доказывая, что Берлинцы бредятъ. Все это еще и нынѣ продолжается. Вотъ что сказалъ мнѣ Николай:

„Извѣстно, что Иезуиты имѣли вездѣ связи; что у нихъ были свои банки, свои банкиры. Общество ихъ ходя и называло Папу своимъ покровителемъ, но цѣль его была тайная, и сокрывалась во внутренности Ордена. Папа, лишивъ Орденъ своего покровительства, могъ ли уничтожить существо его? Могъ ли заспавить

внутриеннихъ начальниковъ, или хранипелей пайны, опказаться отъ ихъ цѣли? Не уже ли закрылись всѣ пайные каналы, черезъ которые они дѣйствовали? Не уже ли исчезли всѣ банки ихъ? — Я предложилъ свои чаянія, и хотѣлъ только возбудить вниманіе къ сему предмету. Гипопеза моя, казалось, могла изяснить нѣкоторыя явленія нашихъ временъ. — Что принадлежитъ до Каполицизма, по всякой Протестантѣ имѣетъ причину не желать его распространенія. Мы, слава Богу! можемъ обо всемъ разсуждать, можемъ пользоваться своимъ разумомъ; но духъ Каполицизма не терпитъ никакой свободы въ умствованіяхъ, и налагаетъ цѣпи на разумъ. Если вы читаете книги, выходящія въ Германіи, то конечно замѣтили великую разницу между тѣми, которые печатаются въ Протестантскихъ и

Каполическихъ земляхъ: гдѣ болѣе просвѣщенія?“ — Все это очень хорошо, сказалъ я; но за чѣмъ съ такою жестокостію пишешь прошивъ нѣкоторыхъ почтеннѣйшихъ мужей Германіи, для того единственно, что они сомнѣваются въ существованіи пайныхъ Іезуитовъ, и въ томъ, чтобы Каполики могли нынѣ быть опасны Протестантамъ? Признайся вамъ, я не могъ безъ досады читать колкаго отвѣща Доктора Биспера Господину Гарве, одному изъ первыхъ вашихъ Философовъ, которой съ такою скромностію предложилъ свои сомнѣнія. — „Однакожь Гарве, отвѣчалъ Николай, перемѣнилъ свои мысли; мы съ нимъ нарочно для эпоса видѣлись. Не надобно думать, чтобы Каполики совсѣмъ переспали нынѣ спараться обращать Протестантовъ въ свое исповѣданіе. Извѣстно ученіе ихъ церкви, что

внѣ ея нѣтъ спасенія : и такъ они , по нѣкопорому челоѡвѡколюбію , хотѣтъ распроспранить ея область . Однимъ словомъ , оспорожность была нужна .—Впрочеѡтъ всякой опѡѡбаеѡтъ за себя . Еспьли нѣкопореые зашли слишкомъ далеко , я не виноватъ . Только во многомъ насъ *хотятъ* криво полковатъ , къ чему Шпаркъ (*) и подобные имѡютъ свои причины . Правда , что дѡло , дѡлаемое съ добрымъ намѡреніемъ , можеѡтъ имѡтъ нѣкопореые худые слѡдствія ; но еспьли оно имѡетъ несравненно болѡе добрыхъ , по не лѡзя не назватъ его хорошимъ дѡ-

(*) Придворной Дармштадтской Проповѡдникъ , котораго Берлинцы объявили шайнымъ Капюликомъ , Іезуитомъ , мечшателемъ ; которой судился съ Издаѡтелями Берлинскаго Журнала гражданскимъ судомъ , и писалъ цѡлыя книги проповѡвъ своихъ обвинителей .

ломъ.“ — Завтра ѣдетъ Николай къ водамъ. Путешествіе есть для меня лекарство, сказалъ онъ. Я записалъ ему на карточкѣ свое имя, и пожелалъ щастливаго пути. Помогъ онъ также учтиво проводилъ меня, какъ встрѣтилъ. — Жаль, что онъ ѣдетъ. Я хотѣлъ бы еще поговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ вещахъ въ досужные для него часы. Признаюсь, сердце мое не можетъ одобрить шона, въ которомъ Господа Берлинцы пишутъ. Гдѣ искать терпимости, ели самые Философы, самые просвѣщеніи — а они такъ себя называютъ — оказываютъ столько ненависти къ нѣмъ, которые думаютъ не такъ, какъ они? Тотъ есть для меня истинной Философъ, кто со всѣми можетъ ужиться въ мирѣ; кто любитъ и несогласныхъ съ его образомъ мыслей. Должно показывать заблужденія разума человеческого,

сѣ благороднымъ жаромъ, но безъ злобы. Скажи человѣку, что онъ ошибается, и по чему; но не поноси сердца его, и не называй его безумцемъ. Люди, люди! подѣ какимъ предлогомъ вы себя не мучите! — Лафатеръ есть одинъ изъ шѣхъ, копорыхъ Берлинцы бранятъ при всякомъ случаѣ; и есть ли онъ у нихъ не совершенной Иезуитъ, по крайней мѣрѣ великой мечшатель. Я къ Лафатеру не пристрастенъ, и обо многомъ думаю совсѣмъ не такъ, какъ онъ думаетъ; однакожъ увѣренъ, что его Физиогномическіе Фрагменты будутъ читаемы и тогда, когда забудутъ, что жилъ на свѣтѣ почтенной Докторъ Бисперъ. Но оставимъ ихъ. — Что принадлежитъ до Николаевой наружности, то въ ней хопя и нѣтъ ничего особенно привлекательнаго, однакожъ есть что-то почтенное. Онъ высокъ, худощавъ, смуглъ. Лафа-

перѣ въ Физиогномикѣ своей говорилъ, что высокой лобъ его показываетъ весьма разсудительнаго человека.

У Г. Блума живелъ одинъ молодой Шведской купецъ. Нынѣ, когда мы сидѣли за столомъ, пришелъ къ нему Секретарь ихъ Посольства, и вызвалъ его. Минувъ черезъ пять возвратился нашъ Шведъ съ веселою улыбкою, и объявилъ всему столу, что Шведы въ одномъ дѣлѣ одержали верхъ надъ Рускими. Секретарь Датскаго Посольства, которой тушъ же обѣдалъ, началъ смѣяться надъ его папріотическою ревностію. Пруссіе Офицеры хотѣли знать подробности дѣла, но Шведъ самъ не зналъ ихъ. Да еще вѣришь ли вашей побѣдѣ? сказалъ Датчанинъ: мы будемъ ждати подтвержденія. Какова подтвержденія! закричалъ Шведъ: я вамъ ручаюсь. Датчанинъ смѣялся, а Шведъ горячился. Ме-

жду пѣмъ Г. Блумъ, подошедши ко мнѣ, крайне упрасивалъ меня не входипь въ разговоръ. „За чѣмъ вамъ шупъ мѣшались? Вы видите, что Шведъ очень горячъ. Сохрани Боже, еспьли бы что нибудь вышло у васъ съ нимъ въ моемъ домѣ!“ Я увѣрялъ его, что ссоры у насъ не будутъ; но послѣ спола не могъ уперпѣшь, чшобы не подойти къ Шведу и не вспупипь съ нимъ въ разговоръ. Г. Блумъ попчасъ подлетѣлъ къ намъ, и посмапривалъ по на меня, по на него, будучи гошовъ запушипъ огонь при первомъ его воспьланіи. Однако жъ мы довольпо спокойно разговаривали. Шведъ былъ въ Россіи, и по мундиру моему попчасъ узналъ, что я Руской. При началъ войны меня выслали изъ Пешербурга, сказалъ онъ, хопя мнѣ очень хопѣлось пожипъ шамъ. Жалуипесь на своего Короля, опвѣчалъ я, копорой объявилъ намъ войну

безъ всякой справедливой причины. Тутъ Блумъ дернулъ меня за полу, боясь, чшобы Шведъ не разсердился; но онъ съ улыбкою сказалъ: Короли поступаютъ не по шѣмъ правиламъ, копорыя для насъ, частныхъ людей, должны бытъ закономъ. „Эпо говоритъ Фридрихъ,“ сказалъ сквозь зубы Прусской Маіоръ, сидѣвшій за споломъ. Тутъ пришелъ ко мнѣ Д*, и Г. Блумъ былъ очень радъ, чшо я убрался въ свою комнату. Онъ боялся поединка.

Послѣ обѣда былъ я въ Гарнизонной церкви, и видѣлъ монументы и поршренны славныхъ воиновъ. Тамъ Клейстъ подлѣ Шверина и Винперфельда, любезной Клейстъ, безсмертной пѣвецъ Весны, герой и патриотъ. Знаете ли вы конецъ его? Въ 1759 году, въ жаркомъ сраженіи при Куммерсдорфѣ, командовалъ онъ баталіономъ, и

взялъ при бапареи. У правой руки отстрѣлили у него два пальца: онъ взялъ шпагу въ лѣвую. Пулею прострѣлили ему лѣвое плечо: онъ взялъ шпагу опяшь въ правую руку. Въ самую ту минушу, какъ храбрый Клейспъ уже готовъ былъ лѣзть на четвертую бапарею, каршеча раздробила ему правую ногу. Онъ упалъ и закричалъ своимъ солдатамъ: *Друзья! не покиньте Короля!* Набѣжали козаки, раздѣли Клейспа и бросили въ болопо. Кто не подивился тому, что онъ въ сію минушу смѣялся отъ всего сердца надъ странною фізіогномією и ухватками одного козака, копорой снималъ съ него плашь? Наконецъ отъ слабости заснулъ онъ пакъ покойно, какъ бы въ палапкѣ. Ночью нашли его наши гусары, выпацили на сухое мѣсто, положили близъ огня на солому, и закрыли плащемъ. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ всунуть

ему въ руку нѣсколько палеровъ; но какъ онъ не принялъ сего подарка, то гусаръ съ досадою бросилъ деньги на плащъ и ускакалъ съ своими поварищами. Поутру увидѣлъ Клейспъ нашего Офицера, Барона Бульдберга, и сказалъ ему свое имя. Баронъ поспѣшилъ опсправилъ его во Франкфуртъ. Тамъ перевязали ему раны, и онъ съ веселымъ видомъ разговаривалъ съ Философомъ Баумгаршеномъ, нѣкопорыми Ученными и нашими Офицерами, копорые посѣщали его. Черезъ нѣсколько дней умеръ Клейспъ съ швердоснію Споическаго Философа. Всѣ наши Офицеры присуспшвовали на его погребеніи. Одинъ изъ нихъ, видя, что на гробѣ у него не было шпаги, положилъ свою, сказавъ: *у такого храбраго Офицера должна быть шпага и въ могилѣ.*— Клейспъ еспъ одинъ изъ любезныхъ моихъ Поэповъ. Весна не

была бы для меня такъ прекрасна, еспьли бы Томсонъ и Клейспъ не описали мнѣ всѣхъ красотъ ея.

Юля 2.

Нынѣ прѣхалъ сюда Король съ своею гостыею, Шпапгалпершею. Не можете вообразить, что за пышная была ей встрѣча! Всѣ граждане спояли въ ружьѣ, и никакая сорочья спая не можетъ такъ песприпъся, какъ несприлъся эпомъ фрунпъ. Офицеры опличались опъ рядовыхъ полько пѣмъ, что у нихъ косы привипы были гораздо круче. Въ ожиданіи Шпапгальперши пянули они всѣмъ фрунпомъ водку, и такъ неоспорожно, что нѣкоторые спугались лбами. Капипаны ходили и увѣщевали своихъ согражданъ опмахнупъ на караулъ масперски. „И конечно, конечно! кричали они: мы

не ударимъ себя лицомъ въ грязь.“ Не лъзя было не смѣяться этому фарсу.— Купцы, всѣ въ красныхъ кафшанахъ, подѣ начальствомъ одного банкира, выѣзжали встрѣчать Шпашгальпершу за городъ. — И за то, что я посмѣлся надъ Берлинскими гражданами и взглянулъ на Шпашгальпершу и Прусскаго Короля, вымочилъ меня дождь. Теперь начнуся здѣсь пиры. — Иду въ Театръ.

Въ 10 часовъ ночи. Давно уже не былъ я такъ пріятно распроганъ, какъ нынѣ въ Театрѣ. Представляли Драму: *Независть къ людямъ и раскаяніе*, сочиненную Господиномъ Коцебу, Ревельскимъ жипелемъ. Авторъ осмѣлился вывести на сцену невѣрную жену, копорая, забывъ мужа и дѣшей, ушла съ любовникомъ; но она мила, несчастлива — и я плакалъ какъ ребенокъ, не думая осуждать Сочинителя. Сколько бываетъ въ

II.

свѣтъ подобныхъ исторій! . . . Коцебу знаетъ сердце. Жаль только, что онъ въ одно время заспавляетъ зрители и плакать и смѣяться! Жаль, что не имѣетъ вкуса, или не хочетъ его слушаться! Последняя сцена въ пьесѣ несравненна. — Г. Флекъ играетъ роль мужа съ такимъ чувствомъ, что каждое слово его доходитъ до сердца. По крайней мѣрѣ я еще не видывалъ такого Актера. Въ немъ соединены великія природныя дарованія съ великимъ искусствомъ. Гж. Унцельманъ представляетъ жену очень прогашельно. Въ игрѣ ея обнаруживается какая-то нѣжная помноспь, которая дѣлаетъ ее любезною для зрителя. — Я думаю, что у Нѣмцовъ не было бы такихъ Актеровъ, если бы не было у нихъ Лессинга, Гете, Шиллера и другихъ Драматическихъ Авторовъ, которые съ такою живоспію представля-

юпѣ въ Драмахъ своихъ челоѡвка, каковѣ онѣ естѣ, опвергая все лишнїя украшенїя, или Французскїя румяны, которыя челоѡвку сѣ еспеспвеннымѣ вкусомѣ не могутѣ бытѣ прїяпны. Чистая Шекспира, чистая лучшїя Нѣмецкїя Драмы, я живо воображаю себѣ, какѣ надобно играѣть Актеру, и какѣ что произнеспи; но при чпенїи Французскихѣ Трагедїй рѣдко могу представитѣ себѣ, какѣ можно въ нихѣ играѣть Актеру хорошо, или такѣ, чтобы меня пронупѣ.—Вышедши изѣ Театра, оберѣ я на крыльцѣ послѣднюю сладкую слезу. Повѣрите ли, друзья мои, что нынѣшнїй вечерѣ причисляю я къ щаспливѣйшимѣ вечерамѣ моей жизни? И пусть шеперь доказываютѣ мнѣ, что Изыщныя Искусства не имѣютѣ влїянїя на щаспїе наше! Нѣтѣ, я буду всегда благословляѣть ихѣ дѣйспвіе, пока сердце будешѣ битѣся въ гру-

ди моей — пока будетъ оно чув-
спвипельно!

Июля 4.

Вчера въ шесть часовъ утра побѣхали мы съ Д* верхомъ въ Попсдамъ. Ничего нѣтъ скучнѣ эпои дороги: вездѣ глубокой песокъ, и никакихъ занимательныхъ предметовъ въ глаза не попадается. Но видѣ Попсдама, а особливо *Санд-Суси*, очень хорошѣ. Мы оспановились въ пракширѣ, не добѣжая до городскихъ воропѣ, и заказавъ обѣдѣ, пошли въ городѣ. У воропѣ записали наши имена; однакожѣ въ разсужденіи допросовъ нынѣ нѣтъ уже такой спрогоспи, какъ прежде. Покойной Король, живучи въ Попсдамѣ, хопѣлѣ знапѣ обо всѣхъ прѣвзжихѣ. — На парадномѣ мѣспѣ проптивѣ дворца, копорое украшено Римскими колоннадами, учи-

лась гвардія : прекрасные люди ,
 прекрасные мундиры ! Видѣ дворца
 со спороны сада очень хорошѣ .
 Городѣ вообще прекрасно выстро-
 енѣ ; вѣ большой , такѣ называемой
Рижской улицѣ много великолѣп-
 ныхъ домовѣ , спроеенныхъ опча-
 спи по образцѣ огромнѣйшихъ Рим-
 скихъ палапѣ , и на собспвенныя
 деньги покойнаго Короля : онѣ да-
 рилѣ ихѣ , кому хотѣлѣ . Теперь
 сіи огромныя зданія пуспы , или
 занимающя солдапами . Жипелей
 очень мало : причиною по , что ны-
 нѣшній Король совѣмѣ оставилѣ
 сей городѣ , предпочипая ему Шар-
 лопенбургѣ . Не для того ли про-
 шивенѣ ему Попсдамѣ , что онѣ ,
 будучи Принцомѣ , имѣлѣ шамѣ
 много неудовольспвій и досадѣ ?
 Вообразипе , что цѣлой домѣ вѣ
 два эпажа можно наняпѣ шамѣ
 за пяпѣдесяпѣ рублей вѣ годѣ ;
 да и по нанимапѣ не кому . На
 дверяхѣ большихъ домовѣ висяпѣ

солдашскія сумы, камзолы, и проч. Коротко сказаць, Потсдамъ кажется такимъ городомъ, изъ котораго жипели удалились, слыша о приближеніи непріятели, и въ копоромъ остался только гарнизонъ для его защиты. Не можете вообразить, какъ печаленъ сей видъ пустошы!

Въ Потсдамѣ есть Руская церковь подъ надзираніемъ спараго Рускаго солдапа, копорой живенъ тамъ со временъ царствования Императрицы Анны. Мы насилу могли сыскать его. Дряхлой спарикъ сидѣлъ на большихъ креслахъ, и слыша, что мы Рускіе, пропянулъ къ намъ руки, и дрожащимъ голосомъ сказалъ: *слава Богу! слава Богу!* Онъ хотѣлъ сперва говорить съ нами по-Руски; но мы съ прудомъ могли разумѣть другъ друга. Намъ надлежало попорянь почти каждое слово; а что мы съ шоварицемъ между

собою говорили, того онъ никакъ не понималъ, и даже не хопѣлъ вѣришь, чшобы мы говорили по-Руски. „Видно, что у насъ на Руси языкъ очень перемѣнился, сказалъ онъ: или я, можешь бышь, забываю его.“ И то и другое правда, опвѣчали мы. „Пойдемше въ церковь Божію, сказалъ онъ, и помолимся вмѣстѣ, хотя нынѣ и нѣтъ праздника.“ Спарикъ насилу могъ передвигать ноги. Сердце мое наполнилось благоговѣніемъ, когда опворилась дверь въ церковь, гдѣ сполько времени царспвуешъ глубокое молчаніе, едва перерываемое слабыми вздожами и шихимъ голосомъ молящагося спарца, которой по воскресеньямъ приходитъ шуда чипать святѣйшую изъ книгъ, приготавливающую его къ блаженной вѣчности. Въ церкви все чисто. Церковныя ушвари и книги хранятся въ сундукъ. Опъ времени до времени спарикъ перебираешъ

ихъ съ молишвою. „Часто онѣ всего сердца, сказалъ онѣ, сокрушаюсь я о томъ, что по смерти моей, копорая онѣ меня конечно уже не далеко, не кому будетъ смопрѣшь за церковь.“ — Съ полчаса пробыли мы въ семъ священномъ мѣстѣ; проспились съ почпленнымъ спарикомъ и пожела-ли ему — пихой смерти.

Послѣ обѣда были мы въ Санъ-Суси. Сей увеселипельной замокъ лежитъ на горѣ, ошкуда можно видѣшь городъ со всѣми окрешно-стями, что соспавляетъ весьма пріятную каршину. Здѣсь жилъ не Король, а Философъ Фридрихъ — не Споической и не Циникъ — но Философъ, любившій удоволь-ствія и находившій ихъ въ Изящ-ныхъ Искусствахъ и Наукахъ. Онѣ хотѣлъ соединитъ здѣсь про-споту съ великолѣпиемъ. Домъ низокъ и малъ; но, взглянувъ на него, всякой назовешъ его прекрас-

нымъ. Внутри комнаты опдѣланы со вкусомъ и богато. Въ круглой мраморной залѣ надобно удивляться колоннамъ, живописи и прекрасно набранному полу. Комната, гдѣ Король бесѣдовалъ съ мершвыми и живыми Философами, убрана вся кедровымъ деревомъ. Съ горы, срыпой уступами, (которыя одинъ другой закрываютъ, такъ, что взглянувъ снизу вверхъ, видишь только одну зеленую гладкую гору) сошли мы въ пріятной садъ, украшенной мраморными фигурами и группами. Здѣсь гулялъ Фридрихъ съ своими Вольперами и Даланбергами. Гдѣ ты теперь? думалъ я. Сажень земли вмѣстила прахъ твой. Любезныя мѣста твои, для украшенія которыхъ призывалъ ты лучшихъ художниковъ, теперь осиротѣли и пусты. — Изъ сада прошли мы въ паркъ, гдѣ встрѣчается глазамъ Японской домикъ на лѣвой сторонѣ

II.

13

главной алеи ; а далѣе , перешедши черезъ каменной мостъ , видишь на обѣихъ сторонахъ прекрасныя храмики . Мы прошли къ *новому дворцу* , построенному покойнымъ Королемъ со всею царскою пышностію . Внутренность еще великолѣпнѣе внѣшности ; и дивясь богатству , дивишься и вкусу , которой видѣнь въ уборѣ комнатъ . Болѣе шести милліоновъ палеровъ стоилъ Королю сей дворецъ . — Правда , я былъ туго не въ такомъ расположеніи , въ какомъ надобно разсматривать пышныя произведенія искусства . Кровь моя волновалась , голова болѣла , и я насилу могъ ходить . Оставивъ дворецъ , поѣхали мы назадъ въ городъ , чтобы отдохнуть нѣсколько въ помѣ практиръ , гдѣ обѣдали .

День склонялся къ вечеру , и надобно было думать о возвращеніи . Вода съ виномъ освѣжила ме-

ня, и мы побѣжали назадъ въ Берлинъ по Шарлопенбургской дорогѣ. Мнѣ копѣлось видѣть сей городокъ. Товарищъ мой шупъ не ѣзжалъ; но всѣ увѣряли насъ, что намъ не лъзя сбихься съ дороги. Чѣмъ далѣе ѣхали мы, тѣмъ хуже мнѣ спановилось. Разъ шесть сходилъ я съ лошади и опдыхалъ на правѣ. Ночь заспала насъ въ большомъ лѣсу. Наконецъ я пакъ ослабѣлъ, что не могъ ни ѣхашъ, ни иппи пѣшкомъ, и какъ полумертвой лежалъ подъ деревомъ съ закрытыми глазами. Въ лѣсу царствовала глубокая пишина. Товарищъ мой споялъ подлѣ меня, держа обѣихъ лошадей, и горевалъ, не зная, какъ мнѣ помочь. Однимъ словомъ, насъ можно было въ эту минушу изобразить на одномъ изъ пѣхъ эспамповъ, которыми украшаются модные романы! Д* вздумалъ-было искапъ по близоспи какого нибудь селенія, нанашъ ше-

лѣгу и везпи меня въ Берлинъ; но какъ же было оспапсья мнѣ одному ночью, въ лѣсу и въ шакой слабости? Пруссія не Аркадія, и нащѣ вѣкѣ не золопой: меня могли ограбипь, а со мною было все мое богатство, Наконецъ, черезъ часъ, я вспалъ, и пожавъ руку у моего любезнаго поварища, сказалъ ему, что мнѣ лучше. Съ верспу прошли мы пѣшкомъ, и сѣли на лошадей. Смерпельная жажда помила меня, и за спақанъ воды опдалъ бы я половину своихъ червонцевъ. Шарлоппенбургъ былъ опъ насъ еще не близко. Нѣсколько разъ надѣялись мы видѣть его, подвѣзжали и видѣли— лѣсъ и мракъ. Наконецъ пріѣхали въ городъ; и съ жадностию, какой еще никогда въ жизни своей не чувспвовалъ, лилъ я въ себя холодную воду. До Берлина оспаплась одна миля. Мнѣ хотѣлось какъ нибудь добрапсья до мѣспа, и мы вѣрхали въ алею звѣринца.

Луна взошла надъ нами; ясной свѣтлѣ ея разливался по зелени листьевъ; тихой и чистой воздухъ упишанъ былъ благовонными испареніями липъ. И я могъ жаловаться въ сіи минушы — тогда, какъ мать Природа дышала ароматами вокругъ меня? Эша ночь оставила во мнѣ какія-то романическія, пріяшныя впечатлѣнія. — Городскія воропа были уже зашворены; однакожь насъ впустили.

Нынѣ поушпру вспалъ я совершенно здоровъ, одѣлся и побѣхалъ къ Господину М**. Онъ повезъ меня къ Формею, Секретарю Берлинской Академіи, копорой принялъ насъ ласково. Сей старикъ все еще бодръ и веселъ. Онъ читалъ намъ письмо, полученное имъ изъ П* отъ своего родственника, копорой всякую недѣлю пишеть къ нему, и не щадя бумаги. „Не повѣрите, съ какимъ удовольствіемъ я все эшо читаю!“ сказалъ

онъ. Г. Формей былъ знакомъ съ Вольперомъ, и рассказывалъ намъ нѣкоторыя анекдоты касательно до его пребыванія въ Берлинѣ. — Въ слѣдующій четвергъ будетъ собраніе въ Берлинской Академіи, въ которое угодно было Господину Формею пригласить меня. Мы побжали къ зятю его, Господину М*, Профессору, содержащему большаго пансіона и также Члену Академіи. Онъ показывалъ намъ минеральной кабинетъ и библиотеку сестры покойнаго Короля, состоящую изъ Французскихъ, Англійскихъ, Испанскихъ и Нѣмецкихъ книгъ — Философовъ, Историковъ и Поэтовъ. — Послѣ обѣда я былъ у Графа Н*; объ немъ ни слова! Говорятъ, что онъ въ спарину имѣлъ имя оспроумнаго человека въ свѣтѣ. Австрийскій Посолъ, Князь Р*, бывший у него въ гостяхъ, казался мнѣ ласковѣе хозяина.

Я побѣхалъ въ Оперу. Оперной домъ великъ и очень хорошъ. Тутъ видѣлъ я всю Королевскую фамилію и Шпапгальтершу съ дочерью. Играли Оперу Медею, въ которой пѣла Тоди. Я слышалъ эту славную пѣвицу еще въ Москвѣ, и скажу — можетъ быть къ стыду своему—что ея пѣніе мало прогаешъ мое сердце. Для меня не пріятно видѣть напряженіе, съ которыми она поешъ. Впрочемъ, будучи только любителемъ музыки, не могу цѣнить искусства ея. Что принадлежитъ до декорацій, то онѣ были великолѣпны. —

—————●—————

Юля 5.

Нынѣ былъ я у старика Рамжера, Нѣмецкаго Горація. Самой почтенной Нѣмецъ! Ваши сочиненія, сказалъ я ему, считаюся у насъ классическими. Ему пріятно

было слышать, что и в России читают его стихи и знают их цену. Рамлеръ напишался духомъ древнихъ, а особливо Латинскихъ Поэтовъ. Въ Одахъ его есть истинные воспорги, высокое пареніе мыслей и языкъ вдохновенія. Только иногда присвоиваетъ онъ себѣ и чужіе воспорги, и заимствуетъ огонь у Горация или другихъ древнихъ Поэтовъ — правда, всегда искуснымъ образомъ. Теперь онъ уже прожилъ въкъ Поэзіи. Въ новыхъ его піесахъ надобно удивляться круглости, чистотѣ и гармоніи, т. е. искусству его въ механизмѣ стихотворства; но въ нихъ нѣтъ уже піитического жара, которой всегда съ лѣтами проходитъ. Кажется, что онъ самъ эпо чувствуетъ, и потому нынѣ мало сочиняетъ. Главное его упражненіе съ нѣкотораго времени состояло въ переводахъ Римскихъ Поэтовъ, въ которыхъ почти все-

гда соблюдаетъ мѣру оригинала. Сии піесы, печатаемыя въ Берлинскомъ Журналѣ, могутъ служить примѣромъ въ искусствѣ переводить, „Теперь, сказалъ онъ мнѣ, принялся я за Марціала. Только немногія изъ его эпиграммъ были до сего времени извѣстны на Нѣмецкомъ языкѣ. Самъ Лессингъ перевелъ нѣкоторыя, не упоминая Марціалова имени.“ — Еще при жизни Геснеровой началъ онъ перекладывать въ стихи его Идилліи. „Я подражаю Сократу — писалъ онъ къ Автору, своему другу — копорой въ старости своей перелагалъ въ стихи Езоповы басни.“ Искусные Крипики не довольны трудомъ его. Легкость и простота Геснерова языка, говоряще они, пропадаетъ въ экзаменахъ. Къ тому же въ Идилліяхъ Швейцарскаго Теокрипа есть какая-то гармонія, копорая не уступаетъ гармоніи стиховъ. Но Рам-

леръ думаетъ, и мнѣ сказалъ, что Геснеровы Идиллии были единственно попому несовершенны, что Авпоръ писалъ ихъ не экзаменпрами. — Спихи свои, еще въ рукописи, чипаетъ онъ одной припальниці, которая, не будучи ученою, имѣетъ природное нѣжное *чувство изящнаго*. „Иногда, сказалъ онъ мнѣ, я спорю съ ней, когда она находить чтонибудь пропивное въ моихъ піесахъ. *Говорите, что хотите*, опвѣчаетъ она: *я не могу опровергать васъ, но остаюсь при своемъ чувствѣ*. Наконецъ, подумавъ хорошенько, нахожу, что она права, и винюсь передъ нею.“ — Мнѣ пришла на мысль Аспазія, копорой Аѳинскіе пѣвцы ондавали на судъ свои пворенія; ушамъ ея вѣрили они болѣе, нежели своимъ — и я думаю, что женщины вообще могутъ чувствовать нѣкоторыя красоты Поэзіи живѣе мужчинъ. — Рамлеръ *возспаетъ* про-

шивъ Греческихъ мипологическихъ именъ, которыя Графъ Шполбергъ, Фосъ и другіе удерживали въ своихъ переводахъ. Мы уже привыкли къ Лапинскимъ, говоритъ онъ: на что переучивать насъ безъ всякой нужды? — Онъ очень любитъ Театръ, и все, что я слышалъ отъ него объ искусствѣ предспавленія мнѣ очень полюбилось. Славной Экгофъ упверждалъ, что Актеру не надобно чувспвовапъ для того, чтобы хорошо играть; если не ошибаюсь, то и Энгель въ своей Мимикѣ по же говоритъ: но Рамлеръ думаетъ прошивное, и, кажется, справедливѣ ихъ. Въ разговорѣ о Лейпцигскихъ Ученыхъ упомянулъ я о Вейсе. „Вейсе лучший другъ мой,“ сказалъ онъ, и указалъ мнѣ на спѣнѣ порпретъ его. — Наконецъ я прспился съ нимъ, и онъ на памяпъ подарилъ мнѣ Оду, сочиненную имъ нынѣшнему Королю, или, лучше сказапъ,

канпапѣ, выбранной изъ псалмовъ.— Рамлеръ высокъ, худоцавъ, долгонось; говоришь опборно и просяжно.

Нынѣ представляли Донъ Карлоса, Шиллерову Трагедію. Нещасная любовь Принца къ его махихъ Елисаветѣ, копорая прежде была его невѣсною, есь содержаніе сей Трагедіи. Характеръ Короля Филиппа II, о копоромъ Испорія говоришь сполько худаго и добраго; копорой, для испребленія ереси, проливалъ кровь челоувѣческую; но услышавъ о погибели флопа своего, разсѣяннаго въшромъ и разбиага Англичанами, равнодушно сказалъ: *Я послалъ его противъ Англичанъ, а не противъ свѣтровъ: буди воля Божія!* и сіе нещасіе перенесъ съ швердоспію Героя — сей характеръ изображенъ съ великимъ искусствомъ. Благородной и пылкой въ спрастяхъ своихъ Донъ Карлосъ про-

гаешь зришеля до глубины сердца. Великодушной Маркизъ Поза, другъ Принцовъ, пробуждающій въ немъ ревность къ добродѣтели и къ героическимъ дѣламъ, которую усыпила несчастная спрасъ, представленъ Авторомъ въ примѣрѣ истинно-великаго мужа. Есть прогапельныя и ужасныя сцены. — Короля игралъ Флекъ, и я еще болѣе увѣрился въ томъ, что онъ великой Актеръ. Маппаушъ, молодой человекъ, представлявшій Донъ Карлоса, довольно хорошо выражалъ живость и пылкость Принцова характера. Къ тому же онъ очень не дуренъ собою. Что принадлежитъ до роли Маркиза Позы, то Унцельманъ игралъ ее какъ-то очень бездушно. Ему гораздо свойственнѣе представлять въ *Менависти къ людямъ* спараго Генерала, которой опъ скуки бьешъ мухъ, нежели важнаго Маркиза Позу. Ролю Королевы играла

очень слабо какая-то молодая Актриса. Гж. Унцельманъ прогашельно представляла молодую Принцессу, влюбленную въ Принца. — Сія Трагедія есть одна изъ лучшихъ Нѣмецкихъ драматическихъ піесъ, и вообще прекрасна. Авторъ пишеть въ Шекспировомъ духѣ. ЕСТЬ только слишкомъ фигурныя выраженія (такъ какъ и у самого Шекспира), копорыя хотпя и показывающъ оспроуміе Автора, однакожь въ Драмѣ не умѣсна.

—●—

Берлинъ, Іюля 6.

Веди меня къ Морицу, сказалъ я нынѣ поупру наемному своему лакею. — „А кто эптоу Морицъ?“ — Кто? Филиппъ Морицъ, Авторъ, Философъ, Педагогъ, Психологъ — — „Поспойше, поспойше! Вы мнѣ много насказали; на-

добно поискать его въ календарѣ подѣ какимъ нибудь однимъ именемъ. И такъ (*вынувъ изъ кармана книгу*) и такъ онъ Философъ, говорите вы? Посмотримъ.“ — Просподушіе сего добраго человека, которой съ важностію перерачивалъ листы въ своемъ всезаключающемъ календарѣ, и непрѣнно хопѣлъ найти въ немъ роспись Философовъ, заспавило меня смѣяться. Посмотри его лучше между Профессорами — сказалъ я — пока еще число любителей мудрости не извѣстно въ Берлинѣ. — *Карлъ Филиппъ Морицъ, живетъ въ* — — „Пойдемъ же къ нему.“

Я имѣлъ великое почтеніе къ Морицу, прочитавъ его Anton Reiser, весьма иншересную психологическую книгу, въ которой описываетъ онъ собственныя свои приключенія, мысли и чувства, и развитіе душевныхъ своихъ спо-

собностей. Confessions de J. J. Rousseau, Stillings Jugendgeschichte и Anton Reiser, предпочитаю я всѣмъ систематическимъ Психологіямъ въ свѣтѣ.

Человѣку съ живымъ чувствомъ и съ любопытнымъ духомъ трудно уживеться на одномъ мѣстѣ; неограниченная дѣятельность души его пребудетъ всегда новыхъ предметовъ, новой пищи. Такимъ образомъ Морицъ, накопивъ опытъ Профессорскаго дохода своего нѣсколько лудоровъ, ѣздилъ въ Англію, а потомъ въ Италію, собираетъ новыя идеи и новыя чувства. Подробное и, можно сказать, оригинальное описаніе перваго путешествія его, которое издалъ онъ подъ пшупомъ *Reisen eines Deutschen in England*, читалъ я съ великимъ удовольствіемъ. О путешествіи его по Италіи, откуда онъ недавно возвратился, Нѣмецкая Публика еще ничего не знаетъ.

Я представлялъ себѣ Морица — не знаю, по чему — спарикомъ; но какъ же удивился, нашедши въ немъ еще молодаго человѣка лѣтъ въ тридцать, съ румянымъ и свѣжимъ лицомъ! — „Вы еще такъ молоды, сказалъ я, а успѣли уже написать столько прекраснаго!“ Онъ улыбнулся. — Я пробылъ у него часъ, въ которой мы перебрали довольно разныхъ матерій.

„Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ путешествовать, говоритъ Морицъ. Всѣ идеи, которыя мы получаемъ изъ книгъ, можно назвать мертвыми въ сравненіи съ идеями очевидца. — Кто хочетъ видѣть просвѣщенной народъ, которой посредствомъ своего трудолюбія дошелъ до высочайшей степени утонченія въ жизни, тому надобно ѣхать въ Англію; кто хочетъ имѣть надлежащее понятіе о Древнихъ, тому долженъ видѣть Испанію.“ — Онъ спрашивалъ меня

II.

14

о нашемъ языкѣ, о нашей Липсерапурѣ. Я долженъ былъ прочесть ему нѣсколько стиховъ разной мѣры, копорыхъ гармонія казалась ему довольно пріятною. „Можетъ быть придетъ такое время, сказалъ онъ, въ которое мы будемъ учиться и Рускому языку; но для эпова надобно вамъ написать что нибудь превосходное.“ Тутъ невольной вздохъ вылетѣлъ у меня изъ сердца. Всѣмъ новымъ языкамъ предпочитаетъ онъ Нѣмецкой, говоря, что ни въ копоромъ изъ нихъ нѣтъ столько *значительныхъ* словъ, какъ въ семъ послѣднемъ. Надобно сказать, что Морицъ есть одинъ изъ первыхъ знаменковъ Нѣмецкаго языка, и что можетъ быть никто еще не разбиралъ его такъ философически, какъ онъ. Весьма любопытны небольшія его піесы *Über die Sprache in psychologischer Rücksicht*, копорыя сообщаетъ онъ въ своемъ

Психологическомъ Магазинѣ. — „Намъ должно всегда *соединенными силами* искать истины, говоритъ онъ: она укрывается отъ *уединеннаго* искаателя, и *утомленному* Философу часто призракъ истины кажется истиною.“ — Морицъ въ спорѣ съ Кампе, славнымъ Нѣмецкимъ Педагогомъ, которой въ Вѣдомостяхъ разбилъ его за то, что онъ вышелъ изъ связи съ нимъ, и не захопѣлъ болѣе печатать своихъ сочиненій въ его типографіи. „Я хотѣлъ опублчать ему въ знакъ же покаянъ, сказалъ Морицъ, и написалъ-было уже листа два; однакожь одумался, бросилъ въ огонь написанное, и хладнокровно предложилъ Публикѣ свое оправданіе.“ — Спранныя вы люди! думалъ я: вамъ нельзя ужиться въ мирѣ. Нѣтъ почти ни одного извѣстнаго Автора въ Германіи, которой бы съ кѣмъ нибудь не имѣлъ публичной

ссоры; и Публика чипаешъ съ удовольствіемъ бранныя ихъ сочиненія!— Adieu, Г. Профессоръ!—

Я хотѣлъ-было видѣть Энгеля, сочинителя *Свѣтскаго Философа* и *Милики*; но, къ сожалѣнію, не засталъ его дома. Послѣ обѣда былъ на фарфоровой фабрикѣ, копорая, по числотѣ и твердоспи фарфора, естъ одна изъ первыхъ въ Европѣ. Мнѣ показывали множество прекрасныхъ вещей, въ копорыхъ надобно удивляшъся искусству рукъ человѣческихъ.

Въ Театрѣ представляли нынѣ Шредерову *Familiengemählde* — піесу, копорая не сдѣлала во мнѣ никакого пріятнаго впечатлѣнія, можетъ бытъ опъ того, что ее худо играли — и Оперу *Два охотника*. Въ послѣдней ролю дѣвки молошницы играла та Акпри-са, копорая въ Донѣ Карлосѣ представляла Королеву: какое превращеніе! Однакожъ дѣвку молошни-

цу играетъ она лучше, нежели Королеву.

Берлинъ, Юля 7.

Нравственность здѣшнихъ жителей прославлена опчасти съ худой стороны. Г. Ц*** называетъ Берлинъ Содомомъ и Гоморомъ; однакожъ Берлинъ еще не провалился, и Небесной гнѣвъ не обращаетъ его въ пепелъ. Въ самомъ дѣлѣ Г. Ц***, писавъ сіе, забылъ, что во всѣхъ семьяхъ бывающъ уроды, и что по симъ уродамъ не лзя заключать о всей семьѣ. Мудрено и людямъ счисляться между собою въ добродѣтеляхъ или порокахъ, а городамъ еще мудренѣе. — Однимъ словомъ, естли бы Г. Лейбъ-Медикъ и Кавалеръ былъ неприспрашенъ; естли бы *нѣкоторыя* люди въ Берлинѣ не зацѣпили его за живое, то бы

онъ конечно не заговорилъ такимъ не-философскимъ, для Космополи-
та и Филантропа оскорбитель-
нымъ языкомъ.

Говорящъ, что въ Берлинѣ мно-
го распушныхъ женщинъ; но ес-
ли бы Правительство не пергѣло
ихъ; то оказалось бы, можнѣ
бынѣ, болѣе распушства въ семей-
ствахъ — или надлежало бы вы-
сласть изъ Берлина тысячи сол-
датъ, множество холоспыхъ, праз-
дныхъ людей, которые конечно не
по Руссовой системѣ воспитаны,
и которые по своему соспоянiю
не могутъ жениться.

Мнѣ еказывали, что однажды
ввечеру въ звѣринцѣ развращенныя
Берлинскія Вакханшны какъ Фурии
бросились на одного нещаснаго
Орфея, которой уединенно гулялъ
въ темношѣ алей; опняли у него
деньги, часы, и сорвали бы съ него
самое платье, еспли бы подошед-
шiя люди не принудили ихъ раз-

бѣжашься. Но когда бы рассказали мнѣ и пысячу такихъ анекдотовъ, то я все не предалъ бы анаѳемъ такого прекраснаго города, какъ Берлинъ.

Въ похвалу Берлинскихъ гражданъ говорящъ, что они трудолюбивы, и что самыя богатыя и знашныя люди не распочають денегъ на суешную роскошь, и соблюдаютъ строгую экономію въ еполѣ, плащѣ, экипажѣ, и проч. Я видѣлъ спарика Ф***, ѣдущаго верхомъ на такой лошади, на которой бы, можетъ быть, и я носпыдился ѣхать по городу, и въ такомъ кафтанѣ, которой ешипъ конечно въ первой половинѣ текущаго еполѣнія. Нынѣшній Король живеть пынѣ своего предшественника; однако жь окружающіе его держатся по большой часпи спарины. — Въ публичныхъ собраніяхъ бываетъ много хорошо

одѣшыхъ молодыхъ людей; въ уборѣ
Дамъ видѣнъ вкусъ.

Берлинъ, Юля 8.

Есѣли бы изъ народной брани
можно было заключаѣь о народномъ
характерѣ, по бы изъ schwer Noth
(*), любимаго Нѣмецкаго слова,
пушешественникъ заключилъ, что
въ Нѣмцахъ много желчи; но что
бы тогда должно было заключить
изъ любимой брани нашего народа?

Здѣсь спояѣь на улицахъ насм-
ныя карепы, шакъ какъ у насъ из-
вощичьи дрожки или сани. За во-
семь грошей — что по нынѣшне-
му курсу составилъ 40 копѣекъ
— можно ѣхать въ городъ куда
угодно, шолько въ одно мѣсто.
Карепы и лошади очень изрядны.

(*). Т. е. падачая болѣзнь.

Справедливо говорятъ, что путешественнику надобно всегда оспанавливатъся въ первыхъ практирахъ, не только для лучшей услуги, но и для самой экономіи. Тамъ есть всему опредѣленная цѣна, и лишняго ни съ кого не попребуютъ; а въ худыхъ практирахъ стараются взять съ васъ какъ можно болѣе, если примѣнятъ, что въ кошелекѣ вашемъ есть золото. У Г. Блума плачу я за обѣдъ, которой состоитъ изъ чепырехъ блюдъ, 80 коп., за порцію кофе 15 коп., а за комнапу въ день 50 коп. Наемной лакей всегда благодарилъ меня, когда я давалъ ему въ день полпину.

Нынѣ счелъ я, что дорога опѣ Кенигсберга стоитъ мнѣ не болѣе пятнадцати червонныхъ. На ординарной почтѣ платятъ за милу 6 грошей или 30 копѣекъ; сверхъ того надобно давать поспилліонамъ на вино.

II.

15

*За двѣ мили отъ Дрездена,
10 Юля, 1789.*

И такъ вашъ другъ уже въ Саксоніи!—Осьмага числа опправиль я къ вамъ свой пакетъ изъ Берлина, и думалъ еще побыть тамъ по крайней мѣрѣ недѣлю; но l'homme propose, Dieu dispose. Въ потъ же вечеръ спало мнѣ пакъ грустно, чію я не зналъ, куда дѣваться. Бродилъ по городу, нахлучивъ себѣ на глаза шляпу, и проспью своею считалъ на мостовой камни; но грусть въ сердцѣ моемъ не упижала. Прощелъ въ звѣринецъ, переходилъ изъ алеи въ алею, но мнѣ все было грустно. Что же дѣлать? спросилъ я самъ у себя, оспановясь въ концѣ длинной липовой алеи, приподнявъ шляпу и взглянувъ на солнце, которое въ пихомъ великолѣпнн сіяло на западѣ. Минуты двѣ искалъ я отвѣта на лазуревомъ небѣ и въ душѣ своей; въ

прешью нашелъ его: — сказалъ: *поѣдемъ далѣе!* и просью своею провелъ на пескъ длинную змѣйку, подобную той, копорую въ *Тристрамъ Шанди* начерпилъ Капралъ Тримъ (vol. VI. chap. XXIV), говоря о пріятносняхъ свободы. Чувства наши были конечно сходны. Такъ, добродушной Тримъ! *nothing can be so sweet as liberty* (*), думалъ я, возвращаясь скорыми шагами въ городъ; и кпо еще не запертъ въ клѣтку — кпо можетъ, подобно ппичкамъ небеснымъ, быть здѣсь и памъ, и памъ и здѣсь — потъ можетъ еще наслаждаться быпіемъ своимъ, и можетъ быть щасливъ, и долженъ быть щасливъ.

И такъ, не дожидаясь порже-спвеннаго собранія Берлинской Академіи, рѣшилъ я на другой день

(*) Т. е. ничего не можетъ быть пріятнѣе свободы.

бхашь. Мнѣ надлежало бы еще побывашь у Гр. К*, которая звала меня къ себѣ черезъ Господина М*; однакожъ и эшо не могло меня оспановишь. — Вечеръ провелъ я очень пріятно съ любезнымъ Д*, а на другой день по упру, укладвъ свой чемоданъ и расплащясь съ Господиномъ Блумомъ, опправился въ Саксонію — на ординарной почтѣ, въ опкрышой коляскѣ, съ двумя Сшуденшами и однимъ молодымъ Лейпцигскимъ купцомъ.

Съ другой перемѣны побжалъ я на шакъ называемой экспренной почтѣ. Въ прокляшой Нѣмецкой фурѣ шакъ распрясло меня, что и шеперь чувствую боль въ груди. Сверхъ шого оспался у меня на щекѣ рубецъ, и я долженъ еще благодарить Судьбу, что глаза мои цѣлы. Надобно знашь, что дорога къ Саксонскимъ границамъ идетъ по большой части лѣсомъ; а какъ почшова я коляска опкрыта и очень

высока, по сидящіе въ ней безпреспанно должны нагибаться, чпобы не зацѣпиться головою за дерева. Ввечеру я задремалъ, и схватилъ опѣ какого-то вѣшви-спаго дерева пакою пощечину, чпо у меня искры изъ глазъ посыпались. Все эшо вмѣстѣ заспавило меня проспипься съ веселыми Спуденшами.

Экспренная почта спюипѣ почти вчешверо дороже ординарной. Мнѣ дають пару лошадей съ колясочкою, и берутъ съ меня за милю по шалеру (120 коп).

Саксонскіе поспилліоны опмѣнены опѣ Прусскихъ полько цвѣтомъ своихъ кафшановъ (на послѣднихъ синіе съ краснымъ боропникомъ, а на первыхъ желпые съ голубымъ); впрочемъ они шакъ же жалбюпѣ своихъ лошадей, шакъ же любяпѣ пинь въ корчмахъ, и шакъ же грубы.

Дороги въ Саксоніи очень дурны,

и отъ Берлина до сего мѣста не
вспрѣчалось глазамъ моимъ ни од-
ного пріятнаго вида; полько зем-
ля здѣсь, кажется, лучше обрабо-
тана, нежели въ Бранденбургѣ.
По крайней мѣрѣ извѣстно по,
что Саксонскіе земледѣльцы во-
обще гораздо богатѣе Прусскихъ.

Я долженъ описатьъ вамъ одну
вспрѣчу, копорая оспавила во мнѣ
пріятныя впечатлѣнія.

Въ мѣстечкѣ или въ маленькомъ
городкѣ, гдѣ я нынѣ въ полдень
перемѣнялъ лошадей, Почтмей-
стеръ не опправлялъ меня очень
долго. Я прохаживался по двору,
и думалъ — не знаю, о чемъ. Знаю
полько, что спукъ коляски, подѣ-
ѣжавшей къ крыльцу почтоваго
дома, перервалъ нить моихъ мы-
слей. Я взошелъ на крыльцо, и у-
видѣлъ молодую, прекрасную, нѣж-
ную, бѣлокурую женщину, — въ
маленькой черной шляпкѣ, въ А-
мазонскомъ зеленомъ плащѣ, съ

бѣлымъ глапкомъ въ рукахъ, — вышедшую изъ коляски съ пожилымъ, горбатымъ, долгоносимъ мужчиною, копораго изображеніе было бы не послѣднею піесою между Гогардскими каррикашурами. Онъ подалъ ей руку, и когда они проходили мимо меня, я снялъ шляпу и поклонился красавицѣ, — правда, не очень низко, для того, чпобы ни на секунду не выпустишь изъ глазъ прелестей лица ея. Надобно думать, что взоръ мой сполнѣ комплиментъ: на меня взглянули умильно, и даже ласково! Почпмейстеръ вспрѣшилъ госпей въ сѣняхъ, опвелъ имъ комнапу, и самъ побѣжалъ за ключевою водою, въ копорой имѣла нужду красавица для освѣженія своихъ прелестей. Дверь затворилась, и я оспался одинъ въ сѣняхъ. Но развъ эша дверь не опворяется! вздумалъ я, и пихонько опворилъ ее. Красавица спояла передъ зерка-

ломъ, и бѣлымъ планкомъ онира-
 ла пыль съ бѣлаго лица своего; а
 сонупникъ ея сидѣлъ на креслахъ
 и зѣвалъ. Извините, сказалъ я: у
 меня здѣсь оспалась книга. Гор-
 бапой кавалеръ кивнулъ головою,
 и указалъ мнѣ книгу мою, кото-
 рая лежала на столѣ. Красавица
 опворопилась опъ зеркала, и взгля-
 нула на меня такими быспрыми,
 проницапельными глазами, что я
 вѣрно бы покраснѣлся, еспли бы
 у меня что нибудь дурное было
 на мысли; но я съ спокойспвѣмъ
 невинности смопрѣлъ на ея пре-
 красивые голубые глаза, на ея пра-
 вильной Греческой носѣ, на ея
 розовыя губы и щеки, и любовал-
 ся прелестями ея пакъ, какъ мо-
 лодой ваяпель любуется Микель-
 Анджеловою спашуею, или живо-
 писецъ Рафаелевою картинною. —
 Краставица съла, а я споялъ про-
 пивъ нее, и все еще не бралъ сво-
 ей книги. „День очень жарокъ,“ —

сказала она пріятнымъ голосомъ, взглянувъ на своего сопутника и на меня. Онъ зѣвнулъ, а я повторилъ ея слова: „день очень жарокъ.“ Тутъ послѣдовало молчаніе. Зная, что женщины въ *рѣшительныхъ* случаяхъ жизни никогда не говорятъ перваго слова, я спросилъ наконецъ: „не въ Дрезденъ ли вы ѣдете, сударыня?“ — „Нѣтъ, отвѣчала она: мы ѣдемъ въ деревню къ своему пріятелю. А вы конечно сами въ Дрезденъ ѣдете?“ — Такъ, сударыня: я надѣюсь быть шамъ завтра очень рано. — „Вы конечно иносстранецъ, еспьли смѣю спросить?“ — Такъ, сударыня. — „Конечно Англичанинъ? попому что Англичане хорошо говорятъ по-Нѣмецки.“ — Извините, сударыня: я Москвитининъ. — „Москвитининъ? Ахъ, Боже мой! я еще опъ роду не видывала Москвитининъ.“ — А я видаль, сказалъ горбапой кавалеръ,

и началъ снова эъвапъ. — „Да скажите пожалуйста, какъ вы къ намъ заѣхали?“ — Изъ любопытства, сударыня. — „Надобно, чпобы вы были очень любопытны. Вѣдь вы конечно оставили въ опечесствѣ своемъ много любезнаго?“ — Много, сударыня, много: я оставилъ опечесство и друзей. — Не знаю, до чего бы мы съ нею договорились, еспьли бы не пришелъ Почтмейстеръ съ водою, и не сказалъ мнѣ, чпо коляска моя гопова. Я низко поклонился красавицѣ, а она пожелала мнѣ щаспливаго пупи. — „И полько?“ — Чпожь дѣлать! Не хочу лгать.

Прекрасной лужекъ, прекрасная рощица, прекрасная женщина — однимъ словомъ, все прекрасное меня радуешъ, гдѣ бы и въ какомъ бы видѣ ни находилъ его. Образъ милой Саксонки остался въ моихъ мысляхъ, къ украшенію карпинной галлерей моего воображенія. —

На сей послѣдней перемѣнѣ я рѣшился ночевать. Теперь бѣшь 10 часовъ. Въ четыре меня разбудятъ.

Дрезденъ, 12 Юля.

Утро было прекрасное; пшички пѣли, и молодые олени играли на дорогѣ. Тутъ вдругъ открылся мнѣ Дрезденъ, на большой доли-нѣ, по которой течетъ крошечная Эльба. Зеленые холмы на одной сторонѣ рѣки, и величественной городъ, и обширная плодоносная долина, составляющъ великолѣпной видъ. — Съ приятными чув-ствами вѣхалъ я въ Дрезденъ, и при первомъ взглядѣ показался онъ мнѣ огромнѣе самаго Берлина.

Я остановился въ штактирѣ на почтовомъ дворѣ, и, одѣвшись, пошелъ къ Господину П*, къ ко-рому было у меня письмо изъ Москвы. Онъ принялъ меня очень

ласково, и вызвался-было доставить мнѣ пріятныя знакомства въ Дрезденѣ; но какъ я пробуду здѣсь не болѣе прехъ дней, и слѣдственно не буду имѣть времени пользоваться знакомствами, по мнѣ оставалось только благодарить его за добрую волю. Мы пошли съ нимъ ходить по городу.

Дрезденъ едва ли уступаетъ Берлину въ огромности домовъ; но только улицы здѣсь гораздо тише. Жителей считается въ Дрезденѣ около 35000: очень не много по обширности города и величинѣ домовъ! Правда, что на улицахъ и немного людей встрѣчается; и на рѣдкомъ домѣ не прибито объявленія объ отдачѣ въ наемъ комнатъ. За двѣ или за три порядочно убранныя горницы платяшъ здѣсь въ мѣсяцъ не болѣе семи или осьми шалеровъ. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города видны еще слѣды опустошенія,

произведеннаго въ Дрезденѣ Прусскими ядрами въ 1760 году. — Съ часъ споялъ я на мосту, соединяющемъ пакъ называемой *новой городъ* съ Дрезденомъ, и не могъ насыпиться разсмантриваніемъ пріятной каршины, копорую образующъ обѣ части города и прекрасные берега Эльбы. — Сей мостъ, длиною въ 670 шаговъ, считается лучшимъ въ Германіи; на обѣихъ сторонахъ сдѣланы ходы для пѣшихъ и мѣсна для отдохновенія.

Господинъ П* хотѣлъ, чшобы я у него обѣдалъ. Вы увидите мое семейство, сказалъ онъ. Насъ встрѣпила женщина лѣтъ въ сорокъ, почтеннаго вида, и молодая дѣвушка лѣтъ въ двадцать, не прекрасная, но миловидная и нѣжная. Вопъ все мое семейство! сказалъ мнѣ Господинъ П* — и я поцѣловалъ руку у той и другой. Обѣдъ былъ самой умѣренной, од-

накожь и не голодной. Хозяинъ и хозяйка разспрашивали меня о Россіи, и вопросы ихъ были такъ умны, что опвѣщны не приводили меня въ затрудненіе. Господинъ П* хопя и не есть Ученой, однакожь много чипалъ; и за бупылкою спараго Реинскаго вина, которую принесла намъ сама хозяйка, говорилъ съ великимъ жаромъ о пвореніяхъ нѣкопрыхъ Нѣмецкихъ Позшовъ. Миловидная Шарлопа по большой часпи молчала, но взоры и улыбки ея были краснорѣчивы. Послѣ обѣда она играла на клавесинѣ, хопя въ Нѣмецкомъ вкусѣ, однакожь не безъ пріятности. — Опѣ нихъ пошелъ я въ славную карпинную галерею, копорая почипается одною изъ первыхъ въ Европѣ. Я былъ шамъ при часа, но на многія карпины не успѣлъ и глазъ оборопипъ; не три часа, а нѣсколько мѣсяцевъ надобно на шо, чшобы хоро-

шенько осмопрѣшь сію галерею. Я разсмапривалъ со вниманіемъ Рафаелеву (*) Марію (копорая

(*) Рафаель, глава Римской школы, признанъ единогласно первымъ въ своемъ искусствѣ. Никшо изъ живописцевъ не вникалъ столько въ красоны антиковъ, никшо не учился Анапоміи съ такою прилѣжносною, какъ Рафаель — и пошому никшо не могъ превзойши его въ рисовкѣ. Но знанія, копорыя симъ средствомъ приобрѣлъ онъ въ формѣ челоувческой, не сдѣлали бы его такимъ великимъ живописцемъ, ешлы бы Напура не одарила его шворческимъ духомъ, безъ копорого живописецъ ешь ничшо иное, какъ бѣдной копистъ. Небесный огнь оживляешъ чершы кисти его, когда онъ изображаешъ Божество; въ черпахъ Героевъ его видно непобѣдимое мужество; въ образѣ Венеры или Роксаны умѣлъ онъ соединить всѣ женскія прелести, а въ образѣ Маріи красону, невинность и свяшость.

держимъ на рукахъ Младенца, и передъ которою спояшъ на колѣняхъ Св. Сикспусъ и Варвара); Корреджіеву (*) *ночь*, о которой

Лица Тирановъ, имъ изображенныя, приводяшъ въ ужасъ; въ лицахъ мучениковъ его надобно удивляшся живымъ чертамъ небеснаго перлбнїя. — Правда, что карпины его неравной цѣны; послѣднїя несравненно превосходятъ первыхъ. Преображеніе Христово считаешся лучшимъ его произведеніемъ. — Сей великой художникъ скончалъ жизнь свою преждевременно, опъ чрезмѣрной склонности къ женскому полу, склонности, которая вовлекла его въ распутство. Онъ родился въ Урбино въ 1483, а умеръ въ Римѣ въ 1520 году.

(*) Корреджіо, первой Ломбардской живописецъ, почли безъ всякаго руководства достигъ до высочайшей степени совершенства въ своемъ искусствѣ, не възжавъ никогда изъ своего отечества, и не выдавъ почти никакихъ хорошихъ карпинъ, ни анциковъ.

столько писано и говорено было, и въ которой наиболѣ удивляющ-

Кисть его ставится въ примѣръ нѣжности и пріятности. Рисовка не совсѣмъ правильна, однакожь искусна; головы прекрасны, а краски несравненны. Ногое тѣло писалъ онъ весьма живо, а лица его говорящъ. Однимъ словомъ, каршины его опмѣнно милы даже и для незнапковъ; и еспли бы Корреджіо видѣлъ всѣ прекрасныя шворенія искусства въ Римѣ и въ Венеціи, то онъ былъ бы конечно правильнѣе въ рисовкѣ, и превзошелъ бы, можетъ бытъ, самого Рафаеля.—Всю жизнь свою провелъ онъ въ бѣдности, былъ скромнѣ, доволенъ малымъ и чело-вѣколюбивѣ. Причина его смерти достойна замѣчанія. Продавъ въ Пармѣ одну картину свою, взялъ онъ за нее мѣшокъ мѣдныхъ денегъ и пошелъ съ нимъ пѣшкомъ въ Корреджіо. День былъ жарокъ, и ему надлежало перейши четыре мили. Радуюсь тому, что полученными деньгами можетъ на нѣкоторое вре-
II.

ся смѣси свѣта со пьюю; Микель-Анджелову (*) карпину, пред-

мя вывести изъ нужды семейство свое, не чувствовалъ онъ усталости; но пришедши домой, занемогъ горячкою, которая черезъ нѣсколь-ко дней скончала жизнь его. Онъ родился въ 1532, а умеръ въ 1588 году.

(*) Микель-Анджело былъ великой Архитекторъ, живописецъ и рѣщикъ. Построенный имъ куполъ церкви Св. Петра служилъ доказательствомъ искусства его въ Архитектурѣ. Чтo принадлежитъ до картинъ его, то онъ не столько пріятны, сколько удивительны; для того чтo онъ всегда хотѣлъ представлять трудное и чрезвычайное. Зная хорошо Анатомію, старался онъ слишкомъ сильно означать мускулы въ своихъ фигурахъ; а пѣло писалъ всегда кирпичнаго цвѣта. Но еслии Микель-Анджело не первой живописецъ по своей кисти, то едва ли ктонибудь превзошелъ его въ рисовкѣ. — Въ Скульптурѣ былъ онъ, кажеш-

спавляющую осужденнаго на смерть челоѡька, и вдали городъ;

ся, еще искуснѣе. Его Купидонъ, Бахусъ и молодой Сапиръ, считающаюся лучшими твореніями сего художества. — Микель - Анджело былъ остроуменъ. Когда Пана Юлій спросилъ у него съ неудовольствіемъ, для чего онъ въ писанныхъ имъ картинахъ изъ Веллхаго Завѣща не употребилъ золота, по примѣру старинныхъ живописцевъ: то онъ съ покорнымъ видомъ отвѣчалъ, что святыя мужи, имъ изображенные, считали блескъ одежды за ложное украшеніе челоѡька. Желая дать знать Рафаелю, что онъ видѣлъ въ Фарнезскихъ палатахъ картину его, Галашею, начертилъ онъ углемъ на сплѣнѣ Фаунову голову, которую и нынѣ тамъ показываютъ. Рафаель, увидѣвъ ее, сказалъ, что никто, кромѣ Микеля - Анджело, не могъ начертить такой головы. — Показывая Микель - Анджелову картину распятія Христова, рассказываютъ всегда, буд-

картины Юлія Романа (*): Пана, копорой учипъ на флейшъ молодого паспуха; играющую Цецилію, окруженную Свяпыми, и проч.—

по бы онъ, желая естесивеннѣ представитъ умирающаго Спасителя, умершвилъ челоѡка, копорой служилъ ему моделью; но анекдотъ сей совсѣмъ невѣроятенъ. — Онъ родился въ 1474, а умеръ въ 1564 году.

(*) Юлій Романъ, лучший Рафаелевъ ученикъ, имѣлъ плодотворное воображеніе, и былъ весьма искусенъ въ рисовкѣ. Всѣ фигуры его вообще очень хороши. Только жаль, что онъ слѣдовалъ антикамъ болѣе, нежели Натурѣ! Можно сказать, что рисунки его слишкомъ правильны, и отъ того всѣ его лица слишкомъ единообразны. Тѣло писалъ онъ кирпичнаго цѣвша, такъ какъ Микель-Анджело, и краски его вообще темны. Онъ родился въ 1492, а умеръ въ 1546 году.

Веронезовы (*): воскресеніе, похищеніе Европы, и проч. — Карач-

(*) Картины Павла Веронеза превосходят по живости и пріятности фигуръ, и по свѣжести красокъ. Намура была образцемъ его; однакожь, какъ великой художникъ, умѣлъ онъ исправлять ея недоспапки. — Между прочимъ разсказываютъ объ немъ слѣдующій анекдотъ. Однажды, въ окрестностяхъ Венеціи, заспала его на дорогѣ буря съ дождемъ, и онъ принужденъ былъ требовать убѣжища въ загородномъ домѣ Прокураптора Пизани, который принялъ его такъ ласково и дружественно, что живописецъ не могъ выѣхать отъ него нѣсколько дней. Въ то время написалъ онъ шихонько Даріеву фамилію (картину, на которой изображены двадцать фигуръ во весь ростъ) и спрягалъ ее подъ кровать; а прощаясь съ хозяиномъ, сказалъ ему, что онъ оставилъ тамъ нѣчто въ знакъ своей благодарности за его угощеніе. —

чиевы (*): Генія славы, лепящаго по воздуху; Марію со младенцемъ, Матеемъ и Іоанномъ, и проч. — Тиншорешовы (**): Аполлона съ

Онъ родился въ 1532, а умеръ въ 1588 году.

(*) Немногіе изъ живописцевъ имблизпакое плодотворное воображеніе, какъ Аннибалъ Караччи, и немногіе превзошли его въ рисовкѣ; а въ послѣднихъ его картинахъ, писанныхъ въ Римѣ, и самыя краски очень хороши. Лучшее произведеніе его кисти естъ Фарнезская галлерей въ Римѣ, надъ копорою онъ восемь лѣтъ прудился, и за копорую заплашили ему весьма худо, для того, что у него было много завистниковъ и непріятелей. Онъ родился въ 1560, а умеръ въ 1609 году. Его погребли подлѣ Рафаеля, копорого онъ любилъ болѣе всѣхъ живописцевъ.

(**) Тиншорешъ, Венеціанской живописецъ, старался еъ своихъ картинахъ соединить вкусъ Микеля-Ан-

Музами, паденіе Ангеловъ, и проч.
 — Бассановы (*): Израильской на-
 родъ въ пущынѣ, Носво семей-
 ство, и проч. — Джіордановы (**):

джело съ Тиціановымъ: п. е. пер-
 вому подражалъ онъ въ рисункахъ,
 а вшорому въ краскахъ. (Тиціанъ
 считается первымъ колористомъ
 въ свѣтѣ). Картины его весьма не-
 равной цѣны, и пошому говорили
 объ немъ, что онъ пишешъ иногда
 золошою, иногда серебряною, а
 иногда желѣзною кислію. Онъ ро-
 дился въ 1512, а умеръ въ 1594
 году.

(*) Въ Бассановыхъ картинахъ надоб-
 но удивляться живости красокъ; а
 въ рисовкѣ былъ онъ не весьма ис-
 кусенъ, подобно всѣмъ Венеціян-
 скимъ живописцамъ. Тѣло писалъ
 очень живо, а плашье не хорошо.
 Ландшафты его прекрасны.— Онъ
 родился въ 1570, а умеръ въ 1592
 году.

(**) Во всѣхъ Джіордановыхъ карти-
 нахъ видна опимѣнная легкоснѣ ки-

похищеніе Сабинокъ, умирающаго Сократа, Сусанну въ купальнѣ, и проч. — Розовы (*): собственной его поршрелѣ и ландшафтѣ съ деревьями, гдѣ сидящій старикъ

спит; но какъ онъ писалъ слишкомъ много, по почти всѣ картины его не додѣланы, и вообще рисовка не очень правильна. Главною его моделью былъ Павелъ Веронезъ; но онъ умѣлъ подражать всѣмъ лучшимъ живописцамъ, такъ что самыя знаменитыя иногда обманывались, и принимали его подражаніе за оригиналъ. — Онъ родился въ Неаполѣ въ 1632, а умеръ въ 1705 году.

(*) Салваторъ Роза, Неаполитанской живописецъ, писалъ лучше ландшафты, нежели историческія картины. Фигуры его по большей части неправильны; однакожь въ нихъ видна смѣлая кисть и оптимѣнная живость. Деревя, горы и вообще всякіе виды писалъ онъ прекрасно. Онъ родился въ 1615, а умеръ въ 1673 году.

говоритъ съ двумя стоящими — Пуссенева (*): Ноево жертвоприношеніе, ландшафтъ съ двумя сидящими нимфами и съ Нарциссомъ, копорой смотрился въ воду, и еще другой, гдѣ спитъ нагая Нимфа, копорую разсмаприваютъ изъ за-дерева двое мущинъ — Рубенсовы (**): сидящую Марію съ

(*) Въ картинахъ Николая Пуссеня, славнаго Французскаго живописца, видны высокія мысли и живое выраженіе спрасшей; рисовка его правильна, но краски не очень хороши. Въ семъ подобенъ онъ Римскимъ живописцамъ, копорые вообще не уважаютъ колорита. Ландшафты его прекрасны. Онъ родился въ 1594, а умеръ въ 1663 году.

(**) Рубенсъ по справедливости называется Фландрскимъ Рафаелемъ. Какой пишической духъ виденъ въ его картинахъ! какія богатыя мысли! какое согласіе въ цѣломъ! какія живыя краски, лица, платья! Онъ иди какъ не хотѣлъ подражать анши-
II.

Младенцемъ, которому Ангелы подаютъ плоды ; спрашный Судъ , Христа спящаго на корабль во время бури, похищеніе Прозерпины, пьянаго Силена съ Нимфами, Венеру съ Адонисомъ, наказываемаго Купидона, котораго одна женщина держитъ на рукахъ, а другая съчепъ лозою; Нептуна, укрощающаго море, и проч. — Фанъ

камъ, и писалъ все съ натуры. Къ совершенству его картинъ не достаетъ только той правильности въ рисовкѣ, которою славится Римская школа. — Рубенсъ способенъ былъ не только къ живописи, но и къ важнымъ государственнымъ дѣламъ, и будучи Посланникомъ въ Англіи, умѣлъ согласить Карла I на миръ съ Гишпанією. Возвращаясь во Фландрію, женился онъ на Еленѣ Форманъ, славной красавицѣ, которая часто служила ему моделью. Онъ родился въ 1577, а умеръ 1640 году.

Диковы (*) изображенія Королей Карла II и Якова II; Иеронима, у ногъ котораго лежишь левъ, и проч. — и наконецъ Менгсовы, копорыхъ очень много. Между прочими карпинами естъ прекрасныя перспективы и шакія живыя изображенія винограда и другихъ плодовъ, чпо хочешся ихъ взять. — Самыя лучшія карпины перешли въ Дрезденскую галерею изъ

(*) Фанъ Дикъ, Рубенсовъ ученикъ, естъ конечно первой портретной живописецъ въ свѣтѣ. Колоритъ его не уступаетъ Рубенсову; головы и руви писалъ онъ прекрасно. Но для исторической живописи былъ уже не такъ способенъ, для того чпо не имѣлъ Рубенсова пишическаго духа. Король Карлъ I призвалъ его въ Англію, гдѣ онъ могъ бы обогатиться отъ своей работы, естли бы жилъ умѣреннѣе и не прилѣпился къ Алхиміи. Онъ родился въ 1599, а умеръ въ 1641 году.

Моденской, на прим. Корреджіева *нось*. Августъ III, Польской Король, былъ великой любитель живописи, и не жалѣлъ денегъ на покупку хорошихъ картинъ.

Надзирапель сказывалъ, что за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ украли изъ галлерей картинъ десять, и припомъ самыхъ лучшихъ; но что, къ щастію, воровъ скоро опыскали, и картины возвращались на прежнее свое мѣсто. — Выходя, вручилъ я Господину Надзирапелю Голландской червонецъ.

Надобно было еще видѣть такъ называемую *зеленую кладовую* (das Grüne Gewölbe), или собраніе драгоценныхъ камней, коцорому въ цѣломъ свѣтѣ едва ли есть подобное; и чтобы взглянуть на этотъ блестящій кабинетъ Саксонскаго Курфирша и послѣ сказать: *я видѣлъ рѣдкость!* надобно

заплапиль Голландской червонецъ. Мнѣ сказывали, что одинъ знаш-ной Французъ, смотря на камни, сказалъ Курфирспу: *Хорошо, освѣтъ хорошо; а что это стоитъ Вашей Свѣтлости?*

Послѣ каршинной галлерей и зеленой кладовой прешія примѣчанія доспойная вещь въ Дрезденѣ есть библіотека, и всякой путешественникъ, имѣющій нѣкоторое пребываніе на ученость, считающій за должность видѣть ее, ш. е. взглянуть на ряды переплетенныхъ книгъ и сказать: *какая огромная библіотека!* — Между Греческими манускриптами показывающій весьма древній списокъ одной Эврипидовой трагедіи, проданной въ библіотеку бывшимъ Московскимъ Профессоромъ Маппшеемъ; за сей манускриптъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, взялъ онъ съ Курфирспа около

1500 шалеровъ. Спрашивается, гдѣ Г. Мапштей досталъ сіи рукописи?

Вечеру гулялъ я въ саду, копорой называется *Zwinger Garten*, и копорой хопя не великъ, однако жъ пріяпенъ. Посланника нашего нѣшъ въ Дрезденъ. Онъ поѣхалъ въ Карлсбадъ.

Юля 12.

Нынѣ поушру вошелъ я въ придворную Каполицкую церковь во время обѣдни. Великолѣпіе храма, громкое и пріяпное пѣніе, сопровождаемое согласными звуками органа; благоговѣніе молящихся, къ небу воздѣшныя руки Священниковъ — все сіе вмѣстѣ произвело во мнѣ нѣкопорой восхипительной препенъ. Мнѣ казалось, что я вспупилъ въ міръ Ангельской, и слышу гласы блаженныхъ Духовъ, славословящихъ Неизре-

ченнаго. Нѣги мои подогнулись; я спалъ на колѣни и молился опъ всего сердца.

—●—

Юля 12, въ 10 часовъ вечера.

Послѣ обѣда былъ я въ гостяхъ у нашего молодого Священника, гдѣ познакомился еще съ Секретаремъ нашего Министра; а оппуда пошелъ одинъ гулять за городъ, въ шакъ называемой *большой садъ*. Длинная алея вывела меня на обширной зеленой лугъ. Тутъ на лѣвой споронѣ представилась мнѣ Эльба и цѣпь высокихъ холмовъ, покрытыхъ лѣскомъ, изъ за-копораго выспавляющся кровли разсѣянныхъ домиковъ и шпицы башенъ. На правой споронѣ поля, обогащенныя плодами; вездѣ вокругъ меня разспилались зеленые ковры, усѣянные цвѣтами. Вечернее солнце крошкими лучами сво-

ими освѣщало сію прекрасную картину. Я смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и — даже плакалъ: что обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень весело! — Вынулъ бумагу, карандашъ; написалъ: *любезная Природа!* и болѣе ни слова!! Но едва ли когда нибудь чувствовалъ такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть щасливыми; и едва ли когда нибудь въ сердцѣ своемъ, былъ такъ добрѣ и такъ благодаренъ пропивъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ Самой Любви, и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книгѣ жизни моей.

А вы, цвѣтущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! вы будете благословляемы мною и тогда, когда, возвратясь въ сѣверное, опдаленное опечесство мое, въ ча-

сы уединенія буду воспоминашь
прошедшее!

Мейсенъ, Юля 13.

Я рѣшился нынѣ поуспру ъхать
въ Лейпцигъ въ публичной почпо-
вой коляскѣ (которая называется
желтою, Gelbe Kutsche, для по-
го чпо обипа желпымъ сукномъ).
Въ десять часовъ надлежало намъ
оправинься. Опдавъ свой чемо-
данъ Шафнеру (шакъ называется
въ Саксоніи проводникъ почпы),
и сказавъ ему, что буду дожидать-
ся коляски на дорогѣ, пошелъ я
изъ Дрездена пѣшкомъ въ 9 ча-
совъ ушра. Наемной слуга согла-
сился за нѣсколько грошей бышь
моимъ пупеводителемъ.

Скорыми шагами вышелъ я изъ
города; но вышедши, почпи на каж-
домъ шагу оспанавливался и лю-
бовался прекрасною Напурою и

плодами трудолюбія. Дорога идетъ вдоль по берегу Эльбы. На лѣвой сторонѣ за рѣкою видны горы, покрышыя частымъ зеленымъ березникомъ и ольхами; а на правой плодоносная равнина съ полями и деревеньками, копорую въ опдаленіи ограничивающъ виноградные сады.

Какъ ясно было небо, такъ ясна была душа моя. Я видѣлъ вездѣ благоденствіе, щастіе и миръ. Ппички, копорыя порхали и плавали по чиспому воздуху надъ головою моею, изображали для меня веселье и безпечность. Онѣ чувспвуютъ быпіе свое, и наслаждаются имъ! Каждой поселанинѣ, идущій по лугу, казался мнѣ благополучнымъ смерпнымъ, имѣющимъ съ избыткомъ все то, что попребно человеку. Онѣ здоровѣ трудями — думалъ я — веселѣ и щаспливѣвъвѣчасѣ опдохновенія, будучи окруженѣ мирнымъ семей-

спвомѣ, сидя подлѣ вѣрной своей жены, и смотря на играющихъ дѣтей. Всѣ его желанія, всѣ его надежды ограничиваются обширностію его полей; цвѣтущіе поля, цвѣтущіе душа его. — Молодая крѣстьянка съ посошкомъ была для меня Аркадскою паспушкою. Она спѣвши къ своему паспуху — думалъ я — копорой ожидаетъ ее подлѣ пѣнію кашпановаго дерева, — тамъ, на правой споронѣ, близъ виноградныхъ садовъ. Онъ чувствуетъ элекприческое потрясеніе въ сердцѣ, встаетъ и видитъ любезную, копорая издали грозитъ ему посошкомъ своимъ. Какъ же бѣжитъ онъ на встрѣчу къ ней! Паспушка улыбается; идетъ скорѣе, скорѣе — и бросается въ ошверспыя объятія милаго своего паспуха. — Помню видѣлъ я ихъ (разумѣется, мысленно) сидящихъ другъ подлѣ друга въ сѣни кашпановаго

дерева. Они цѣловались какъ нѣжныя горлицы.

Я сѣлъ на дорогѣ, и дождался почтовой коляски. У меня было довольно поварищей; между прочими Магистеръ, или деревенской Проповѣдникъ, въ рыжемъ парикѣ, и двое молодыхъ Студентовъ, Лейпцигской и Прагской, копорой сидѣлъ подлѣ меня, и пошчасъ вступилъ со мною въ разговоръ— о чемъ, думаете вы? Непосредственно о Мендельзоновомъ Федонѣ, о душѣ и тѣлѣ. „Федонъ, сказалъ онъ, естъ можетъ быть самое *остроумнѣйшее* философическое сочиненіе; однако жъ всѣ доказательства безсмертія нашего основываютъ Авторъ на одной гипотезѣ. Много вѣроятности, но нѣтъ увѣренія; и едва ли не щепотно будемъ искать его въ твореніяхъ древнихъ и новыхъ Философовъ!“ — Надобно искать его въ сердцѣ, сказалъ я. — „О! го-

сударь мой! возразилъ Студентъ: *сердечное* увѣреніе не есть еще *философическое* увѣреніе; оно ненадежно; теперь чувствуете его, а черезъ минушу оно исчезнетъ, и вы не найдете его мѣста. Нужно, чтобы увѣреніе основывалось на доказательствѣхъ, а доказательствѣхъ на тѣхъ врожденныхъ понятіяхъ чистаго разума, въ которыхъ заключающіяся всѣ вѣчныя необходимыя истины. Сего-то увѣренія ищетъ Метаматематикъ въ уединенныхъ сѣняхъ, во мракѣ ночи, при слабомъ свѣтѣ лампы, забывая сонъ и вдохновеніе. — Ежели бы могли мы узнать точно, что такое есть душа *сама въ себѣ*, то намъ все бы открылось; но“ — — — Тутъ вынулъ я изъ записной книжки своей одно письмо добраго Лафатера, и прочиталъ Студенту слѣдующее:

„Глазъ, по своему образованію,

„не можемъ смотрѣть на себя безъ
 „зеркала. Мы созерцаемъ только
 „въ другихъ предметахъ. Чувство
 „бытія, личность, душа—все сіе
 „существоуетъ единственно по
 „тому, что въ насъ существу-
 „етъ,—по феноменамъ или явле-
 „ніямъ, которыя до насъ касающ-
 „ся.“ — Прекрасно! сказалъ Сту-
 дентъ, — прекрасно! Но естьли
 думаетъ онъ, что“ — — Тушъ ко-
 ляска остановилась; Шафнеръ оп-
 ворилъ дверцы и сказалъ: „Госпо-
 жи и господа! извольте обѣдать.“

Мы вошли въ пракширъ, гдѣ уже
 накрытъ былъ столъ. Намъ пода-
 ли пивной супъ съ лимономъ, чашъ
 жареной шеляпины, салатъ и ма-
 сло,—за что взяли послѣ съ каж-
 даго копѣекъ по сороку.

Дорога до самаго Мейсена очень
 пріятна. Земля вездѣ наилучшимъ
 образомъ обработана. Виноградные
 сады, которые сперва видны бы-
 ли въ отдаленіи, подходящъ бли-

же къ Эльбѣ, и наконецъ только одна дорога отдѣляетъ ихъ отъ рѣки. Тутъ споятъ перпендикулярно огромныя гранишныя скалы. Нѣкоторыя изъ нихъ—чего не дѣлаетъ прудолубіе!—покрыты землею и превращены въ сады, въ копорыхъ родится лучшій Саксонскій виноградъ. — На другой сторонѣ Эльбы представляются развалины разбойничьихъ замковъ. Тамъ гнѣздятся нынѣ лешучія мыши, свиспятъ и воютъ въпры.

Одинъ древній Поэтъ сказалъ:

*Est locus, Albiacis ubi Misna rigatur
ab undis*

Fertilis et viridi totus amœnus humo.

Въ этомъ мѣстѣ шеперь я. — Мейсенъ лежитъ часпію на горѣ, часпію въ долинѣ. Окрестности прекрасны; только городъ самъ по себѣ очень не красивъ. Улицы не ровны и не прямы; дома всѣ гошическіе, и показываютъ спранной вкусъ прошедшихъ вѣковъ.

Главная церковь есть большое здание, почтенное своею древностию. Старой дворецъ возвышается на горѣ. Нѣкогда воспипывались тамъ Герои отъ племени Вишпекинова (сего славнаго Саксонскаго Принца, который споль храбро защищалъ свободу своего опечесства, и кошораго Карлъ Великій побѣдилъ не оружіемъ, а великодушіемъ своимъ). Нынѣ въ семъ дворцѣ дѣлаютъ славной Саксонской фарфоръ. Чшобы видѣть фабрику, надобно выпросить билетъ у главнаго Надзирашеля.

Г. Маппей былъ нѣсколько лѣтъ Дирекшоромъ здѣшней школы; но недѣлъ за шесть передъ симъ оставилъ Мейсенъ и уѣхалъ въ Вишпенбергъ. Ему конечно вездѣ дадутъ мѣсто. Онъ считаешся въ Германіи однимъ изъ лучшихъ Филологовъ.

Надобно садиться въ коляску, и проспиться съ перомъ до Лейпцига.

Лейпцигъ, Юля 14.

Дорога отъ Мейсена идетъ сперва по берегу Эльбы. Рѣка, крошечная и величественная въ своемъ печеніи, журчитъ на правой сторонѣ; а на лѣвой возвышаются скалы, увѣнчанныя зеленымъ кустарникомъ, изъ за - котораго въ разныхъ мѣстахъ показывающся сѣдые мшистые камни.

Отбѣжавъ отъ Мейсена съ полмили, вышли мы съ Прагскимъ Студентомъ изъ коляски, которая ѣхала очень тихо, и версты двѣ шли пѣшкомъ. Послѣ вопроса жена ли я? Студентъ мой началъ говорить о женщинахъ, и при томъ не въ похвалу ихъ. „На гробъ друга моего — сказалъ онъ — друга, коимъ пошелъ въ землю отъ несчастной любви къ одной вѣтренной, легкомысленной женщинѣ, клялся я удаляться отъ эпова опаснаго для насъ пола, и вѣчно быть холостымъ. Науки занимаютъ всю

II.

18

мою душу — и, благодаря Бога! могу быть щасливъ самъ собою.“ — Тѣмъ лучше для васъ, сказалъ я.

Спали находить облака, и мы съли опять въ коляску. Тутъ Магистеръ шумѣлъ съ Лейпцигскимъ Студентомъ о теологическихъ истинахъ. Сей послѣдній предлагалъ разныя сомнѣнія. Магистеръ брался все рѣшить; но, по мнѣнію Студента, не рѣшилъ ничего. Это его очень сердило. „Наконецъ я долженъ вспомнить — сказалъ онъ, попирая рукою свой красной лобъ — что нѣкопорыя люди совсѣмъ не имѣютъ чувства истины. Головы ихъ можно уподобить бездонному сосуду, въ копорой ничего влить не лзя; или желѣзному шару, въ копорой ничто проникнуть не можетъ, и опъ копораго все оппрыгиваетъ“ — — И такія головы, перервалъ Студентъ, часно бывають покрыты рыжими париками, и шорчатъ на кафедрахъ. — Госу-

дарь мой! закричалъ Магистеръ, поправивъ свой парикъ: о комъ вы говорите? — О шѣхъ людяхъ, о копорыхъ вы сами говоришь начали, — спокойно опивѣчалъ Спуденшъ. Лучше замолчать, сказалъ Магистеръ. — Какъ вамъ угодно, опивѣчалъ Спуденшъ.

Между шѣмъ наступила ночь. Магистеръ снялъ съ себя парикъ, положилъ его подлѣ себя, надѣлъ на голову колпакъ и началъ пѣть вечернія молишвы неспройнымъ, дикимъ голосомъ. Лейпцигской Спуденшъ пошчасъ приспалъ къ нему, и они, какъ добрые ослы, запянули такое *дуо*, что надобно было зажать уши. — Къ щастию, пѣвцы скоро унялись; въ коляскѣ все замолкло, и я заснулъ.

На разсвѣтѣ остановились мы перемѣнять лошадей, и когда спали выходить изъ коляски, чтобы иппи въ пракширѣ пить кофе;

Магистеръ хвапился своего парика, искалъ его подлѣ себя и на землѣ, и не могли найпи, поднялъ крикъ и вопль : „Куда онѣ дѣвался ! Какѣ мнѣ бытъ безѣ него ! какѣ я бѣдной покажусь въ городѣ ! “—Онѣ приступилѣ къ Шафнеру, и прѣбовалѣ, чшобы парикѣ его непременно былѣ опысканѣ. Шафнерѣ искалъ и не находилѣ. Лейпцигской Спуденциѣ пирански смѣялся надѣ гореспию бѣднаго Магистера, и наконецѣ, какѣ будшо бы сжался надѣ нимѣ, совѣповалѣ ему поискать у себя въ карманахѣ. Чего пущѣ искашь ! сказалѣ онѣ ; однако жѣ опустилѣ руку въ карманѣ своего кафшана, и — выпацилѣ парикѣ. Какая минуша для живописца ! Магистерѣ опѣ внезапной радости разинулѣ ротѣ, держалѣ парикѣ передѣ собою, и не могѣ сказать ни одного слова. „Вы ищете за милю шого, чшо у васѣ подѣ носомѣ “—сказалѣ ему.

Шафнеръ съ сердцемъ ; но душа его была въ сію минушу такъ полна, что ничто извнѣ не могло войти въ нее, и Шафнерова риторическая фигура проскочила еспьли не мимо ушей его, то по крайней мѣрѣ сквозь ихъ, то еспь (сообразно съ Боннеповою гипопезою о происхожденіи идей) не пронувъ въ его мозгу никакой новой или *дѣственной* фибры (*fibre vierge*). Конечно долѣ минушы продолжалось его безмолвное восхищеніе. Наконецъ онъ засмѣялся, и надѣвая на себя парикъ, увѣрялъ насъ, что онъ Магистеръ не клалъ его въ карманъ; а какъ парикъ зашелъ шуда, о томъ вѣдаешь Сапана и — — Тупъ взглянулъ онъ на Лейпцигскаго Спуденпа и замолчалъ.

Безъ всякихъ дальнѣйшихъ заключеній доѣхали мы до Лейпцига.

Здѣсь-шо, милые друзья мои, желалъ я провести свою юность; сюда стремились мысли мои за

нѣсколько лѣтъ передъ симъ; здѣсь хотѣлъ я собрать нужное для исканія той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ покусаетъ мое сердце!—Но Судьба не хотѣла исполнить моего желанія.

Воображая, *какъ бы* я могъ провесити тѣ лѣта, въ которыхъ, такъ сказать, образуется душа наша, и *какъ* я провелъ ихъ, чувствую горечь въ сердцѣ и слезы въ глазахъ.— Не лзя возвратити пошеряннаго! —

Въ 11 часовъ ночи. Я остановился въ трактирѣ у Мемеля противъ почтоваго двора. Комната у меня чиста и свѣтла, а хозяинъ услужливъ и говорливъ до крайности. Между тѣмъ, какъ я разбиралъ свой чемоданъ, рассказывалъ онъ мнѣ о порядкѣ, введенномъ въ его домъ,—о своемъ безкорыстии, честности и проч. „Всѣ тѣ, которые жили у меня — говорилъ

онѣ—были мною довольны. Я получаю конечно не много барыша, да за то идешь обо мнѣ добрая слава; за то у меня совѣсть чиста и покойна—а у кого покойна совѣсть, потѣ щасливѣ въ здѣшней жизни, и ничего не боишься, и ни отъ чего не блѣдишь“ — — Въ самую сію секунду грянулъ громъ, и Г. Мемель испугался и поблѣднѣлъ. Что съ вами сдѣлалось? спросилъ я. „Ничего, отвѣчалъ онѣ запинаясь, ничего; только надобно зашворишь окно, что бы не было сквознаго вѣтру.“

Въ нынѣшнее лѣто я еще не видалъ и не слыжалъ такой грозы, какая была сегодня. Въ нѣсколько минушъ покрылось небо тучами; заблещала молнія, загремѣлъ громъ, буря съ градомъ зашумѣла, и — черезъ полчаса все прошло, солнце снова освѣщило небо и землю, и пракпирцикъ мой опять началъ говорить о неуспра-

шимости того, кто беретъ за все умѣренную цѣну, и, подобно ему, имѣетъ чистую совѣсть.

— За ужиномъ познакомился я съ Гм. фонъ - Клейспомъ, которой служилъ Прусскому Королю Тайнымъ Совѣтникомъ, но по нѣкоторымъ непріятнымъ обстоятельствомъ долженъ былъ оставить Пруссію, и которой, выгнавъ изъ воображенія своего всѣ призраки льстящей надежды, живетъ здѣсь въ философическомъ спокойствіи, наслаждаясь пріятностію дружбы и обхожденія съ просвѣщеннѣйшими мужами.— Ночь провелъ я въ коляскѣ безпокойно. Теперь глаза мои смыкаются.

Юля 15.

Нынѣ познакомился я съ Гм. Мелли, молодымъ Женевцемъ, къ которому было у меня письмо изъ

Петербурга съѣзъ Ш * *, Англійскаго купца, и копорой, принявъ меня учтиво, взялъ на себя продать здѣсь одинъ изъ векселей моихъ, а другой, Голландской, промѣнялъ на Французской. — Опъ него зашелъ я въ теологическую Аудиторію; видѣлъ множество присущствующихъ, но мало слушающихъ. Дѣло шло о нѣкопрыхъ Еврейскихъ словахъ — это не мое дѣло — и я, поспоявъ у дверей, ушелъ.

Понимъ бродилъ я нѣсколько часовъ изъ улицы въ улицу и вокругъ города, занимаясь мѣспными наблюденіями. Собспвенно пакъ называемой городъ очень не великъ, но съ предмѣспіями, гдѣ много садовъ, занимаепъ уже довольное проспранство. Мѣспположеніе Лейпцига не пакъ живописно, какъ Дрездена: онъ лежитъ среди равнинъ — но какъ сіи равнины хорошо обработаны и, пакъ сказать,

II.

19

убрачы полями, садами, рошчицами и деревеньками, по взоръ находить шупъ довольно разнообразія, и не скоро упомляется. Окрестности Дрезденскія прекрасны, а Лейпцигскія милы. Первыя можно уподобить такой женщиной, о которой всѣ при первомъ взглядѣ кричатъ: *какая красавица!* а послѣднія такой, которая всѣмъ же нравится, но только *тихо*; которую всѣ же хвалятъ, но только безъ восторга; о которой съ крошкимоу, пріятнымъ движеніемъ души говорятъ: *она милостива!*

Домы здѣсь такъ же высоки, какъ и въ Дрезденѣ, т. е. по большій части въ чепыре эпажа; что принадлежитъ до улицъ, то онѣ очень не широки. Хорошо, что здѣсь по городу не ѣздятъ въ каретахъ, и пѣше не боятся быть раздавлены!

Я не видалъ еще въ Германіи такого многочисленнаго города, какъ

Лейпцигѣ. Торговля и Университетѣ привлекающѣ сюда множество иностранцевѣ. —

Послѣ обѣда былѣ я у Г. Бека, молодого, но весьма уважаемаго, по его знаніямѣ и талантамѣ, Профессора, Я отдалѣ ему письмо къ Магистеру Р*, копорой у него жилѣ, но копораго здѣсь уже нѣтъ. Г. Бекѣ разсказалѣ мнѣ, что Р* за нѣсколько времени передѣ симѣ былѣ вызванѣ изѣ Лейпцига однимѣ деревенскимѣ дворяниномѣ, съ пѣмѣ, чтобы бытъ Проповѣдникомѣ въ его деревнѣ; но что пріѣхавѣ туда, нашелѣ онѣ много препящивій со спороны Духовныхѣ; что ему надлежало выдержашѣ преспрогой экзаменѣ, на копоромѣ спарались его разбишѣ и запушашѣ въ словахѣ; что онѣ, вышедши наконецѣ изѣ себя, схватилѣ шляпу, пожелалѣ высокоученымѣ своимѣ испышателямѣ поболѣе любви къ

ближнему, ушелъ и скрылся, неизвѣстно куда.

Профессоръ Бекъ есть тихой, скромной человекъ, оспорожной въ своихъ сужденіяхъ, и говорящій съ великою пріятностію. Отъ него узналъ я о славъ Анахарсиса, сочиненія Аббата Баршелеми. Лишь только онъ вышелъ въ свѣтъ, всѣ Французскіе Липператоры преклонили колѣна свои, и признали, что древняя Греція, споль для насъ любопытная—Греція, которой удивляемся въ ея развалинахъ и въ малочисленныхъ, до насъ дошедшихъ памятникахъ ея славы—никогда еще не была описана споль совершенно. Геппингенской Профессоръ Гейне, одинъ изъ первыхъ знапоковъ Греческой Липпературы и Древностей, рецензировалъ Анахарсиса въ Геппингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ, и прославилъ его въ Германіи. Г.

Бекъ съ великимъ неперпвнїемъ
ожидаепъ своего экземпляръ.

Никто изъ Лейпцигскихъ Ученыхъ пакъ не славенъ, какъ Докторъ Плашнеръ, Эклектической Философъ, копорой ищепъ испи- ны во всѣхъ системахъ, не привязываясь особенно ни къ одной изъ нихъ; копорой на прим. въ иномъ согласенъ съ Кантомъ, въ иномъ съ Лейбницемъ, или пропиво- рѣчїи и тому и другому. Онъ умѣетъ писаць ясно, и кпо хопя нѣсколько знакомъ съ Логикою и Метѣфизикою, шопъ легко можепъ пониматъ его. *Афоризмы* его весьма уважаюпся, и человѣку, хопя- щему пуспишься въ лабиринтъ философскихъ системъ, могупъ онъ служиць Ариадниною нитью. Мнѣ хопѣлось его видѣть, и опъ Г. Бека пошелъ я къ нему. Онъ живепъ за городомъ въ саду. Въ алеѣ встрѣшилась мнѣ молодая жена его, Вейсева дочь, и сказа-

ла, что Господинъ Докшоръ дома. Минуты черезъ двѣ явился онъ самъ — высокой, сухощавой человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ острыми глазами, съ ученою миною и съ величавою осанкою. „Я уже слышалъ объ васъ опъ Г. Клейспа“ — сказалъ онъ и ввелъ меня въ свой кабинетъ. „Признаюсь вамъ, что я теперь занявъ, продолжалъ онъ: мнѣ надобно писать письма; завтра, въ эпошъ часъ, прошу васъ къ себѣ“ — и проч. Я извинялся, что пришелъ не во время, и кланялся, подвигаясь къ дверямъ. „Какой, или какимъ наукамъ вы особенно себя посвящили?“ спросилъ онъ. *Изящны мѣ*, отвѣчалъ я, и покраснѣлся, — знаю, опъ чего — можетъ быть и вы, друзья мои, знаете.

Вечеру я бродилъ по садамъ и по аллеямъ. Рихперовъ садъ великъ и хорошъ. Дѣвушка въ бѣломъ корсетѣ, лѣтъ двѣнадцать, подала

мнѣ при выходѣ букетъ цвѣтѣвъ. Это мнѣ очень полюбилось. Я извѣявилъ ей свою благодарность двумя грошами!!

Въ Вендлеровомъ саду видѣлъ я Геллерповъ монументъ, сдѣланной изъ бѣлаго мрамора Профессоромъ Эзеромъ. Тупъ, смотря на сей памятникъ добродѣтельнаго мужа, дружбою сооруженной, вспомнилъ я по щасливое время моего ребячества, когда Геллерповы басни соспавляли почти всю мою Библіотеку; когда, чипая его *Анкле* и *Ярико*, обливался я горькими слезами, или, чипая *зеленаго осла*, смѣялся опъ всего сердца; когда Профессоръ * *, преподавая намъ, маленькимъ своимъ ученикамъ, мораль по Геллерповымъ лекціямъ (*Moralische Vorlesungen*), сѣ жаромъ говаривалъ: „Друзья мои! будьте шаковы, какими учипъ васъ бытъ Геллерпъ, и вы будете щасливы!“ Воспоминанія распрога-

ли мое сердце. Исторія жизни моей представилась мнѣ къ картинѣ: довольно пѣни! И что еще въ будущемъ ожидаетъ меня?

Я пошелъ изъ саду въ церковь Св. Іоанна, гдѣ поставленъ Геллершу учениками и друзьями его другой памятникъ, представляющій Религію, копорая изъ мепалла вылипой и лаврами увѣнчанной образъ его подаетъ Добродѣтели (прекрасная мысль!): Обѣ спашуи сдѣланы изъ бѣлаго мрамора. Внизу имя его и слѣдующая надпись, сочиненная другомъ его Гейне: „Сему учипелю и примѣру добродѣтели и Религіи посвяпило сей памятникъ общеспво друзей его и современниковъ, бывшихъ свидѣтелями его достоинствъ.“—Пріяпно, восхищипельно для всякаго чувспвищельнаго сердца видѣть такія надписи, и знашь, что не леснь, а испина начерпала ихъ. Всѣ, знавшіе покойнаго Геллерша,

единогласно называли его мужем добродѣтельнымъ. Жизнь его была сильнѣйшимъ опроверженіемъ мнѣнія пѣхъ людей, копорые, находя порокъ во всякомъ уголкѣ сердца человѣческаго, счиптаюпъ добродѣтель за одно пустое имя, — и пѣхъ, копорые упверждаюпъ, что Религія не дѣлаепъ людей лучшими. „Всѣмъ, что еспъ во мнѣ добраго—говаривалъ покойникъ пыячу разъ друзьямъ своимъ—всѣмъ обязанъ я Хриспіянспву.“ — Описаніе его жизни заключаепся сими словами: „Невѣрно по удивленіе и безсмертіе, копорого ожидапъ могупъ произведенія творческаго духа, ибо вкусъ націй перемѣняепся со временемъ; но чеспъ его нравспвеннаго характера неплѣнна и непреходяца, подобно Религіи и Добродѣтели, копорыхъ вѣкъ еспъ—вѣчноспъ!“

Нѣпъ, Г. Мемель, я не пойду ужинапъ. Сяду подъ окномъ, буду

читашь Вейсееву Элегію на смерть Геллерта, Крамерову и Денисову Оду; буду читашь, чувствовашь и — можешь бышь плакашь. Нынѣшній вечеръ посвящу памяши добродѣтельнаго. Онѣ здѣсь жилѣ и училѣ добродѣтели!

Юля 16.

Нынѣ поушру слышалѣ я Эстетическую лекцію Доктора Плашнера.

Эстетика есть *наука вкуса*. Она практуешѣ о чувственномѣ познаніи вообще. Баумгаршенѣ первой предложилѣ ее какѣ особливую, отдѣленную отѣ другихѣ науку, копорая — ославляя Логикѣ образование вышшихѣ способностей души нашей, п. е. разума и разсудка — занимается исправленіемѣ чувствѣ и всего чувственного, п. е. воображенія сѣ его дѣйствія-

ми. Однимъ словомъ, Эспешика учивъ наслаждаешься изящнымъ.

Превеликая зала была наполнена слушателями, такъ что не гдѣ было упасъ яблоку. Я долженъ былъ оспановиться въ дверяхъ. Плашнеръ говорилъ уже на каесдрѣ. Все молчало и слушало. Никакой шорохъ не мѣшалъ голосу Г. Докшора распроспраняться по залѣ. Я былъ далеко отъ него, однако же не проронилъ ни одного слова. Онъ говорилъ о великомъ духѣ или о Геніѣ. Геній, сказалъ онъ, не можетъ заниматьсѣ ничѣмъ, кромѣ важнаго и великаго— кромѣ Напуры и челоука въ цѣломъ. И такъ Философія, въ высочайшемъ смыслѣ сего слова, есть его наука. Онъ можетъ иногда заниматьсѣ и другими науками, но только всегда въ отношеніи къ сей; имѣетъ *особливую* способность находить сокровенныя сходства, аналогію, шайныя согласія въ ве-

щахъ, и часто видяшъ связь тамъ, гдѣ обыкновенной человѣкъ никакой не видяшъ; и потому часто находишъ важнымъ то, что обыкновенному человѣку, котораго взоръ простирается не далеко, кажется бездѣлкою. Лейбницъ, великой Лейбницъ, пробѣжалъ всю Германію и Испанію, рылся во всѣхъ архивахъ, въ пыли и въ гнили молью испорченныхъ бумагъ, для того чтобы собрать матеріалы для Истории— Брауншвейгскаго Дому! Но проницапельной Лейбницъ видѣлъ связь сей Истории съ иными предметами, важными для человѣчества вообще. — Наконецъ во всѣхъ дѣлахъ такого великаго человѣка видѣнъ особенной духъ ревности, которой, такъ сказать, оживляетъ ихъ и отличаетъ отъ дѣлъ людей обыкновенныхъ. Я вамъ поспавлю въ примѣръ Франклина, не какъ Ученаго, но какъ Полипика. Видя оскорбляемые права человѣчества,

съ какимъ жаромъ берется онъ бытъ его ходаемъ! Съ сей минутой пересматъ жизнь для себя, и въ общемъ благѣ забываетъ свое частное. Съ какимъ рвеніемъ видимъ его пекущаго къ своей великой цѣли, которая есть благо человѣческа! — Сей же духъ рвености оживляетъ и опличаетъ сочиненія великихъ Геніевъ. Если бы можно было извлечь его, на прим., изъ Мендельзоновыхъ Философическихъ Писемъ, или Иерузалимовой книги о Религіи, то въ первыхъ оспалось бы одно схоластическое мудрованіе, а въ спорной обыкновенные догматы Теологіи; но, одушевляемая симъ огнемъ, возвышаютъ онъ душу читающаго. —

Планиеръ говоритъ шакъ свободно, какъ бы въ своемъ кабинетѣ, и очень пріятно. Всѣ, сколько я могъ видѣть, слушали съ великимъ вниманіемъ. Сказываютъ,

что Лейпцигскіе Студенты никого изъ Професоровъ такъ не любящъ и не почитающъ, какъ его. — Когда онъ сошелъ съ кафедры, по ему, какъ Царю, дали просторную дорогу до самыхъ дверей. „Я никакъ не думалъ васъ здѣсь увидѣть — сказалъ онъ мнѣ — а если бы зналъ, что вы сюда придете, то велѣлъ бы пригото­вить для васъ мѣсто.“ Онъ пригласилъ меня къ себѣ послѣ обѣда, и сказалъ, что хочетъ ужина­ть со мною въ какомъ мѣстѣ, гдѣ я увижу нѣкоторыхъ интересныхъ людей.

Июля 16, въ 2 часа по полудни.

Говорящъ, что въ Лейпцигѣ жить весело, — и я вѣрю. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ богатыхъ купцовъ часто даютъ обѣды, ужины, балы. Молодые щеголи изъ Студентовъ являющіеся съ блескомъ въ сихъ со-

браніяхъ: играють въ карты, танцуютъ, *куртизируютъ*. Сверхъ того здѣсь есть особливья ученья общества или клубы; тамъ говорятъ объ ученыхъ или полипическихъ новостяхъ, судятъ книги, и проч. — Здѣсь есть и Театръ; только Комедіанты уѣзжаютъ отсюда на цѣлое лѣто въ другіе города, и возвращаются уже осенью къ такъ называемой Михайловой ярманкѣ. — Для того, кто любитъ гулять, много вокругъ Лейпцига пріятныхъ мѣстъ: а для того, кто любитъ услаждать вкусъ, есть здѣсь опмѣнно вкусные жаворонки, славные пироги, славная спаржа и множество плодовъ, а особливо вишни, которая очень хороша и теперь такъ дешева, что за цѣлое блюдо надобно заплатить не болѣе десяти копѣекъ. — Въ Саксоніи вообще жить не дорого. За сполъ безъ вина плачу здѣсь 30 коп., за комнапу также 30

коп; что же плашилъ я и въ Дрезденѣ.

Почти на всякой улицѣ найдете вы нѣсколько книжныхъ лавокъ, и всѣ Лейпцигскіе книгопродавцы богатѣющъ, — что для меня удивительно. Правда, что здѣсь много Ученыхъ, имѣющихъ нужду въ книгахъ; но сіи люди почти всѣ или Авторы или переводчики, и, собирая библіотеки, плащятъ они книгопродавцамъ не деньгами, а сочиненіями или переводами. Къ тому же во всякомъ Нѣмецкомъ городѣ есть публичныя библіотеки, изъ которыхъ можно брать для чтенія всякія книги, плащя за то бездѣлку. — Книгопродавцы изъ всей Германіи сбѣзжаются въ Лейпцигъ на ярманки (которыхъ бываетъ здѣсь три въ годъ: одна начинается съ перваго Января, другая съ Пасхи, а третья съ Михайлова дня) и мѣняющя между собою новыми книгами. Безчестными почитающя изъ нихъ

штѣ, которые перепечатаываютъ въ своихъ типографіяхъ чужія книги, и дѣлаютъ черезъ то подрывъ штѣмъ, которые купили манускрипты у Авторовъ. Германія, гдѣ книжная торговля есть едва ли не самая важнѣйшая, имѣетъ нужду въ особливомъ и спрогомъ для сего законѣ. — Вы пожелаете можетъ быть знать, какъ дорого платятъ книгопродавцы Авторовъ за ихъ сочиненія? Смотря по сочиненію. Если онъ еще не извѣстенъ Публикѣ съ хорошей стороны, то едва ли дадутъ ему за листъ и пять шалеровъ; но когда онъ прославился, то книгопродавецъ предлагаетъ ему десять, двадцать и болѣе шалеровъ за листъ.

Въ 11 часовъ вечера. Въ назначенной часъ я пришелъ къ Плашнеру. Вы конечно поживете съ нами, сказалъ онъ, посадивъ меня. — Нѣсколько дней, отвѣчалъ я. — „Только? А я думалъ, что вы при-

II.

20

ѣхали *пользоваться* Лейпцигомъ. Здѣшніе Ученые сочли бы за удовольствіе способствовать вашимъ успѣхамъ въ наукахъ. Вы еще молоды, и знаете Нѣмецкой языкъ. Въспомоги, чтобы переѣзжая изъ города въ городъ, лучше вамъ жить въ такомъ мѣстѣ, какъ Лейпцигъ, гдѣ многіе изъ вашихъ единоклассниковъ искали просвѣщенія, и, надѣюсь, не тщетно.“ — Я почелъ бы за особенное счастье быть вашимъ ученикомъ, Г. Докторъ; но обстоятельство, обстоятельство — — „И такъ мнѣ остается жалѣть, если бы онъ не позволялъ вамъ на сей разъ остаться съ нами.“

Онъ помнитъ К*, Р* и другихъ Русскихъ, которые здѣсь учились. „Всѣ они были моими учениками, сказалъ онъ: только я былъ тогда еще не то, что теперь.“ — По крайней мѣрѣ ваши Афоризмы еще не были изданы.....

И въ самую ту мину, какъ я,

упомянувъ объ Афоризмахъ, хотѣлъ просить у него объясненія на нѣкоторыя мѣста изъ нихъ, пришли къ нему съ Университетскими дѣлами. Онъ опправляетъ должность Ректора.—У меня не много свободного времени, сказалъ онъ: однако жъ вы должны нынѣ со мною ужинашь. Въ восемь часовъ велише себя проводить въ прачиръ голубаго *Ангела*. —

Я имѣлъ время погулять въ Рихперовомъ саду (гдѣ дѣвушка въ бѣломъ корсетѣ опяшь вручила мнѣ букетъ цвѣтовъ), и въ восемь часовъ пришелъ въ прачиръ голубаго *Ангела*. Меня провели въ большую комнашу, гдѣ накрытъ былъ столъ на двадцать кувертовъ, но гдѣ еще никого не было. Черезъ полчаса явился Плашнеръ съ ученою братією. Онъ каждому представлялъ меня, и называлъ мнѣ имена ихъ; но всѣ они были мнѣ неизвѣсны, кромѣ спа-

раго Профессора Эзера и Биргермейспера Миллера, издавшаго Сульцерову Теорію Изящныхъ Наукъ съ своими примѣчаніями. Сѣли за ужинъ,—самой Аѳинской; полько чпо вино пили мы не изъ чашъ, цвѣтами оплешенныхъ, а изъ проспыхъ Саксонскихъ рюмокъ. Всѣ были веселы и говорливы; хопѣли, чшобы и я говорилъ, и спрашивали меня о нашей Липпературѣ. Они очень удивились, слыша опѣ меня, чпо десять пѣсней Мессіады переведены на Руской языкѣ. „Я не думалъ бы — сказалъ молодой Профессоръ Поэзіи — чшобы вѣ вашемъ языкѣ можно было найпи выраженія для Клопшпоковыхъ идей.“ Еще шо скажу вамъ, примолвилъ я, чпо переводъ вѣренъ и ясенъ.—Вѣ доказательспво, чпо нашъ языкъ не пропивенъ ушамъ, чипалъ я имъ Рускіе спихи разныхъ мѣрѣ, и они чувспвовали ихъ *опредѣленную* гармонію. Говоря о

нашихъ оригинальныхъ произведе-
 ніяхъ, прежде всѣхъ наименовалъ
 я двѣ Эпическія Поэмы, Россіяду
 и Владиміра, копорыя должны
 имя шворца своего сдѣлать незаб-
 веннымъ въ Испоріи Россійской
 Поэзіи.—Плапнеръ игралъ за ужи-
 номъ первую ролю, ш. е. онъ упра-
 влялъ разговоромъ. Есльи вообще
 справедливо укоряюшъ Нѣмецкихъ
 Ученыхъ нѣкопорою неловкостію
 въ обхожденіи, шо по крайней мѣ-
 рѣ Докпоръ Плапнеръ (и конечно
 вмѣстѣ со многими другими) дол-
 женъ бытъ исключенъ изъ сего
 числа. Онъ самой свѣпской чело-
 вѣкъ: любилъ и умѣлъ говоритъ;
 говоритъ смѣло, для того что
 знаелъ свою цѣну.—Спарикъ Эзеръ
 любезенъ по своему проспосерде-
 чію. Къ нему имѣютъ уваженіе;
 слушаюшъ его анекдоты, и смѣ-
 ются, примѣчая, что онъ хочетъ
 смѣшнпъ. Во время царствованія
 Императрицы Елисаветы Пешров-

ны собрался онъ ъхать въ Россію, иораздумалъ.—Что принадлежишь до Биргермейстера Миллера, по онъ, кажешся, очень важничаешь.— Въ десять часовъ вспали, пожелали другъ другу добраго вечера, и разошлись. Платнеръ не позволилъ мнѣ заплашишь за ужинъ, что для меня не совсѣмъ прилично было. — Такимъ образомъ избранные Лейпцигскіе Ученые ужинають вмѣстѣ одинъ разъ въ недѣлю, и проводятъ вечеръ въ приятныхъ разговорахъ.

Милые друзья мои! я вижу людей, доспойныхъ моего почтенія, умныхъ, знающихъ, ученыхъ, славныхъ—но всѣ они далеки отъ моего сердца. Кто изъ нихъ имѣетъ во мнѣ хотя малѣйшую нужду? Всякой занятъ своимъ дѣломъ, и никто не заботится о бѣдномъ странникѣ. Никто не хватится меня завтра, естли нынѣшняя ночь на черныхъ своихъ крыльяхъ уне-

сепѣ мою душу изъ здѣшняго міра; ни чей вздохъ не полетѣвъ въ слѣдъ за мною — и вы бы долго, долго не узнали о преселеніи вашего друга!

Юля 17.

Въ шестомъ часу вышелъ я за городъ съ покойнымъ и веселымъ духомъ; бросился на праву бальзамическаго луга, наслаждался упромъ, — и былъ щасливъ!

Солнце вошло высоко, и жаръ лучей его далъ мнѣ чувствованье, что полдень недалеко. Деревня, въ которой живетъ Вейсе, была у меня въ виду. Пожелавъ добраго утра молодой крестьянкѣ, которая мнѣ встрѣтилась, я спросилъ у нее, гдѣ домъ Господина Вейсе? — „Тамъ, на правой сторонѣ, большой домъ съ садомъ!“ —

Вейсе, любимецъ драматической

и лирической Музы—другъ добродѣтели и всѣхъ добрыхъ — другъ дѣшей, копорой учениемъ и примѣромъ своимъ распросранилъ въ Германіи правила хорошаго воспитанія—Вейсе проводилъ лѣпо въ маленькой деревенькѣ, верспахъ въ двухъ опѣ Лейпцига, среди честныхъ поселянъ и семейсва своего. Я вошелъ въ горницу, и видѣлъ въ окно, какъ любезной хозяинъ, маленькой человекъ въ красномъ халатѣ и въ бѣлой шляпѣ, спѣшилъ къ дому по алеѣ, узнавъ опѣ служанки, что какой-то Московиянинъ его дожидается. Онъ вошелъ въ горницу въ томъ же красномъ халатѣ, но только уже не въ бѣлой шляпѣ, а въ напудренномъ парикѣ съ кошелькомъ. Я съ примѣчаніемъ смотрѣлъ на портретъ твоей, любезной Вейсе, и узналъ бы тебя между тысячами!—Ему уже слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; но румяное и свѣ-

жее лицо его не показываетъ ни пятидесяти — и во всякой чертѣ лица сего видна добрая душа!

Онъ обошелся со мною ласково, сердечно, просто; жалѣлъ, что я пришелъ къ нему, а не онъ ко мнѣ — и въ такой жаръ; подчивалъ меня лимонадомъ, и проч.

Я сказалъ ему, что разныя пьесы изъ его *Друга Дѣтей* переведены на Руской, и нѣкопорыя мною. Въ Германіи многіе писали и пишутъ для дѣшей и для молодыхъ людей; но никто не писалъ и не пишетъ лучше Вейсе. Онъ самъ отецъ, и отецъ нѣжной, посвятившій себя воспитанію юныхъ сердецъ. Со всѣхъ сторонъ осыпали его благодарностію, когда онъ издавалъ свои еженедѣльные листы: дѣши благодарили за удовольствіе, а опцы за видимую пользу, которую сіе чпеніе приносило ихъ дѣшамъ. — Онъ издаетъ нынѣ *Переписку Фамиліи Друга Дѣтей*,
II. 21

пріятную ' и полезную молодымъ людямъ.

Вейсе съ великою скромностію говоришь о своихъ сочиненіяхъ ; однакожь безъ всякаго припворнаго смиренія, копорое для меня такъ же прошивно, какъ и самохвальство.— Съ какимъ чувствомъ описываетъ семейственное свое щастіе! „Благодарю Бога, сказалъ онъ сквозь слезы — благодарю Бога! Онъ далъ мнѣ вкусить въ здѣшней жизни самыя чисптившія удовольствія; и я осмѣлился бы назвать свое щастіе совершеннымъ, еспли бы небесная Благость возвратила здоровье дочери моей, копорая нѣсколько лѣтъ больна, и копорой искусство врачей не помогаетъ.“—Однимъ словомъ, еспли я любилъ Вейсе какъ Авшора, то теперь, узнавъ его лично, еще болѣе любилъ какъ человека.

У него еспь рукописная Испорія нашего Театра, переведенная

съ Рускаго. Г. Дмишревской, будучи въ Лейпцигѣ, сочинилъ ее; а нѣкто изъ Рускихъ, которые учились тогда въ здѣшнемъ Университетѣ, перевелъ на Нѣмецкой и подарилъ Господину Вейсе, которой хранилъ сію рукопись, какъ нѣкоторую рѣдкость, въ своей библіотекѣ.

Наконецъ я съ нимъ проснился. „Путешествуйте щасливо, сказалъ онъ, и наслаждайтесь всѣмъ, что можете принести удовольствіе чисному сердцу! Однакожь я постараюсь еще увидѣться съ вами въ Лейпцигѣ.“ — А вы наслаждайтесь яснымъ вечеромъ своей жизни! сказалъ я, вспомнивъ ла-Фоншеновъ стихъ: *sa fin* (т. е. конецъ мудраго) *est le soir d'un beau jour* — и пошелъ отъ него, будучи совершенно доволенъ въ своемъ сердцѣ. Одинъ взглядъ на добраго есть щастіе для того,

въ комб не загрубѣло чувство добра.

Возвратясь въ Лейпцигъ, зашелъ я въ книжную лавку и купилъ себѣ на дорогу Оссианова Фингала и Vicar of Wakefield.—

Въ полночь, Нынѣшній вечеръ провелъ я очень пріятно. Въ шесть часовъ пошли мы съ Гм. Мелли въ загородной садъ. Тамъ было множество людей: и Студенцовъ и Филиспровъ (*). Одни, сидя подъ тѣнію деревьевъ, читали или держали передъ собою книги, не удосвоивая проходящихъ взира своего; другіе, сидя въ кругу, курили трубки и защищались отъ

(*) Такъ Студенцы называютъ гражданъ, и Господину Аделунгу угодно почищать это слово за испорченное, вышедшее изъ Латинскаго слова *Balistarii*. Симъ именемъ назывались городскіе солдаты и пресмычные граждане.

солнечныхъ лучей густыми па-
башными облаками, копорыя из-
вивались и клубились надъ ихъ
головами; иные въ шемныхъ але-
яхъ гуляли съ дамами, и — проч.
Музыка гремѣла, и человѣкъ, хо-
дя съ шарелкою, собиралъ деньги
для музыканшовъ; всякой давалъ,
что хотѣлъ.

Г. Мелли удивилъ меня, начавъ
говорить со мною по Руски. „Я
жилъ чешыре года въ Москвѣ,
сказалъ онъ — и хопя уже давно
выѣхалъ изъ Россіи, однакожь не
забылъ еще вашего языка.“ — Къ
намъ присоединились Гг. Шней-
деръ и Годи, пушешествующіе съ
Княгинею Бѣлосельскою, копорая
шеперь въ Лейпцигѣ. Перваго ви-
далъ я въ Москвѣ, и мы обрадова-
лись другъ другу какъ старинные
знакомые. Г. Мелли угостилъ насъ
въ пракширѣ хоршимъужиномъ.
Мы пробыли шупъ до полуночи,
и вмѣстѣ пошли назадъ въ городъ.

Ворота были заперты, и каждой изъ насъ заплашилъ по нѣскольکو копѣекъ за то, что ихъ отворили. Таковъ законъ въ Лейпцигѣ: или возвращайся въ городъ ранѣе, или плати штрафъ.

Юля 19.

Нынѣ получилъ я вдругъ два письма отъ А*, копорыхъ содержаніе для меня очень непріятно. Я не найду его во Франкфуртѣ. Онъ ѣдетъ въ Парижъ на нѣскольکو недѣль, и хочеть, чтобы я дождался его или въ Мангеймѣ или въ Спразбургѣ; но мнѣ никакъ не лзя исполнить его желанія. Такимъ образомъ разрушилось то зданіе пріятностей и удовольствій, копорое основывалъ я на свиданіи съ любезнымъ другомъ! И такимъ образомъ во всемъ своемъ путешествіи не увижу ни

одного человека, близкаго къ моему сердцу! Эта мысль сдѣлала меня печальнымъ, и я пошелъ безъ цѣли бродить по городу и по окрестностямъ. Мнѣ встрѣтился Г. Бр. молодой Ученой, съ копорымъ я здѣсь познакомился. Оба вмѣстѣ пошли мы въ Розенпаль, большой паркъ. Я вспомнилъ, что извѣстной обманщикъ Шрепферъ кончилъ шутъ жизнь свою писпелешнымъ выспрѣломъ. Кто не хотѣлъ бы знать его подлинной, таинственной исторіи? Сей человекъ долгое время былъ слугою въ одномъ кофейномъ домѣ въ Лейпцигѣ, и никто не примѣчалъ въ немъ ничего чрезвычайнаго. Вдругъ онъ скрылся, и черезъ нѣсколько лѣтъ опять явился въ Лейпцигѣ подъ именемъ Барона Шрепфера, нанялъ себѣ большой домъ и множество слугъ; объявилъ себя мудрецомъ, повелѣвающимъ Напурою и духами, и въ громкую трубу

звалъ къ себѣ всѣхъ легковѣрныхъ людей, обѣщая имъ золотыя горы. Со всѣхъ сторонъ спекались къ нему ученики. Иные подлинно хотѣли отъ него научиться тому, чему ни въ какихъ Университетахъ не учатъ; а другимъ болѣе всего нравился его хорошій сполъ. Съ почты приносили ему большіе пакеты, надписанные на имя *Барона Шрепфера*, а Банкиры, получая вексели, давали ему большія суммы денегъ. Съ разипельнымъ краснорѣчіемъ говорилъ онъ о своихъ таинствахъ, будто бы въ Испаліи ему сообщенныхъ, и разгорячивъ воображеніе слушателей, показывалъ имъ духовъ, пѣни умершихъ знакомыхъ, и проч. *Пріиди и виждь!* кричалъ онъ всѣмъ, — которые сомнѣвались — приходили и видѣли пѣни и разные спрахи, отъ которыхъ у трусливыхъ людей волосы дыбомъ спановились. Надобно замѣтить, что

кругъ ревностныхъ его почипашелей соспоялъ не изъ ученыхъ, п. е. не изъ шѣхъ, копорые привыкли разсуждашь по Логикѣ (сихъ людей не могъ онъ шерпѣшь, какъ пакихъ, копорые вѣряшъ разуму болѣе, нежели глазамъ), а изъ дворянъ и купцовъ, со всѣмъ незнакомыхъ съ науками. Замѣпишь надобно и по, чпо онъ шолько *показывалъ* чудеса, а никого въ самомъ дѣлѣ *не наугалъ* дѣлашь ихъ; и чпо онъ показывалъ ихъ шолько у себя дома, въ нѣкоторыхъ, особливо на по опредѣленныхъ комнапахъ. Г. Бр. разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ. Нѣкто М* пришелъ къ Шрепферу съ своимъ припелемъ, для шото, чшобы видѣшь его духопризываніе. Онъ нашелъ у него множесшво геспей, копорымъ безпреспанно подносили пуншъ. М* не хопѣлъ пишь. Шрепферъ приспупалъ къ нему, чшобы онъ выпилъ хопя одинъ

стаканъ; но М* опговорился. Потомъ ввели всѣхъ въ большую залу, обипую чернымъ сукномъ, и въ которой окна были зашворены. Шрепферъ поставилъ всѣхъ зрителей вмѣстѣ, очерпилъ ихъ кругомъ, и не велѣлъ никому прогаться съ мѣста. Шагахъ въ трехъ отъ нихъ, на маленькомъ жершвенникѣ, горѣлъ спиртъ, — чѣмъ единственно освѣщалась зала. Передъ симъ жершвенникомъ Шрепферъ, обнаживъ грудь свою и взявъ въ руку большой блестящій мечъ, бросился на колѣни и громко началъ молиться, съ такимъ жаромъ, съ такимъ рвеніемъ, что М*, пришедшій видѣть обманщика и обманъ, почувствовалъ шрепетъ и благоговѣніе въ своемъ сердцѣ. Огонь блиспалъ въ глазахъ молящагося, и грудь его высоко поднималась. Ему надлежало призвать пѣнь одного извѣснаго челоѣка, не давно у-

мершаго. По окончаніи молитвы онъ началъ призываніе сими словами: „О пы, блаженный духъ, преселившійся въ безплошный и смерпнымъ неизвѣспный міръ! внемли гласу оставленныхъ побою друзей, желающихъ тебя видѣть; внемли, и оставя на время новую свою обитель, явися очамъ ихъ!“ и проч. и проч. Зрители почувствовали электрическое потрясеніе въ своихъ нервахъ, услышали ударъ, подобной громовому, и увидѣли надъ жертвенникомъ легкой паръ, копорой мало помалу густѣлъ, и наконецъ образовалъ человѣческую фигуру; однакожь М* не примѣпилъ въ ней большаго сходства съ покойникомъ. Образъ носился надъ жертвенникомъ, а Шрепферъ, копорой сдѣлался блѣденъ какъ смерть, махалъ мечемъ вокругъ головы своей. М* рѣшился выпити изъ круга и приблизиться къ Шреп-

феру; но сей, примѣпивъ его движеніе, вскочилъ, бросился на него, и успремивъ мечъ къ его сердцу, закричалъ спрашнымъ голосомъ: *ты умрешь, несчастной, если хотя одинъ шагъ впередъ ступишь!* У М* подкосились ноги: шакъ онъ испугался грознаго голоса и блестящаго меча его! Тѣнь исчезла. Шрепферъ опъ успалости распянулся на полу, и велѣлъ выпши всѣмъ зрителиамъ въ другую комнату, гдѣ подали имъ на блюдахъ свѣжіе плоды.— Многие приходили къ Шрепферу какъ въ спектакль, и хопя знали, что вся шайная мудрость его состояла въ шарлапанствѣ, однакожь съ удовольствіемъ смотрѣли на важныя комедіи, имъ играемыя. Все это продолжалось нѣсколько времени. Но вдругъ Шрепферъ задолжалъ въ Лейпцигѣ многимъ купцамъ, и припомъ шакимъ, копорые, не имѣя никакого желанія

видѣшь его духовѣ, пребовали немедленнаго плашежа. Векселей къ нему уже не присылали, Банкиры не давали ему ни гроша, и несчастной мудрецѣ, доведенной до крайности, заспрѣлился въ Розеншаль. — По сіе время не извѣстно, откуда получалъ Шрепферъ деньги, и какую имѣлъ цѣль, выдавая себя за духопризывателя. По гипотезѣ ученыхъ Берлинцовъ, онъ былъ орудіе шайныхъ Іезуитовъ (такъ же какъ и Каліоспро, копорой въ самомъ дѣлѣ естъ впорой Шрепферъ) — Іезуитовъ, хопящихъ снова овладѣшь умами человѣческими. Естѣли эшо правда — въ чемъ однакожь я очень, очень сомнѣваюсь — по сѣ дозволенія Господѣ шайныхъ Іезуитовъ можно сказаць, что они напрасно льспяшся нынѣ подчинить себѣ Европу посредствомъ шакихъ шарлапановъ — тогда, какъ законы разума всенародно возглашающся,

и просвѣщеніе болѣе и болѣе распространяется — просвѣщеніе, копорого одна искра можетъ освѣпить бездну заблужденій. — Вы скажете можетъ быть, что Шрепферъ бралъ деньги съ оболъченныхъ имъ людей? Но почно не извѣстенъ ни одинъ человекъ, съ копорого бы онъ бралъ ихъ.

Сію минушу получилъ я записку отъ Плашвера, въ копорой извѣвляешъ онъ свое желаніе, что бы я когда нибудь пожилъ въ Лейпцигъ долѣе, и подалъ ему случай *заслужить мою благодарностъ*. — Профессоръ Бекъ, копорой очень обязалъ меня своею ласкою, взялъ на себя искашь Гофмейспера для П*** Онъ будетъ писашъ ко мнѣ въ Цирихъ. — Пропише, любезные друзья!

Веймаръ, Юля 20.

Въ путешесствіи своемъ опѣ
Лейпцига до Веймара не замѣ-
пилъ я ничего, кромѣ прекрасной
долины, на копорой лежишъ го-
родъ Наумбургъ, и маленькой де-
ревеньки, гдѣ ребяпишки набро-
сали множесство цвѣповъ къ намъ
въ коляску — къ *намъ*, говорю,
потому что я ѣхалъ до Бушпель-
шпепа съ однимъ молодымъ Фран-
цузомъ, копорой былъ чѣмъ-то въ
свишѣ Французскаго Посланника
въ Дрезденъ. Разумѣется, что
ребяпишки хопѣли денегъ; мы
бросили имъ нѣсколько грошей, и
они громко закричали намъ: *спа-
сибо!* — Французъ, копорой не
разумѣлъ ни одного слова по-Нѣ-
мецки, и копорому я служилъ пе-
реводчикомъ, почти заплакалъ,
когда намъ пришлось расшавать-
ся. Впрочемъ онъ былъ для меня
совсѣмъ не занимашеленъ.

На разсвѣтѣ пріѣхали мы въ

Бупшельшпетъ, гдѣ Почтмейстеръ далъ мнѣ до Веймара маленькую колясочку. Я подарилъ поспилліону фарфоровую трубку, купленную мною на Берлинской фабрикѣ, а онъ изъ благодарности привезъ меня въ Веймаръ довольно скоро.

Мѣсположеніе Веймара изрядно. Окреспныя деревеньки съ полями и рощицами соспавляюпѣ пріятной видѣ. Городъ очень не великѣ, и кромѣ Герцогскаго дворца, не найдешъ здѣсь ни одного огромнаго дома. — У городскихъ воропѣ меня допрашивали; послѣ чего предложилъ я караульному Сержанпу свои вопросы, а именно: „здѣсь ли Виландъ? здѣсь ли Гердеръ? здѣсь ли Геше?“ Здѣсь, здѣсь, здѣсь, отвѣчалъ онъ — и я велѣлъ поспилліону везти себя въ пракширѣ *слона*.

Наемный слуга немедленно былъ ошправленъ мною къ Виланду, спро-

сипь, дома ли онъ? *Мѣтѣ, онъ во дворцѣ.* — Дома ли Гердеръ? *Мѣтѣ, онъ во дворцѣ.* — Дома ли Геше? *Мѣтѣ, онъ во дворцѣ.*

Во дворцѣ! во дворцѣ! повпоришь я, передражнивая слугу, — взялъ просить и пошелъ въ садъ. Большой зеленой лугъ, обсаженной деревьями и называемой *звѣздою*, мнѣ очень понравился; но еще болѣе понравились мнѣ дикіе, мрачные берега спремешельно текущаго ручья, подъ шумомъ копорого, сѣвъ на мшистомъ камнѣ, прочиталъ я первую книгу Фингала. — Люди, которые встрѣчались мнѣ въ саду, глядѣли на меня съ какимъ любопытствомъ, съ какимъ не сопротивленіемъ на людей въ большихъ городахъ, гдѣ на всякомъ шагу встрѣчаются незнакомыя лица.

Узнавъ, что Гердеръ наконецъ дома, пошелъ я къ нему. *У него одна мысль*, сказалъ объ немъ ка-

кой-то Нѣмецкой Авторѣ, *и сія мысль есть цѣлой міръ*. Я читалъ его *Urkunde des menschlichen Geschlechts*, читалъ, многова не понималъ; но что понималъ, то находилъ прекраснымъ. Въ какихъ картинахъ изображаетъ онъ швореніе! Какое восшочное великолѣпіе! — Я читалъ его *Бога*, одно изъ новѣйшихъ сочиненій, въ которомъ онъ доказываетъ, что Спиноза былъ глубокомысленной Философъ и ревностной шшитель Божества, опъ пантеизма и атеизма равно удаленной, и по сему поводу сообщаетъ собственныя свои мысли о Божествѣ и швореніи, прекрасныя, утѣшительныя для челоѣка мысли. Чтеніе сей маленькой книжки усладило нѣсколько часовъ въ моей жизни. Я выписалъ изъ нее многія мѣста, которыя мнѣ опмѣнно понравились. Посшойте — не найду ли чего нибудь въ записной книжкѣ

своей? . . . Нашелъ одно мѣсто, которое можетъ быть и вамъ полюбишься — и для того включу его въ свое письмо. Авторъ говоритъ о смерти. „Взглянемъ на лилю „въ полѣ; она вливаетъ въ себя „воздухъ, свѣтъ, всѣ спихии — и „соединяетъ ихъ съ существомъ „своимъ, для того, чтобы расти, „накопитъ жизненнаго соку и рас- „цвѣсть; цвѣтетъ, и потомъ ис- „чезаетъ. Всю силу, любовь и „жизнь свою испощила она на то, „чтобы сдѣлаться матерью, о- „спавить по себѣ образы свои и „размножить свое бытiе. Теперь „исчезло явленiе лилии; она ис- „пѣла въ неупомимомъ служенiи „Напуры; готовилась къ разру- „шенiю съ начала жизни. Но что „разрушилось въ ней, кромѣ явле- „нiя, которое не могло быть до- „лѣе, — которое, достигнувъ до „высочайшей степени, — заклю- „чавшей въ себѣ видъ и мѣру кра-

„сопы ея, — назадъ обратилось ?
 „и не съ тѣмъ, чшобы, лишась
 „жизни, уступилъ мѣсто юнѣй-
 „шимъ живымъ явленіямъ — сіе
 „было бы для насъ весьма печаль-
 „нымъ символомъ — нѣтъ! напро-
 „тивъ того она, какъ живая, со
 „всею радостію бытія произвела
 „бытіе ихъ, и въ зародышѣ лю-
 „безнаго вида предала его вѣчно-
 „цвѣтущему саду времени, въ ко-
 „поромъ и сама цвѣтеть. Ибо
 „лилія не погибла съ симъ явле-
 „ніемъ; сила корня ея существу-
 „етъ; она вновь пробудилась опъ
 „зимняго сна своего и возпанетъ
 „въ новой весенней красотѣ, под-
 „лѣ милыхъ дочерей бытія своего,
 „копорыя спали ея подругами и
 „сеспрами. И пакъ нѣтъ смерти
 „въ твореніи; или смерть есть
 „ничто иное, какъ удаленіе того,
 „что не можетъ быть долѣе, ш.
 „е. *Дѣйствіе вѣчноююю, неутоми-*
 „мой силы, копорая по своему

„свойспву не можешъ ни минупы
 „бышь праздною или покоишься.
 „По изящному закону Премудро-
 „спи и Благоспи, все въ быспрѣй-
 „шемъ печеніи спремишься къ но-
 „вой силѣ юноспи и красопы —
 „спремишься, и всякую минупу
 „превращается.“—Въ семъ сочи-
 неніи все ясно и поняшно и со-
 гласно. Тупъ не бурнопламенное
 воображеніе юноши кружился на
 высокопахъ, и сверкаетъ во мракъ,
 подобно ночному метеору, бле-
 спящему и въ минупу исчезаю-
 щему; но мысль мудраго мужа,
 разумомъ освѣщаемая, пихо не-
 сется на легкихъ крыльяхъ вѣю-
 щаго зефира — несется ко хра-
 му вѣчной Испины, и свѣплою
 спруею свой пупъ означаетъ. —
 Я чипалъ еще его *Парамиди* (*),

(*) Т. е. *отдохновенія*. Симъ именемъ
 называютъ еще и нынѣшніе Греки
 свои забавныя крашкія повѣспи.

нѣжныя произведенія цвѣтущей фанпазіи, копорыя дышаѣтъ Греческимъ духомъ, и прекрасны какъ упрення роза.

Онѣ вспрѣпилъ меня еще въ сѣняхъ, и обошелся со мною такъ ласково, что я забылъ въ немъ великаго Авпора, а видѣлъ передъ собою только любезнаго, привѣжливаго чловѣка.—Онѣ разспрашивалъ меня о политическомъ состояніи Россіи, но съ опмѣнною скромностію. Попомъ разговоръ обратился на Липперапуру, и слыша опѣ меня, что я люблю Нѣмецкихъ Поэтовъ, спросилъ онѣ, кого изъ нихъ предпочитаю всѣмъ другимъ? Сей вопросъ привелъ меня въ затрудненіе. Клопшпока, опвѣчалъ я запинаясь, починаю самымъ *выспреннимъ* изъ Пѣвцовъ Германскихъ. „И справедливо, сказалъ Гердеръ: только его читаютъ менѣе, нежели другихъ, и я знаю многихъ, копорые въ Мессіадѣ на

десятой пѣсни остановились съ пѣмь, чпобѣ уже никогда не принимаешься за эту славную Поэму.“ — Онѣ хвалилѣ Виланда, а особливо Гепе — и велѣвѣ маленькому своему сыну принеспи новое изданіе его сочиненій, чпчалѣ мнѣ съ живоспію нѣкопоря изб его прекрасныхъ мѣлкихъ спихопвореній. Особливо нравися ему маленькая піеса, подѣ именемѣ *Meine Göttin*, копорая шакѣ начинаешя:

Welcher Unsterblichen
Soll der höchste Preis seyn?
Mit niemand streit'ich,
Aber ich geb' ihn
Der ewig beweglichen,
Immer neuen,
Seltsamsten Tochter Iovis,
Seinem Schooskinde,
Der Phantasie, и проч.

„Эшо совершенно по-Гречески, сказалѣ онѣ — и какой языкѣ! какая чпспопа! какая легкоспѣ!“ —

Гердеръ, Гете и подобные имъ, присвоившіе себѣ духъ древнихъ Грековъ, умѣли и языкъ свой сблизить съ Греческимъ, и сдѣлавъ его самымъ богатымъ и для Поэзіи удобнѣйшимъ языкомъ; и по тому ни Французы, ни Англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ Греческаго, какими обогатили нынѣ Нѣмцы свою Липшерапуру. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же неискусственная, благородная просопопа въ языкъ, которая была душею древнихъ временъ, когда Царевны ходили по воду, и Цари знали счепъ своимъ баранамъ. — Гердеръ любезной чело-вѣкъ, друзья мои. Я проспился съ нимъ до завпрашняго дня.

Въ церковь Св. Якова надобно было зайти для того, чптобы видѣть тамъ на стѣнѣ барельефъ покойнаго Профессора Музеуса, сочинителя *физиогномическаго путешествія и Нѣмецкихъ народ-*

ныхъ сказокъ. Подъ барельефомъ стоишь на книгѣ Урна, съ надписью: *незабвенному Музеусу.* — Чувствительная Амалія (*)! попомство будетъ благодарить тебя за то, что ты умѣла чинить дарованія.

21 Июля.

Вчера два раза былъ я у Виланда, и два раза сказали мнѣ, что его нѣтъ дома. Нынѣ пришелъ къ нему въ восемь часовъ утра, и увидѣлъ его. Вообразите себѣ человека довольно высокаго, тонкаго, долголицаго, рябовапаго, бѣлокураго, почти безволосаго, у котораго глаза были нѣкогда сѣрые, но отъ чтенія стали красивые — шаковъ Виландъ. Желаніе

(*) Герцогиня Веймарская, мать владѣющаго Герцога.

II.

23

видѣшь васъ привело меня въ Веймаръ — сказалъ я. „Эпо не спойло пруда!“ отвѣчалъ онъ съ холоднымъ видомъ и съ такою ужимкою, копорой я совсѣмъ не ожидалъ отъ Виланда. Попомъ спросилъ онъ, какъ я, живучи въ Москвѣ, научился говориль по Нѣмецки? Отвѣчая, что мнѣ былъ случай говориль съ Нѣмцами, и припомъ съ такими, копорые хорошо знаютъ свой языкъ, упомянулъ я о Л*. Тутъ разговоръ обрѣлся на сего несчастнаго человека, копорой нѣкогда былъ ему очень знакомъ. Между тѣмъ мы все спояли; изъ чего и надлежало мнѣ заключиль, что онъ не намѣренъ удерживать меня долго въ своемъ кабинетѣ. Конечно я пришелъ не во время? спросилъ я. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ; впрочемъ поупру мы обыкновенно чѣмъ нибудь занимаемся. — „И шакъ повольше мнѣ прищпи въ другое вре-

мя; назначьте только часъ. Еще повторяю вамъ, что я прѣхалъ въ Веймаръ единственно для того, чтобы васъ видѣть.“ — *Виландъ*. Чего вы опѣ меня хопите? — *А*. Ваши сочиненія заставили меня любить васъ, и возбудили во мнѣ желаніе узнать Автора лично. Я ничего не хочу опѣ васъ, кромѣ того, чтобы вы позволили мнѣ видѣть себя. — *В*. Вы приводите меня въ замѣшательство. Скажете ли вамъ искренно? — *А*. Скажите. — *В*. Я не люблю новыхъ знакомствъ, а особливо съ такими людьми, которыхъ мнѣ ни по чему не извѣстны. Я васъ не знаю. — *А*. Правда; но чего вамъ опасаться? — *В*. Нынѣ въ Германіи вошло въ моду путешествовать и описывать путешествія. Многіе переѣзжаютъ изъ города въ городъ, и спараются говорить съ извѣстными людьми только для того, чтобы послѣ все слышанное опѣ

нихъ напечатать. Что сказано было между чепырехъ глазъ, по выдается въ публику. Я на себя не надеженъ; иногда могу бышь *слишкомъ* опкровененъ. — *Я.* Вспомните, что я не Нѣмецъ, и не могу писать для Нѣмецкой Публики. Къ пому же вы могли бы обязашь меня словомъ чеспнаго человека. — *В.* Но какая польза намъ знакомиться? Положимъ, что мы сойдемся образомъ мыслей и чувствъ: да наконецъ не надобно ли будешь намъ разспашься? Вѣдь вы здѣсь не будете жить? — *Я.* Для того, чтобы имѣшь удовольствіе васъ видѣшь, могу оспашься въ Веймарѣ днейдесяшь, и разспавшись съ вами, радовался бы пому, что узналъ Виланда — узналъ какъ опца среди семейспва, и какъ друга среди друзей. — *В.* Вы очень искренны. Теперь мнѣ должно васъ осперегашься, чтобы вы съ этой спороны не примѣшили

во мнѣ чего нибудь дурнаго.—*Я.* Вы шутили.—*В.* Ни мало. Сверхъ пого мнѣ бы совѣспно было, еспьли бы вы почно для меня оспались здѣсь. жипь. Можепь бышь въ другомъ Нѣмецкомъ городѣ, на прим. въ Готѣ, было бы вамъ веселѣе.—*Я.* Вы Поэтѣ, а я люблю Поэзію: какъ бы пріяпно для меня было, еспьли бы вы дозволили мнѣ хопя часъ провести съ вами въ разговорѣ о плѣнительныхъ красопахъ ея?—*В.* Я не знаю, какъ мнѣ говоришь съ вами. Можепь бышь вы учипель мой въ Поэзіи.—*Я.* О! много чеспи. И пакъ мнѣ оспается проспипься съ вами въ первой и въ послѣдній разѣ.—*В.* (*посмотрѣвъ на меня, и съ улыбкою*) Я не фізіогномистѣ; однакожь видѣ вашъ заспавляетъ меня имѣть къ вамъ нѣкопорую довѣренность. Мнѣ нравипся ваша искренность; и я вижу еше перваго Рускаго пакого, какъ вы.

Я видѣлъ вашего Ш***, остраго
 человѣка, напѣяннаго духомъ
 эпоха спарика (*указывая на бюстъ
 Вольтерова*). Обыкновенно ваши еди-
 ноземцы спараются подражать
 Французамъ; а вы — — Я. Благо-
 дарю. — В. И пакъ еспьли вамъ
 угодно провеспи со мною часа
 два-три, то приходите ко мнѣ
 нынѣ послѣ обѣда въ половинѣ
 преньяго. — Я. Вы хопите бытъ
 только снисходительнымъ! — В.
 Хочу имѣть удовольствіе бытъ
 съ вами, говорю я, и прошу васъ
 не думать, чѣобы вы одни на свѣ-
 тѣ были искренны. — Я. Проспи-
 те! — В. Въ претъемъ часу васъ
 ожидаю. — Я. Буду. — Просшите!

Вопѣ вамъ подробное описаніе
 нашего разговора, копорой сперва
 зацѣпилъ заживо мое самолюбіе.
 Окончаніе успокоило меня нѣ-
 сколько; однакожь я все еще въ
 волненіи пришелъ опѣ Виланда къ

Гердеру, и рѣшился на другой день ѣхать изъ Веймара.

Гердеръ принялъ меня съ такою же кропкою ласкою, какъ и вчера — съ такою же привѣпливою улыбкою, и съ такимъ же видомъ искренности.

Мы говорили объ Италіи, откуда онъ не давно возвратился, и гдѣ оспашки древняго искусства были достойнымъ предметомъ его любопытства. Вдругъ пришло мнѣ на мысль: что, если бы я изъ Швейцаріи пробрался въ Италію; и взглянулъ на Медицейскую Венеру, Бельведерскаго Аполлона, Фарнезскаго Геркулеса, Олимпійскаго Юпитера — взглянулъ бы на величественныя развалины древняго Рима, и вздохнулъ бы о плѣнности всего подлуннаго? А сія мысль сдѣлала то, что я на минуту совсѣмъ забылся.

Я признался Гердеру, обративъ разговоръ на его сочиненія, что

die Urkunde des menschlichen Geschlechts казалась мнѣ по большой части непоняшною. „Эту книгу сочинялъ я въ молодости, отвѣчалъ онѣ, когда воображеніе мое было во всей своей бурной стремительности, и когда оно еще не давало разуму опчепа въ пусяхъ своихъ.“ — Духъ вашъ, сказалъ я прощаясь съ нимъ, извѣстенъ мнѣ по вашимъ пвореніямъ; но мнѣ хотѣлось имѣть вашъ образъ въ душѣ моей, и для того я пришелъ къ вамъ — теперь видѣлъ васъ, и доволенъ.

Гердеръ не высокаго росту, посредственной полщины, и лицемъ очень не бѣлъ. Лобъ и глаза его показываютъ необыкновенной умъ — (но я боюсь, чпобы вы, друзья мои, не почли меня какимъ нибудь физиогномическимъ колдуномъ). Видъ его важенъ и привлекателенъ; въ минѣ его нѣтъ ничего принужденнаго, ничего ша-

кого, что бы показывало желаніе казаться *тѣмъ нибудь*. Онъ говоришь пихо и вяшно; даешь всѣ словамъ своимъ, но не излишній. Едва ли, по разговору его, можно подозрѣвать въ Гердерѣ скромнаго любимца Музъ; но великой Ученой и глубокомысленной Метифизикъ скрываетъ въ немъ весьма искусно.

Пріятно, милые друзья мои, видѣшь наконецъ того человека, котораго былъ намъ прежде сполько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ; котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить спарались. Теперь, мнѣ кажется, я еще съ большимъ удовольствіемъ буду читать произведенія Гердерова ума, воспоминающая видъ и голосъ Автора.

Въ 9 часовъ вечера. Я пришелъ къ Виланду въ назначенное время. Маленькія прекрасныя дѣти его окружили меня на крыльцѣ. Ба-

тошка васъ дожидается, сказалъ одинъ. *Подите къ нему*, сказали двое вмѣспѣ. *Мы васъ проводимъ*, сказалъ четвертой. Я ихъ всѣхъ перецѣловалъ, и пошелъ къ ихъ бабюшкѣ.

Простите — сказалъ, вошедши къ нему — простите, еснли давешнее мое посѣщеніе было для васъ не совсѣмъ пріятно. Надѣюсь, что вы не сочтете наглостію того, что было дѣйствіемъ энтузіазма, произведеннаго во мнѣ вашими прекрасными сочиненіями. — „Вы не имѣете нужды извиняться, отвѣчалъ онъ: я радъ, что эпитъ жаръ къ Поэзіи такъ далеко распространяется, тогда, какъ онъ въ Германіи пропадаетъ.“ — Тутъ сѣли мы на канапе. Начался разговоръ, которой минуша опѣ минушы спановилса живѣе и для меня занимательнѣе. Говоря о любви своей къ Поэзіи, сказалъ онъ: „Еснли бы Судьба опредѣ-

лила мнѣ жить на пустомъ островѣ, что я написалъ бы все про же, и съ такимъ же стараніемъ выработывалъ бы свои произведенія, думая, что Музы слушаютъ мои пѣсни.“ Онъ желалъ знать, пишу ли я? и не переведено ли чтонибудь изъ моихъ бездѣлокъ на Нѣмецкой? Я искалъ въ записной своей книжкѣ переводъ *песальной всны*. Прочитавъ его, сказалъ онъ: „Жалью, если вы часто бываете въ такомъ расположеніи, какое здѣсь описано. Скажите, — почему что теперь вы вселили въ меня желаніе узнать васъ короче — скажите, что у васъ въ виду?“ Тихая жизнь, отвѣчалъ я. Окончавъ свое путешествіе, которое предпринялъ единственно для того, чтобы собрать нѣкошорья пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми идеями, буду жить въ мирѣ съ Напурою и съ добрыми, любить

взяцное и наслаждашься имь. — „Кто любить Музь и любимь ими, сказалъ Виландъ, пошь въ самомь уединеніи не будеть празденъ, и всегда найдеть для себя *пріятное* дѣло. Онъ носитъ въ себѣ источникъ удовольствія, творческую силу свою, копорая дѣлаетъ его щасливимъ.“

Разговоръ нашъ касался и до Философовъ. — „Никто изъ Системапиковъ, сказалъ Виландъ, не умѣетъ такъ *обольщать* своихъ чипапелей, какъ Боннетъ; а особливо такихъ чипапелей, копорые имѣютъ живое воображеніе. Онъ пишетъ ясно, пріятно, и заспавляетъ любить себя и Философію свою.“ — О Кантѣ говоритъ Виландъ съ почпениемъ; но, кажется, не ломаетъ головы надъ его Метафизикою. Онъ показывалъ мнѣ новое сочиненіе своего зятя, Профессора Рейнгольда, подъ шипуломъ Versuch einer neuen The-

orie des menschlichen Vorstellungsvermögens, которое только что оппечатано, и которое должно объяснить Кантову Метафизику. Прочтите его, сказал он мне, если вы читаете книги такого рода. Ваш Агафон, или Оберрон, для меня приятен, опвчал я: однакожь иногда из любопытства заглядываю и в область Философии. — „А разв Агафон не есть философическая книга? сказал он: в нем решены самые важнйше вопросы Философии.“ — Правда, сказал я: и так прошу извинить меня. —

Съ любезною искренностию опкрывал мне Виландъ мысли свои о нкоторых важнйших для человечества предметахъ. Он ничего не опвергаетъ, но только полагаетъ различие между чаяниемъ и увреніемъ. Его можно назвать Скептикомъ, но только в хорошемъ значеніи сего слова.

Ему, казалось, пріятнѣе было слышать отъ меня, что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ его сочиненій переведены на Руской. „Но каковъ переводъ?“ спросилъ онъ. — Не можете нравиться шѣмъ, которые знаютъ оригиналь, — отвѣчалъ я. „Такова моя участь, сказалъ онъ: и Французскіе и Англійскіе переводчики меня обезобразили.“

Въ шесть часовъ я вспалъ. Онъ взялъ мою руку, и сказалъ, что отъ всего сердца желаетъ мнѣ щаспія въ жизни. „Вы видѣли меня шаковымъ, каковъ я подлинно, примолвилъ онъ. Проспите, и хопя изрѣдка увѣдомляйте меня о себѣ. Я всегда буду отвѣчать вамъ, гдѣ бы вы ни были. Проспите!“ — Тутъ мы обнялись. Мнѣ казалось, что онъ былъ нѣсколько пронупъ; а это самого меня пронуло. На крыльцѣ мы въ послѣдній разъ пожали другъ у друга руку, и разспались — мо-

жестъ бытъ навѣчно. Никогда, никогда не забуду Виланда! Еспь-ли бы вы видѣли, друзья мои, съ какою ошкровенносшю, съ какимъ жаромъ говоритъ сей почти шестидесятилѣтній человекъ, и какъ всѣ черпы лица его оживляются въ разговорѣ! Душа его еще не соспарѣлась и силы ея не испоцились. Клеелія и Синибальдъ, послѣдняя изъ его поэмъ, писана съ шакою же полнопою духа, какъ Оберронъ, какъ Музаріонъ, и проч. Кажется еще, что онъ въ послѣднихъ своихъ швореніяхъ ближе и ближе къ совершенству подходитъ. Тридцать пять лѣтъ извѣстенъ Виландъ въ Германіи какъ Авпоръ. Самыя первыя его сочиненія, на прим. *правоучительныя повѣсти*, *Симпатіи* и проч., обратили на него вниманіе Публики, Хотя спрота крипика, копорая шогда уже начиналась въ Германіи, и находила въ нихъ много недоспашковъ ;

однакожь отдавала Авпору справедливоспъ въ помѣ, что онѣ имѣетъ изобрѣшательную силу, богатое воображеніе и живое чувство. Но эпоха славы его началась съ *комическихъ повѣстей*, признанныхъ въ своемъ родѣ превосходными и на Нѣмецкомъ языкѣ тогда единственными. Удивлялись его остроумѣ, вкусу, красотѣ языка, искусству въ повѣствованіи. Попомѣ издавалъ онѣ поэму за поэмою, и послѣдняя всегда казалась лучшею. Давно уже Германія признала его однимъ изъ первыхъ своихъ Пѣвцевъ; онѣ покоился на лаврахъ своихъ, но не засыпаетъ. Еспьли Французы оспавили наконецъ свое старое худое мнѣніе о Нѣмецкой Липперашурѣ (которое нѣкогда она въ самомъ дѣлѣ заслуживала, ш. е. тогда, какъ Нѣмцы прилѣжали только къ сухой учености) — еспьли знающіе и справедливыи-

шіе изъ нихъ соглашаются , что Нѣмцы не только во многомъ сравнялись съ ними, но во многомъ и превзошли ихъ: по конечно произвели эпо опчаспи Виландовы сочиненія, хопя и не хорошо на Французской языкѣ переведенныя.

Вчера ввечеру, идучи мимо того дома, гдѣ живепѣ Геше, видѣль я его смопряцаго вѣ окно, — оспановился и разсмаприваль его съ минушу: важное Греческое лице ! Нынѣ заходилъ къ нему ; но мнѣ сказали, что онѣ рано уѣхаль вѣ Ену. — Вѣ Веймарѣ еспѣ еще и другіе извѣспные Писатели : Бершухъ , Бодѣ, и проч. Бершухъ перевель съ Гишпанскаго Донѣ-Кришопа, и выдаваль *магазинѣ Гишпанской и Португальской Литтературы*; а Бодѣ славипѣ переводомѣ Спернова *Путешествіа* и Триспрама Шанди. Герцогиня Амалія любипѣ дарованія. Она призвала къ своему двору Виланда и

поручила ему воспитаніе молодого Герцога ; она призвала Гете , когда онъ прославился своимъ Вертеромъ ; она же призвала и Гердера въ начальники здѣшняго духовенства.

Простите , друзья мои ! Ясная ночь вызываетъ меня изъ комнаты. Беру свой спраннической посохъ — иду смотрѣть на засыпающую Природу , и спраншповать глазами по звѣздному небу.

—●—

Веймаръ, Іюля 22.

Мнѣ рассказывали здѣсь разные анекдоты о нашемъ Л*. Онъ пріѣхалъ сюда для Гете , друга своего, кошорой вмѣстѣ съ нимъ учился въ Спразбургѣ, и былъ тогда уже при Веймарскомъ дворѣ. Его приняли очень хорошо , какъ человекъ съ дарованіями ; но скоро примѣшили въ немъ великія

странноши. На прим. однажды явился онъ на придворной балъ въ доминѣ, въ маскѣ и въ шляпѣ, и въ шу минушу, какъ всѣ обратили на него глаза и ахнули отъ удивленія, спокойно подошелъ къ знатнѣйшей дамѣ и звалъ ее панцовашъ съ собою. Молодой Герцогъ любилъ фарсы и радъ былъ сему забавному явленію, которое доставило ему удовольствіе смѣяпсья отъ всего сердца; но чиновные господа и госпожи, соспавляющіе Веймарской дворѣ, думали, что дерзоспному Л* надлежало за то по крайней мѣрѣ опрубить голову. — Съ самага своего прѣзда Л* объявилъ себя влюбленнымъ во всѣхъ молодыхъ, хорошихъ женщинѣ, и для каждой изъ нихъ сочинялъ любовныя цѣсни. Молодая Герцогиня печалилась тогда о кончинѣ сеспры своей. Онъ написалъ ей на сей случай прекрасные сшихи; но не преминалъ

въ нихъ уподобилъ себя Иксиону, дерзнувшему влюбиться въ Юпитеру супругу. — Однажды онъ встрѣтился съ Герцогинею за городомъ, и вмѣсто того, чтобы поклониться ей, упалъ на колѣни, поднялъ вверхъ руки, и такимъ образомъ далъ ей мимо себя пробѣжать. На другой день Л* всѣмъ знакомымъ разослалъ по бумажкѣ, на которой нарисована была Герцогиня и онъ самъ, стоящій на колѣняхъ съ поднятыми вверхъ руками. — Но ни Поэзія, ни любовь не могли занять его совершенно. Онъ могъ еще думать о реформѣ, которую, по его мнѣнію, надлежало сдѣлать въ войскѣ Его Свѣшлости; и для того подавалъ Герцогу разные планы, писанные на большихъ листахъ. — За всѣмъ тѣмъ его перѣбѣли въ Веймаръ, а дамы находили пріятнымъ. Но Гете наконецъ съ нимъ поссорился и принудилъ его вы-

бхапъ изъ Веймара. Одна дама взяла его съ собою въ деревню, гдѣ нѣсколько дней читалъ онъ ей Шекспира, и потомъ отпра- вился спранспивоватъ до бѣлому свѣ- шу. —

Эрфуртѣ 22 Июля.

Въ два часа прѣбжалъ я сюда изъ Веймара, оспановился въ пракпи- рѣ (копораго имени, право, не знаю); выпилъ чашку кофе, пошелъ на пакъ называемую *Петрову гору* въ Бенедикпинской монаспырь, и просилъ шамъ перваго вспрѣ- пившагося мнѣ опца указатъ по мѣсто, гдѣ погребенъ Графъ Глей- хенъ. *Голстой* опецъ (нв. мона- спырь очень богатъ) охриплымъ голосомъ сказалъ мнѣ, чшобы я шелъ къ опцу церковнику. Мнѣ надлежало ишти черезъ длинныя сѣни или коридоръ, гдѣ въ печаль-

номъ сумракъ представились глазамъ моимъ распятія и угасшія лампы. Вожашой оставилъ меня въ коридорѣ и пошелъ искать отца церковника. Трудно описать, что чувствовалъ я, прохаживаясь одинъ въ глубокой тишинѣ по сему темному коридору, и смотря на распятія, на лампы и на спарья карпины, на которыхъ изображены были разныя страшныя сцены. Мнѣ казалось, что я пришелъ въ мрачное жилище Фанатизма. Воображеніе мое представило мнѣ сіе чудовище во всей его гнусности, съ поднявшимися опъ ярости волосами, съ клубящеюся у рта пѣною, съ пламенными, бѣшеными глазами, и съ кинжаломъ въ рукѣ, прямо на сердце мое устремленнымъ. Я запрепещалъ, и холодной ужасъ разлился по моимъ жиламъ. Изъ глубины прошедшихъ вѣковъ загремѣли въ мой слухъ адскія закли-

нанія ; но , кѣ щаснію , вѣ самую сію минупу пришелъ мой жожапой , и фаншомы моего воображенія исчезли . Опецѣ церковникѣ , сказалъ онѣ , вмѣспѣ сѣ другими опцами сидипѣ за вечернею прапезою . Да не можешь ли пы самѣ показашъ мнѣ гробѣ Глейхена ? спросилъ я . Могу , опвѣчалъ онѣ , еспьли вы полько его хопиине видѣшь .—Вошедши вѣ церковь , поднялъ онѣ двѣ широкія скованныя доски , и я увидѣлъ большой камень .—Выслушайте испорію .

Когда свая ревность , выгнапѣ невѣрныхѣ изѣ земли обѣшованной , заразила всю Европу , и благочеспивые рыцари , кресномѣ ознаменованные , успремилась кѣ восшоку : тогда и Глейхенѣ , Имперской Графѣ , оставилъ свое опечество , и сѣ вѣрною дружиною направилъ пупѣ свой кѣ спранамѣ Азіатскимѣ . Не буду описывашъ вамѣ великихѣ дѣлъ его мужеспва .

Скажу только, что самые храбрѣйшіе рыцари Христіанства удивлялись его подвигамъ. Но Небесамъ угодно было искусить нещасіемъ вѣру Героя — Графъ Глейхенъ попался въ плѣнъ къ невѣрнымъ, и спалъ невольникомъ знашнаго Магомешанца, которой велѣлъ ему смотрѣть за своимъ садомъ. Графъ, нещасливой Графъ поливалъ цвѣты, и спеналъ въ тяжкомъ рабствѣ. Но щещны были бы всѣ его спенанія и всѣ обѣны, естли бы прекрасная Сарацынка, милая дочь господина его, не обрапила взоромъ нѣжной любви на зощаспнаго Героя. Часпо въ густыхъ лѣняхъ вечера внимала она жалобнымъ пѣснямъ его; часпо видѣла невольника молящагося со слезами, и сама слезы проливала. Робкая спыдливосць долгое время не допускала ее извѣяснисья и сказаць ему, что она беретъ учаспіе въ его печали. Наконецъ

искра воспылаха — стыдливоспъ
 исчезла — любовь не могла уже
 шаипсья въ сердцѣ, и огненною
 рѣкою излилась изъ успѣ ея въ
 душу изумленнаго Графа. Ангель-
 ская невинноспъ ея, цвѣщущая
 красота и способъ разорвать цѣпь
 неволи, не дали ему вспомнишь,
 чпо у него была супруга. Онъ
 клялся Сарацынкѣ вѣчно любить
 ее, еспъли она согласишся оспа-
 вишь своего опца, опечеспво, и
 бѣжащъ съ нимъ въ спраны Хри-
 спіянскія. Но она уже не помни-
 ла ни опца, ни опечеспва—Графъ
 былъ для нее все. Прекрасная ле-
 шипъ, приносишь ключъ, опши-
 раешъ дверь въ поле — лепишь
 съ своимъ возлюбленнымъ, и ши-
 хая ночь, одѣвъ ихъ мрачнымъ сво-
 имъ покровомъ, благопріятспвуешъ
 ихъ побѣгу. Щаспливо доспига-
 юшь они до опечеспва Графска-
 го. Подданные лобызаюшь своего
 Государя и опца, кошораго счи-

II.

25

пали они погибшимъ , и съ любопытствомъ смопрятъ на его спасную солушницу , покрытую флеромъ . При входѣ во дворецъ Графиня бросается въ его объятія . „Ты опять меня видишь , любезная супруга! говоритъ Графъ: благодари ее (*указывая на свою избавительницу*) — она все для меня оспавила . Ахъ! я клялся любить ее!“ — Графъ хочетъ рукою закрыть текущія слезы свои . Сарацынка открываетъ свое лице , бросается на колѣни передъ Графинею , и рыдая говоритъ : *я теперь раба твоя!* — „Ты сестра моя , отвѣчаетъ Графиня , подымая и цѣлуя Сарацынку : супругъ мой будетъ твоимъ супругомъ ; раздѣлимъ сердце его.“ — Графъ удивляется великодушю супруги — прижимаетъ ее къ своему сердцу — всѣ обнимающся и клянуся любить другъ друга до гроба . Небеса благословили сей происшвенной союзъ , и самъ

Папа подтвердилъ его. Миръ и счастье обитали въ Графскомъ домѣ, и вѣрные супруги были погребены вмѣстѣ—въ Эрфуртѣ, въ церкви Бенедиктинскаго монастыря — и покрыты однимъ большимъ камнемъ, на кошоромъ рука усерднаго художника вырѣзала ихъ изображенія. Я видѣлъ сей большой камень, и благословилъ память супруговъ.

Взглянувъ съ *Петроей горы* на городъ и окрестности, пошелъ я въ сиропской домъ, и видѣлъ шамъ келью, въ кошорой Маршинъ Люперъ жилъ отъ 1505 до 1512 года. На стѣнахъ сей маленькой, темной горницы написана его исторія. На столикѣ лежишь Нѣмецкая Библия перваго изданія, кошорую употреблялъ самъ Люперъ, и въ кошорой всѣ бѣлыя страницы исписаны его рукою. Можно ли, думалъ я, чшобы проспой монахъ, жившій во мракѣ

этой кельи, сдѣлалъ не только великую реформу въ Римской церкви, вопреки Императору и Папѣ, но и великую моральную революцію въ свѣтѣ! — Вышедши изъ кельи, увидѣлъ я въ коридорѣ множество спранныхъ карпинъ. На одной изображенъ Императоръ, къ которому смерть, въ видѣ скелета, подходитъ и докладываетъ съ низкимъ поклономъ, что ему пора сложить съ себя земное величiе и отправиться на пошъ свѣтѣ. На другой предспавлена акприса, а позади ее смерть въ царскомъ одѣянiи, поднимающая кинжалъ съ маскою. На прешей изображены содержатель Типографiи въ шпофномъ халатѣ и въ большомъ парикѣ, помощникъ его и смерть, хопящая подкосить ноги перваго; а внизу подписано, что и содержатели Типографiй умереть должны! и проч. и проч.

Гота, 23 Юля, вѣ полночь.

Я прѣхалъ сюда вѣ одиннадцатъ часовѣ утра, и оспановилъ вѣ прапширѣ *колоколгика*. Сильная головная боль заспавила меня пролежать весь день. Ввечеру я вспалъ, ходилъ по городу, и видѣлъ передѣ дворцомѣ иллюминацію и феерверкѣ, которымѣ Гопской Герцогѣ веселилъ маленькаго Веймарскаго Принца, прѣхавшаго къ нему вѣ госпи.

Франкфуртѣ на Майнѣ, Юля 28.

Вчера, милые друзья мои, прѣхалъ я во Франкфурпѣ. Дорога отѣ Гопы была для меня очень скучна. Почпи на каждой спанціи надлежало мнѣ ночевать—(я ѣхалъ на ординарной почпѣ) — или по крайней мѣрѣ спояшь по нѣскольку часовѣ. Дороги вездѣ прескверныя, пакѣ чпо надобно ѣхать все

шагомъ, и даже самыя улицы въ маленькихъ городкахъ и мѣстечкахъ такъ дурны, что съ прудомъ проѣхать можно. Правда, я сидѣлъ въ коляскѣ очень проспорно, т. е. почти все одинъ; но чрезмѣрно пихая ѣзда и остановки были для меня несносны. Къ тому же почти ничего занимательнаго не встрѣчалось глазамъ моимъ, и я сомнѣваюсь, чтобы самъ Йорикъ нашелъ тутъ много интереснаго для своего сердца.

Только дикія окрестности Эйзенаха произвели во мнѣ нѣкоторыя пріятныя чувства, напомнивъ мнѣ первобытную дикость всей Напуры. Еще замѣтилъ я замокъ Варшбургъ, копорой лежитъ на горѣ не далеко отъ Эйзенаха, и въ копоромъ послѣ Вормскаго Сейма содержанъ былъ Марпинъ Люперъ. Тутъ возвышаются два камня, въ копорыхъ воображеніе находилъ нѣчто похожее на чело-

вѣческія фигуры, и о которыхъ, по старому преданію, рассказывается слѣдующая сказка:

Молодой монахъ влюбился въ молодую монахиню. Тщетно сражался онъ съ своею любовію; напрасно хотѣлъ умерщвлять плоть свою постомъ и трудами! Кровь его кипѣла и волновалась. Образъ нѣжной монахини всегда присущивалъ въ душѣ его. Онъ хотѣлъ молиться; но языкъ его, послушной сердцу, не могъ произнести ничего, кромѣ: *люблю! люблю! люблю!* Часпо ходилъ онъ въ пошъ монастырь, гдѣ заключена была прекрасная; часпо, смотря на нее, лилъ пламенные слезы, и видѣлъ огненной румянецъ на лицѣ своей возлюбленной, — видѣлъ симпатическія слезы въ глазахъ ея. Сердца ихъ разумѣли другъ друга, испугались своихъ чувствъ и — пипали ихъ. Наконецъ молодой монахъ шрепещу-

щею рукою вручилъ своей любезной слѣдующее письмо: *Милая сестра! не далеко отъ монастырскихъ воротъ, въ правую сторону, возвышается крутая гора. Я буду тамъ при наступленіи ночи. Или ты, прекрасная, будешь тамъ же, или я свергнусь съ высокаго утеса, и умру временною и вѣтною смертію.* Сердце ея запрепешало. „Мнѣ видѣшь его — думаешь она — мнѣ видѣшь его за стѣною монастырскою, и бышь съ нимъ одной въ пишинѣ ночи? Но я должна спасти его отъ спрашнаго грѣха самоубійства.“ — Она находилъ способъ выпши ночью изъ монастыря — идешь во мракѣ и спрашися всякаго шороха — всходишь на гору, и вдругъ чувствуешь себя въ объятіяхъ своего спрашнаго обожателя. Они забываютъ все, прешущушь въ восторгѣ — но вдругъ кровь ихъ хладѣетъ, нѣмѣютъ члены, сердца пе-

респають бипсья, и Небесной гнѣвъ превращаетъ ихъ въ два камня. „Вы видите ихъ“ — сказалъ мнѣ поспиліонъ, указывая на верьхъ горы. — — Изъ сей народной сказки сочинилъ Виландъ прекрасную поэму, подъ пипуломъ: *der Mönch und die Nonne*.

Проѣзжая черезъ маленькое мѣстечко близъ Гиршфельда, поспиліонъ мой оспановилъ у дверей одного дому. Я счелъ эпопѣ домъ пракширомъ, вошелъ въ него, и первому челоуѣку, копорой вспрѣшилъ меня съ низкимъ поклономъ, велѣлъ принести бупылку воды и рейнвейна; сѣлъ на стулъ, и не думалъ снимать своей шляпы. Въ комнаѣ было еще челоуѣка при, копорые съ великою учпивоспїю начинали говорить со мною. Принесли рейнвейнъ. Я пилъ, хвалилъ вино, и наконецъ спросилъ, что надобно заплапшъ за него? „Ничего, опвѣчали мнѣ съ покло-

номъ: вы не въ пракпирѣ, а въ гостяхъ у честнаго мѣщанина, копорой очень радъ тому, что вамъ полюбился его рейнвейнъ.“ Вообразите мое удивленіе! Я схватилъ съ себя шляпу и спалъ извиняпсья. „Ничего! ничего! сказалъ мнѣ хозяинъ: только прошу васъ быть благосклоннымъ къ моей дочери, копорая побѣдитъ съ вами въ коляскѣ.“ Буду почтительнѣ, и все, что вамъ угодно, — отвѣчалъ я. Пришла дочь его, дѣвушка лѣтъ въ двадцать, изрядная собою, въ зеленомъ суконномъ серпукѣ и въ черной шляпѣ. Мы рекомендовались другъ другу и сѣли въ коляскѣ рядомъ. Каролина (такъ называлась дѣвушка) сказала мнѣ, что она ѣдетъ въ деревню къ своей теткѣ. Я не хотѣлъ беспокоить ее никакими дальнѣйшими вопросами, вынулъ изъ кармана своего Vicar of Wekefield и началъ чипать. Сопутница моя спала зѣ-

вапшь, жмурипшься, дреманшь, и на-
 концецъ голова ея упала ко мнѣ на
 плечо. Я не смѣлъ пронупшься,
 чшобы не разбудипшь ея; но
 вдругѣ насѣ пакѣ пряхнуло, что
 она оплешѣла опѣ меня вѣ другой
 уголъ коляски. Я предложилъ ей
 большую свою подушку. Она взяла
 ее, положила себѣ подѣ голову и
 опяпшь заснула. Между пѣмѣ смерк-
 лось, и наспупила ночь. Каролина
 спала крѣпкимѣ сномѣ, и не про-
 сыпалась до самага пого мѣста,
 гдѣ надлежало намѣ сѣ нею раз-
 спаться. Чшо принадлежицѣ до
 меня, по я велѣ себя пакѣ честно,
 какѣ цѣломудренной рыцарь, боя-
 щийся однимѣ нескромнымѣ взо-
 ромѣ оскорбипшь спыдливоспшь ввѣ-
 ренной ему невинности. Рѣдки
 шакиѣ примѣры вѣ нынѣшнемѣ
 свѣпѣ, друзья мои, рѣдки! Каро-
 лина, по своей невинности, не ду-
 мала благодарипшь меня за мою
 воздержностпшь, и проспилась со

мною очень сухо. Богъ съ нею !

Нигдѣ во всю дорогу не было мнѣ такъ грустно, какъ въ Гиршфельдѣ. Я пріѣхалъ туда въ пять часовъ вечера, и долженъ былъ побыть тамъ до полуночи. Городъ не представлялъ мнѣ ничего любопытнаго, и я не зналъ, что дѣлать. Чипать не могъ—писать также, хотя Почтмейстерша, по моему пребыванію, и принесла мнѣ цѣлую пепрадь бумаги. Сидя подгорюнившись, думалъ я о друзьяхъ опдаленныхъ, чувствовалъ сиротство свое и грустилъ.

Сюда пріѣхалъ я ночью въ дождь, и остановился въ пракпирѣ *зельды*, гдѣ опвели мнѣ хорошую комнату.

Франкфуртъ, 29 Июля.

Ненасъе продолжается. Сижу въ своей горницѣ, подъ распвореннымъ окномъ; и хотя косою

дождь мочилъ меня и разливаеѣтъ
дрожь по'моей внушренности, од-
накожь каменная Руская грудь не
боиѣся проспуды, и пипомецѣ
желѣзнаго сѣвера смѣтешя надѣ
слабымѣ усилиемѣ Маинскихѣ бурь.

Но такой ли погоды ожидалъ я
въ здѣшнемѣ кропкомѣ климатѣ?
Болѣе и болѣе удаляясь отѣ сѣ-
вера, радовался я мыслию, чѣто о-
спавляю за собою холодѣ и сы-
рость, все сердитое, жестокое
и угрюмое въ напурѣ. Тамѣ, гдѣ
печепѣ Маинѣ и Рейнѣ, думалъ
я, памѣ небо чисто, дни красны,
и одни зефиры спруяшѣ воздухѣ;
памѣ цвѣтущая Природа ликуешѣ
въ яркомѣ свѣтѣ лучей солнеч-
ныхѣ. Но — прѣвѣжаю, и нахожу
пасмурную осень среди лѣта.
Только я намѣренѣ переупрямитѣ
погоду; и клянусь Титанами и
спрашнымѣ Спиксомѣ, чѣто не вы-
ѣду изѣ Франкфурѣ не дождав-
шись ясныхѣ дней.

Вчера былъ я только у Виллемера, богатаго здѣшняго Банкаира. Мы говорили съ нимъ о новыхъ Парижскихъ происшествіяхъ. Что за дѣла тамъ дѣлаются! Думалъ ли нашъ А* (кошорой уѣхалъ опсюда недѣли за двѣ передъ симъ) видѣть въ Парижѣ такія сцены?

Не воображайте, чпобы мнѣ скучно было сидѣть въ своей горницѣ. Публичная библіотека въ прехъ шагахъ отъ пракпира. Вчера я бралъ изъ нее Фіеско, Шиллерову трагедію, и читалъ ее съ великимъ удовольствіемъ отъ первой страницы до послѣдней. Едва ли не всего болѣе пронулъ меня монологъ Фіеска, когда онъ, уединясь въ тихій часъ утра, размышляетъ, лучше ли ему оспаться проспымъ гражданиномъ, и за услуги, оказанныя имъ опечеспву, не претовашъ никакой награды, кромѣ любви своихъ согражданъ, или воспользовашся обспояшель-

спвами и присвоить себѣ верховную власть въ Республикѣ. Я гошовѣ былъ упасъ передѣ нимѣ на колѣни и воскликнуть: *избери первое!* Какая сила въ чувспахѣ! Какая живопись въ языкѣ! Вообще Фіеско пронулъ меня болѣе, нежели Донъ-Карлосъ, хопя сего послѣдняго видѣлъ я на шеапрѣ, и хопя крипика опдаепѣ ему преимущеспво. — Нынѣ чипалѣ я также съ великимѣ удовольспвіемѣ Ифландовы драмы, копорыя можно назвапѣ прекрасными семейспвенными карпинами, и копорыя вѣрию полюбились бы нашей Публикѣ, еспѣли бы искусной человекѣ обрабопалѣ ихѣ для Рускаго шеапра.

Вѣ одномѣ пракпирѣ со мною живепѣ молодой Докпорѣ Медицины, копорой вчера пришелѣ ко мнѣ пипѣ чай, и просидѣлъ у меня весь вечерѣ. По его мнѣнію все зло въ мѣрѣ происходипѣ отѣ лю-

го, что люди не берегутъ своего желудка. „Испорченной желудокъ, сказалъ онъ, бываетъ источникомъ не только всѣхъ болѣзней, но и всѣхъ пороковъ, всѣхъ дурныхъ привычекъ, всѣхъ злыхъ дѣлъ. Отъ чего моралисты такъ мало исправляютъ людей? Стъ того, что они считаютъ ихъ здоровыми, и говорятъ съ ними какъ со здоровыми, тогда, когда они больны, — тогда, когда бы, вмѣсто всѣхъ словесныхъ убѣждений, надлежало имъ дать нѣсколько приемовъ чистительнаго. Безпорядокъ душевной бываетъ всегда слѣдствіемъ телеснаго безпорядка. Когда въ машинѣ нашей находится все въ совершенномъ равновѣсіи; когда всѣ сосуды дѣйствуютъ и отдѣляютъ исправно разныя жидкости; однимъ словомъ, когда всякая часть управляетъ ту должность, которую поручила ей Натура: тогда и душа бываетъ

здорова ; погда чловѣкѣ рассу-
даешъ и дѣйсвуешъ хорошо; по-
гда бываешъ оубо мудрѣ и добро-
дѣшленѣ, и веселѣ и щаспливѣ.“
— И такѣ ешьли бы у Калигулы
не былѣ испорченѣ желудокѣ, по
онѣ не вздумалѣ бы поспроишь
моспу на Средиземномѣ морѣ?
спросилѣ я. — „Безѣ сомнѣнїа,
опвѣчалѣ мой Докторѣ; и ешьли
бы лекарѣ его догадался дашь ему
нѣсколко чиспительныхѣ пилуль,
по смѣшное предпрїятїе было бы
черезѣ часѣ оставлено. Опѣ чего
вѣ зланомѣ вѣкѣ были люди и
добры и щаспливы? Конечно опѣ
шого, что они, пипаясь полько
распѣнїями и молокомѣ, никогда
не обременяли и не засоряли сво-
его желудка. Наконецѣ скажу вамѣ,
что ешьли бы я былѣ Государемѣ,
по велѣлѣ бы всѣхѣ преступни-
ковѣ, вмѣсто наказанїа, опсылашь
вѣ больницы и лечишь до того,
пока они сдѣлались бы добрыми

II.

26

людьми и полезными гражданами. Со временемъ предложу Публикѣ свои мнѣнія и доказательствъ, копорыя, можетъ быть, сдѣлающъ революцію въ Философіи. Тогда вспомните, государь мой, что вы отъ меня слышали.“ — Я удивлялся логикѣ Господина Докпора.

Юля 30.

Наконецъ Франкфуртское небо переспало жмурить брови, и прояснилось. Пользуясь хорошимъ временемъ, ходилъ я такъ много, что теперь чувствую боль въ ногахъ.

Тракпирцикъ мой водилъ меня по здѣшнимъ садамъ. Въ одномъ изъ нихъ встрѣпились мы съ хозяиномъ, почтеннымъ спарикомъ и, какъ сказывающъ, очень богатымъ человекомъ. Узнавъ отъ моего вожакаго, что я путешеству-

ющій иноспранець, онъ взялъ меня за руку и сказалъ: „Я самъ покажу вамъ все то, что можно назвать изряднымъ въ моемъ саду. Какова эша шемная алея?“ — Въ жаркое время шупь хорошо прохладдаться, опшвчаль я. — „А эша маленькая бесѣдка подъ вѣшьями кашпановыхъ деревъ?“ — Тупь прекрасно сидѣшь ввечеру, когда луна покажешся на небѣ и свѣшь свой прольетъ сквозь развѣсиспя вѣшья на эшу бархатную зелень. — „А эшопъ холмикъ?“ — Ахъ! какъ бы я желалъ вшпрѣпить шупь восходящее солнце! — „А эшопъ маленькой лѣсокъ?“ — Тупь вѣрно покошь весной соловьи, шакъ спокойно и весело, какъ въ самыхъ дикихъ мѣстахъ Природы, ни мало не подозрѣвая, чтобы сюда заманивало ихъ искусство. — „Что вы скажете объ эшомъ домикѣ?“ — Онъ построень на то, чтообъ бышь жилищемъ

Философа, любящаго простоту, уединеніе и пищину. — „Теперь вамъ надобно согласиться выпить у меня чашку кофе.“ — Мы вошли въ домикъ, и сѣли на деревянныхъ стульяхъ вокругъ маленькаго столика. Намъ подали кофе. Я съ удовольствіемъ поблагодарилъ хозяина за его гостепріимство.

Въ ненастное время казалось мнѣ, что Франкфуртъ пустъ; а теперь кажется, что онъ очень многолюденъ — опъ пого, что въ дурную погоду сидѣли всѣ дома, кромѣ тѣхъ, копорымъ уже по крайней нуждѣ надлежало корчиться подъ дождемъ и поппать ногами грязь на улицахъ; а теперь, обрадовавшись солнцу, всѣ какъ муравьи ползутъ изъ своихъ норъ.

По своей цвѣтущей и обширной коммерціи, Франкфуртъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ городѣвъ въ Германіи. Кромѣ нѣкопрыхъ дво-

рянскихъ фамилій, здѣсь поселившихся, всякой жишель купецъ, по еспь, производилъ какой нибудь торгъ. На всякой улицѣ множествво лавокъ, наполненныхъ поварами. Вездѣ знаки прудолубія, *промышленности* (*), изобилія. Ни одинъ нищій не подходилъ ко мнѣ на улицѣ просить милоспыни.

Только не лъзя назвапъ Франкфурпа хорошо выспроеннымъ городомъ. Дома почпи всѣ старинные, и расписаны разными красками, — чшо для глазъ весьма спранно.

Еще скажу то, чшо здѣсь въ нпракпирахъ сполъ очень дешевъ. Мнѣ приносятъ всегда пяпъ хорошо пригопвленныхъ блюдъ и еще десертъ, на двѣхъ или прехъ шарелкахъ, и за эшо плачу не бо-

(*) Эшо слово сдѣлалось нынѣ обыкновеннымъ: Авшоръ употребилъ его первый.

лѣе 50 коп. Вино также очень дешево. Бутылка молодого рейнвейна стоит 10 коп., а старого 40.—

Послѣ обѣда, когда солнце укропило жаръ лучей своихъ, вышелъ я за городъ. Сады, сельскіе домики, луга и виноградные огороды представились глазамъ моимъ. Сколько ландшафтовъ, достойныхъ кисти Салвадора Розы или Пуссеновой!

Уединенной домикъ съ садикомъ, не далеко отъ большой дороги, прельстилъ меня, и я пошелъ къ нему по узенькой пропинкѣ. Два мальчика, играшіе на правѣ, бросились ко мнѣ на встрѣчу; но закричавъ: *это не онъ! это не Каспаръ!* побѣжали назадъ и скрылись въ домикъ. Старое кашпановое дерево призывало меня въ свою тѣнь — я сѣлъ подъ его вѣтвями. Минутъ черезъ пять мальчики опять выбѣжали, а за ними вышла женщина лѣтъ въ тридцать,

пріятная лицемъ, въ бѣлой коф-
шочкѣ и въ соломенной шляпкѣ.
Она сѣла на крыльцѣ, и смотрѣла
сѣ улыбкою на играющихъ мальчи-
ковъ, сѣ такою улыбкою, по копо-
рой легко было узнать, что она
мама ихъ. Они уговорились бѣгать
въ запуски; взявшись за руки, опо-
шли опѣ крыльца шаговъ трид-
цать, остановились, выславили
впередъ грудь и правую ногу, и
ждали, чтобы мама подала
имъ знакъ. Она махнула имъ плаш-
комъ, и они пустились какъ изъ
лука спрѣла. Большой опередилъ
меньшого, прибѣжалъ къ маме,
и закричавъ: *я первой!* бросился цѣ-
ловать ее. Меньшой прибѣжалъ, и
также кинулся къ ней на шею.
Любезная картина семейственна-
го счастья! Можетъ быть въ го-
родѣ она бы меньше меня прону-
ла; но среди сельскихъ красотъ
сердце наше живѣ чувствуетъ
все то, что принадлежитъ къ

суммѣ истиннаго щаспія, вліянаго благодѣшнымъ Существомъ въ сосудъ жизни человѣческой.—Прости, уединенной домикъ! Миръ, пишина и покой да будущъ всегда наслѣдственнымъ добромъ твоихъ обитателей! А ты, вѣшвисное дерево! долго, долго еще принимай странниковъ въ тѣнь свою — и подъ кровомъ шумящихъ листьевъ твоихъ да веселятся они веселіемъ невидности и добродѣтели!

К О Н Е Ц Ъ В Т О Р А Г О Т О М А .

